

О переводе

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons “**Forgotten Realms**”. Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Команда переводчиков:

1. Рыцари Самулара - **Алекс**
2. Сделка - **KiD**
3. Насмешка Эльминстера - **Alishanda**
4. Чем больше вещи меняются - **Elstan**
5. Прямой Подход - **mar4uk**
6. Тайны крови, души моря - **Алекс**
7. Большая Охота - **Orthdx**
8. Разговаривая с мёртвыми - **Apsu Velg'larn** и **Zelgedis**
9. Украденные мечты - **Verhanna**
10. Пламя есть пламя - **Habilis**
11. Сокровища - **Sinisstra** и **Faer**
12. Немного знаний - **Алекс**
13. Азартные игры - **Алекс**
14. Дань - **Dragn**
15. Услышанные молитвы - **Elstan**

Редакторы: **Zelgedis, Lanjane, Дариэль, nikola26**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» — этого будет достаточно. ;-)

Собрание историй со страниц антологий Королевств и журнала "Дракон" за десятилетие, плюс три новых рассказа.

«ЛУЧШЕЕ В КОРОЛЕВСТВАХ»

книга III

Элейн Каннингем

РЫЦАРИ САМУЛАРА

Публикуется впервые.

Всегда можно найти что-то интересное на фэнтези-форумах. Однажды я узнала, что идет прослушивание последней книги из цикла «Арфисты». Сначала его планировали, как цикл автономных романов, но вскоре отказались от этой затеи, поскольку к книгам писались продолжения, они объединялись в трилогии и подсерии, а иногда пересекались между собой, образуя новые трилогии и циклы. Любая хронология вселенной, написанная при таких обстоятельствах, выглядела бы так, как будто ее нарисовал ребенок с помощью «Волшебного Экрана». Поэтому было решено закончить цикл «центральной книгой», которая введет новые персонажи и сюжетные линии для последующей их разработки в будущих романах и игровых книгах.

Но это не сработало. Редакционные приоритеты изменились, и «Терновый Оплот», написанный именно как «центральная книга» со множеством свободных тем, которые другие авторы могли бы взять себе и развивать в своих новых романах, теперь издан, как последняя книга в цикле «Арфисты». Прошло время. Читатели были в замешательстве. Я списала это на мой неудавшийся первый опыт, поклялась больше никогда не писать такую, слишком открытую, книгу и уже смирилась с тем, что оставила много вопросов без ответа.

Но затем, довольно неожиданно, я получила возможность вернуться к некоторым персонажам из «Тернового Оплота» в «Восстановлении», шестой и последней книге в цикле «Песни и Мечи». Другая возможность появилась, когда Питер Арчер предложил мне написать продолжение «Тернового Оплота» в виде рассказа для этой антологии.

Эта история связывает несколько обрывающихся линий и проливает свет на загадочные аспекты романа. Он не пересматривает судьбы всех персонажей и не отвечает на все вопросы, но позволяет найти пути решения для некоторых из них.

17 фламерула, Год Зачарованного Следа (925 по ЛД)

Крепость Гриффенвинг, твердыня близ Аскалхорна

Демон был вообще не такой, как ожидал Ренвик Карадун.

Огромные крылья, как у летучей мыши, чешуя цвета расплавленной лавы, ужас и воплощенное зло – «Книга Заклинаний» мрачно намекала на все это. Ренвик, учитывая его, по общему признанию, небольшие способности к магии, довольствовался бы и запахом серы, ну может быть щупальцем или двумя. К его удивлению, существо, стоящее в кругу кропотливо нарисованных символов, больше походило на слегка недовольного ученого, чем на приспешника зла.

– Имею ли я честь лицезреть демона Ямаррала, Лорда Хаоса и Похоти? – осторожно спросил Ренвик.

Вместо ответа демон поднял книгу которую изучал, продемонстрировав сцену, нарисованную на мрачном черном пергаменте. Изображение на иллюстрации двигалось, и взгляд, брошенный на извивающиеся фигуры, более чем наглядно получил ответ на, задаваемый Ренвиком, вопрос.

– Ты не смог бы вызвать демона, не прозвнеся его настоящего имени, – заметил Ямаррал, сунув книгу в свою простую коричневую тунику. – Ты сомневаешься в законах магии, или просто хочешь начать вежливый разговор?

Достаточно общие фразы и резкая интонация, указывала на чисто человеческое раздражение, но голос, ах голос! Музыка скрывалась в этих глубоких округлых тонах, и акцент, такой же очаровательный, как и неуловимый, странно усиливался невзрачной человеческой внешностью демона. Ренвик слышал о том, что мужчины любят глазами, а женщины – ушами. И именно поэтому невинная и впечатлительная маленькая Нимра будет проклята.

«Нет», – строго поправил себя Ренвик. Нимра вела свое происхождение от Хранителей Аскалхорна. Она была истинным потомком ее прославленных предков и дочерью паладина. Она выросла на коленях своего великого деда, ее глаза сияли от удовольствия, когда Маерстар рассказывал о волшебных сокровищах, собираемых семьей Карадун в течение нескольких поколений. Старый бард покинул руины Аскалхорна с единственной драгоценной книгой, но его рассказы о семейном наследии перевернули душу Нимры. Ренвик обучил ее предстоящему заданию. Она была полна решимости довести дело до конца; она выживет сохранив свою добродетель.

– Я хочу заключить сделку, – начал Ренвик.

Ямаррал ухмыльнулся.

– И что же ты можешь мне предложить, маленький маг? Возможно, ты научишь меня терпению? Несомненно, у тебя хорошо это получается; ведь пока ты мучился над заклинанием призыва, полумесяц Селуны три раза наполнялся светом, и трижды она вновь возрождалась из темной луны.

На самом деле, Ренвик трудился над этим заклинанием гораздо дольше трех месяцев. Только после долгих и нелегких усилий, он смог, наконец, произнести заклинание, которое давалось другим магам с легкостью. Призыв демона был сложным делом для всех, и он по праву гордился этим. Поэтому насмешка демона его сильно уязвила.

Ренвик потянулся к соседнему столику и, схватив оттуда изображение в рамке, сунул его прямо в насмешливую физиономию Ямаррала.

– Прибереги свои оскорбления для тех, кто действительно желает тебе зла, и сохрани красивые слова для этого.

«Это» была Нимра, стройная и ослепительно красивая в своем девичьем целомудрии. Толстые косы блестящих каштановых волос обрамляли милое, загорелое лицо, а простое зеленое платье обнажало руки и облегалo уже соблазнительные линии тела. Кроткая улыбка, изгибающая губы, придавала ей вид дриады, пойманной во время какой-нибудь маленькой шалости. Портрет был верно и искусно выполнен, и производил желаемый эффект.

Темное желание вспыхнуло в глазах демона. В один душераздирающий момент, Ренвик понял истинную природу вызванного им существа. Ему с трудом удалось подавить дрожь.

– Дочь моего брата, дитя его развратной молодости, – пояснил он. К его облегчению, голос не дрожал слишком сильно. – Мой брат – паладин Самулар Карадун. Чувство долга часто уводит его далеко от дома, поэтому девушка считает меня своим наставником. Она хочет научиться искусству Мистры. Я обещал найти ей подходящего учителя.

– Ах, – Ямаррал глубокомысленно кивнул. – И ты вступишь меня в свой мир, чтобы я мог... обучить ее, в обмен на магию, которая приведет твои мысли в порядок и придаст магического мастерства твоим рукам.

В конце концов демон был безупречен.

Ренвик просто не различал многое из того, что видели другие люди. На его глазах руны переворачивались на страницах, перестраиваясь непонятным образом, так, что требовалось длительное изучение, прежде чем расшифровать их. Разум его требовал, чтобы определенные руны были написаны разными чернилами, иначе они воспринимались им, как нечто совершенно необъяснимое. С памятью у него было все в порядке, но его заклинания, выученные однажды, все еще были ненадежны, потому что у него не получалось применить их совместно со словами и жестами. Однако ни одна из этих проблем не уменьшила его амбиций и не ослабила убежденности в том, что он предназначен для великих дел. Идея избавиться от этого недуга с помощью магии демона огорчала его, как и та роль, которую он должен был играть, чтобы убедить Ямаррала, что он «достойный» союзник, но некоторые пути к большему благу проходят через темные и опасные места.

– Это будет справедливый обмен, ибо ты не скоро устанешь от девушки, – пообещал Ренвик. – Она так же сообразительна, как и красива. Под твоей опекой она может стать могущественным магом. Благодаря ей, твоя власть в этих краях будет обеспечена на долгие годы.

– Все это возможно, – признал Ямаррал. – И в каком виде ты хочешь получить оплату?

– Знак крови.

Брови демона взлетели вверх.

– Много лет прошло с тех пор, как последний смертный связал себя и свою родословную со мной! Я думал, что эти сведения потеряны еще до того, как Илителири начали рыть туннели в грязи, как барсуки, и стали называть себя дроу. Но если ты знаешь кое-что из моей истории, полагаю, ты должен также знать, что постигло тех кто обращался ко мне?

– Я в курсе.

– Я в курсе, – передразнил его Ямаррал с наигранной серьезностью. – И ты надеешься избежать этого... как?

– Я рожден близнецом.

В течение долгих мгновений демон и маг молча рассматривали друг друга.

– Либо ты не такой дурак, каким кажешься, – наконец мягко промолвил Ямаррал, – либо твое безумие превышает все известные мне границы.

Дрожь тревоги пробежала по позвоночнику Ренвика, но он отбросил все сомнения. Некая мистическая сила связывала близнецов, направляя их к общей цели. Это было известно всем; демон предположил, как и рассчитывал Ренвик, что он намеревался передать любые пагубные последствия этой магии, а также наследие демонического рабства, Самулару и его потомкам. Но Ренвик долго изучал связь близнецов, и был уверен в своих знаниях, их слабых и сильных сторонах. Если кто и знал об этом все, так это был он.

Он откашлялся.

– Естественно, у тебя будут традиционные гарантии. Наша сделка станет недействительной, если я или кто-либо другой вернет тебя в Абисс. Я буду владеть всеми заклинаниями, полученными в результате нашей сделки до момента твоего возвращения в Абисс, но любые новые заклинания или магические устройства, которые я, возможно, решу создать в будущем, потребуют либо твоего согласия, либо воли, связанных с тобой кровью, слуг.

– Ты ничего не сказал о дочери паладина и ее потомстве, я намерен овладеть ей, – Ямаррал поднял одну бровь, и его похотливая улыбка стала хитрее. – Поскольку, как оказалось, ты знаешь много чего о моих связях со смертными, ты, несомненно, должен знать, что от меня рождаются только сыновья-близнецы. Они будут похожи друг на друга, но лишь один из них будет любить своего отца. Ты не узнаешь какой из них, конечно. Мы бросаем кости, ты и я, и многое будет зависеть от результата.

Это был момент, которого Ренвик боялся. Возможно ли обмануть демона? Может ли Ямаррал услышать нервное биение его сердца или уловить ложь в запахе его пота?

Ренвик заставил ухмылку замереть на его губах.

– Где написано, что знак крови должен распространяться только на одного наследника? Разве невозможно, чтобы родственники, так же как и потомки, были связаны клятвой крови? Почему я не могу разделить бремя или выгоду с двумя другими моими кровными родственниками?

Ямаррал задумался.

– Такого никогда не было, но я не вижу причин, почему не может быть так, как ты говоришь.

– Тогда пусть знак будет состоять из трех частей. Я потребую одну из этих трех частей, она понадобится мне для моих ежедневных занятий. Три части, обладающие соглашением трех связанных кровью, объединятся, чтобы получить всю силу знака. После мы разделим между собой всю выгоду, полученную от этой силы. – Ренвик пожал плечами. – Вряд ли добрый паладин будет рад этому, но, несомненно, вера поддержит его в темные времена.

Ямаррал с восхищением рассмеялся.

– Ты меня удивляешь, Ренвик Карадун! Я не ожидал от тебя такого гнусного предательства, прими это как комплимент.

– Я с удовольствием принимаю его, – солгал Ренвик. Поставив портрет Нимры на место, он взялся за пергамент и перо. – Итак, обсудим детали?

29 миртула, Год Знамени (1368 по ЛД)

Глубоководье

Для человека, чей рост не превышал и пяди, даже библиотека паладина была темным и опасным местом.

Алгоринд стоял на краю письменного стола, хмуро высчитывая расстояние до толстого калишитского ковра. В шесть, может быть, в семь раз больше его нынешнего роста. Он мог бы прыгнуть, но вряд ли без травм. И какой от этого прок? Куда бы он мог пойти, и как бы мог защитить себя от опасностей, которые, вероятнее всего, принесет его новый рост? Мышь, собиравшая крошки, рассеянные по полу, до того, как исчезнуть в стене, была, условно говоря, размером со страшного волка.

Алгоринд был оставлен на столе ранее в этот же день, чтобы дожидаться возвращения своего хозяина – или, точнее сказать, его тюремщика. Чтобы скоротать время, он изучал пространство глазами, которые измеряли знакомые вещи новым и подчас тревожащим его способом.

На гобеленах, покрывавших стены, были воспроизведены сцены знаменитых сражений, сплетенные в реалистичных оттенках красного и бронзового цвета. Всякий раз, когда сквозняк колыхал эти драпировки, изображенные на них фигуры, казалось, дрожали от нетерпения, словно желая возобновить свою резню. Две горгульи восседали над мраморным камином. Демонические статуи были так искусно вырезаны, что Алгоринд почти ожидал услышать внезапный щелчок разворачивающихся, как у летучей мыши, крыльев. Он не слишком увлекался мрачными полетами фантазии, но, учитывая его нынешние размеры, все в

роскошном кабинете было чудовищным по своим масштабам, и поэтому несколько зловещим.

Однако эти мрачные аспекты менее тревожили Алгоринда, чем роскошная обстановка. Стол, на котором он стоял, был сделан из цельной доски халруанского бильбоа. Этой редкой и дорогостоящей древесиной, вырезанной в изысканной манере, также были обшиты стены. Тома в кожаных переплетах наполняли высокие книжные полки. Картина, изображающая шумную загробную жизнь, такую же можно найти в зале для торжеств в храме Темпуса, покрывала высокий потолок. Серебряная чаша для питья на столе пахла засахаренным вином и была достаточно большой, так что Алгоринд мог в ней даже искупаться. Изящная ложка рядом с ней, хотя и была достаточно большой, чтобы служить Алгоринду надежной лопатой, выглядела неподходящей для руки воина. Алгоринд, возвращенный и обученный рыцарями Самулара в суровой крепости, известной как Саммит Холл, находил такие богатства загадочными и неприличными.

Но кто он такой, чтобы осуждать других людей?

Алгоринд поспешно опустился на колени рядом с ложкой и взгляделся в ее отполированное серебряное углубление. Он медленно возвращался к своим естественным размерам, но оставит ли его позор неизгладимое пятно на нем? Что смогут прочесть на его лице другие люди?

Его отражение мрачно глядело на него, миниатюрная версия его прежнего «я», слегка искаженная изгибом ложки, но все же лицо, которое он видел отраженным в полированном металле своего потерянного меча: юноша, которому не было и двадцати лет, с прямым голубоглазым взглядом и коротко остриженными волосами, почти такими же кудрявыми и светлыми, как овечья шерсть. Он был широк в плечах и силен, качества, приобретенные за годы тренировок и строгой дисциплины, но одетый так же просто, как и любой парень с фермы. Из уважения к вере, Алгоринд снял чистый белый плащ с символом Ордена: весы правосудия Тира, уравновешенные на молоте его возмездия.

Возмездия Тира.

Эта новая мысль поразила Алгоринда настолько удивительно и внезапно, что заставила его попятиться назад. Благодаря милости Тира, даже молодой паладин мог узнать правду о человеческой сущности, может быть, даже своей собственной?

Алгоринд никогда не пытался копаться в собственном сердце. Он даже не был уверен, что это возможно! Рыцари Самулара были воинским Орденом, а не монашеским. Лишь действия, но не самоанализ, поощрялись в Саммит Холле.

Необходимость познать новое отметала все отговорки. Алгоринд склонил голову в горячей, тихой мольбе. Когда он молился, его посещало чувство покоя и безмятежной радости, ощутимое так же, как благовония в обители. Тревожные события последней десятидневки отошли на второй план. Тир все еще был с ним.

Когда Алгоринд погрузился глубже в исцеляющее безвременье, странные видения затмили его разум. Чахлые поля замерли под темным опускающимся небом. Вересковые заросли и, в изобилии растущие, вредные сорняки медленно удушали последние полезные растения. Солоноватая вода собиралась в провалах и впадинах, а черные птицы-падальщики кружили над головой в терпеливом молчании, ожидая свое жуткое пиршество.

Видение отвлекло Алгоринда от молитв. Когда он вскочил на ноги, огромная рука – рука воина, огрубевшая с возрастом и покрытая шрамами, полученными во многих сражениях – сомкнулась вокруг него.

Юноша инстинктивно потянулся за мечом, но обнаружил лишь издевку в форме пустых ножен. Беззащитного, его оторвали от стола и подняли на большую высоту.

Прошло мгновение, прежде чем он понял, что за огромная, похожая на скалу, фигура стояла перед ним. Он смотрел в ярко-голубые глаза сэра Гарета Кормейра, одного из величайших паладинов, живой легенде.

– Ты взывал к Тиру.

Голос старого рыцаря раздался в ушах Алгоринда словно раскат грома, как приговор самого Тира. Первым побуждением Алгоринда было рассказать обо всем великому паладину – нетрадиционная молитва, тревожные видения, следовавшие за ней. Но какой-то, неизвестный Алгоринду, инстинкт заставил его сохранить все в тайне.

– Я молился, – признался он. Подозрение на лице сэра Гарета, усилившееся из-за возможных нюансов, требовало большего, поэтому он добавил: – Меня очень беспокоят мои недавние ошибки.

Совість Алгоринда восстала против этого замечания, но сэр Гарет, казалось, был доволен. Он опустил Алгоринда на стол, затем взял глубокий стул и уселся в него так, чтобы их глаза по-прежнему были на одном уровне.

– Тебе понадобится совет божий, но и мой тоже, если ты надеешься на благоприятное решение мастеров Саммит Холла, – быстро сказал он. – Нам нужно многое обсудить до слушания твоего дела, и у нас мало времени для подготовки.

Алгоринд в замешательстве нахмурил брови. Готовиться к суду? Что за странная идея? Правда была донесена и решение было принято; что еще надо?

– Я верю в справедливость Тира.

Сэр Гарет набожно склонил голову, предоставляя Алгоринду полюбоваться вспышкой нетерпения, отраженной на лице старого рыцаря.

– Как и все мы, но твой суд имеет большое значение, твое дело затрагивает глубочайшие тайны, касающиеся Рыцарей Самулара. Тебе будет дозволено ответить на предъявленные обвинения, но некоторые факты, ради Ордена, должны остаться недоступными.

– Но, конечно, никаких секретов от мастера Лахарина!

– Владыка Саммит Холла будет не единственным человеком за столом Совета. Будут присутствовать и представители Арфистов, а также свидетели из числа простого народа.

Алгоринд нехотя кивнул.

– Что же ты хочешь, чтобы я сказал?

– У тебя было задание: доставить Кару Дун, ребенка из рода Самулара, под защиту Ордена. С этой целью ты доставил ее в Глубоководье. Далее она была украдена Арфисткой, известной под именем Бронвин, сестрой отца ребенка – жреца Цирика, называющего себя Дагом Зоретом. Ребенок был увезен в Терновый Оплот, крепость Ордена, не так давно отвоеванный в битве Дагом Зоретом и удерживаемый Бронвин и ее союзниками-дварфами.

Растерянность молодого человека возрастала по мере того, как он слушал это частичное изложение событий.

– Но Бронвин сказала, что она вызволила ребенка с невольничьего корабля, направляющегося на юг.

– Что из того? Она – Арфистка, та, кто вмешивается в дела ее не касающиеся! Она охотник за сокровищами, которая разоряет склепы усопших старцев. Она выполняет поручения Жентарима, и она передала одно из колец Самулара Дагу Зорету. Она не исповедует ни одного бога, по крайней мере, открыто. Она – легкая юбка, перебравшая множество мужчин, никогда не будучи замужем. Насколько я знаю, этой девке нельзя доверять.

– Может быть и так, – осторожно произнес Алгоринд, ведь он достаточно долго был с Бронвин, чтобы заподозрить, что та правда, которую поведал о ней сэр Гарет, больше походила на сплетню об этой девушке, – но пятьдесят дварфов, которых она освободила с невольничьего корабля, скажут другое.

Сэр Гарет мрачно улыбнулся.

– Мы не можем запретить девке-арфистке выступить на суде. Однако, дварфы могут оказаться в другом месте.

Холодок пробежал по позвоночнику Алгоринда. Это ему почудилось, или действительно эти слова содержали зловещее значение?

Он заставил себя слушать с уважением, пока сэр Гарет излагал те пункты, на которые Алгоринд должен обратить особое внимание, и те, которые он должен избегать. Наконец старый рыцарь кивнул, довольный тем, как молодой человек произносил тщательно выбранные факты.

– Все будет хорошо, сын мой, – тепло сказал он. – Я уверен, что ты вернешься на свое место в Саммит Холле. Я замолвлю за тебя словечко. Нет, более того, я буду твоим покровителем в новых странствиях паладина!

Это было щедрое предложение, но беспокойное чувство Алгоринда только усилилось. Правильным ответом было бы вытащить меч и поклясться в верности. Впервые Алгоринд не пожалел о своих пустых ножнах.

К счастью сэр Гарет, похоже, не требовал ответа. Он перенес Алгоринда с письменного стола в более «подходящее помещение» – большую птичью клетку, снабженную сложенным льняным полотенцем в качестве кровати и желудевой шапочкой вместо ночного горшка. Табакерка служила столом, а на ней был наперсток, наполненный элем, и щедро крошенные сыр и хлеб. Клетка располагалась на маленьком круглом столе, который был еще выше от пола, чем письменный стол.

Алгоринд с тревогой оглядел свои новые апартаменты.

– Сэр, я пленник?

– Клетка лишь для твоей защиты, не более того. Учитывая твой рост, это разумно. Я оставлю дверцу открытой, если хочешь, и ты всегда сможешь захлопнуть ее, когда возникнет такая необходимость.

– Могу я получить свой меч? Арфист, который привез меня сюда, сказал, что передаст его тебе.

Сэр Гарет снял длинную серебряную булавку со своего табарда, сверкающий палаш в миниатюре. С минуту он разглядывал его, затем переместил взгляд от оружия к молодому человеку.

– Ты немного подрос за это время. Этот меч – лишь украшение. Но, я полагаю, он сможет послужить тебе в качестве столового ножа.

Рыцарь разжал пальцы, и крошечное оружие упало сквозь решетку клетки на свернутую льняную «кровать».

После этого, тревожные чувства, которые испытывал Алгоринд во все время пребывания в доме сэра Гарета, сосредоточились в одном. Несомненно, ни один настоящий паладин не отнесется к мечу, освященному Тиром, с таким явным пренебрежением!

Теперь все имело особый смысл: его видение загаженных полей, тщательно разработанная история, в которой не было никакого упоминания о роли сэра Гарета в этой выдумке о маленькой Каре Дун, даже этот роскошно обставленный дом. Сэр Гарет долгое время служил казначеем у рыцарей Самулара. Каждый паладин Ордена платил десятину, и все эти средства текли через руки Гарета. Неудивительно поэтому, что Арфист, который привез сюда Алгоринда, с большим трудом нашел дом сэра Гарета. Алгоринд предполагал, что служители храма Тира просто оберегали частную жизнь старого рыцаря, но теперь, когда он вспомнил, как они реагировали на вопросы, казалось более вероятным, что они просто не знали, где его жилище. И неудивительно также, что Гарет держал их подальше от себя – они не были бы рады узнать, как их десятины будут использованы.

Алгоринд старался остаться спокойным, несмотря на те чувства, которые он испытывал, и выдержал прощальные наставления сэра Гарета. Потом он услышал как дверь в библиотеку закрылась и заперлась, после чего шаги хозяина эхом разнеслись по коридору. Как только входная дверь захлопнулась, Алгоринд приступил к делу, распутав длинные нити основы, заменяющего кровать полотенца, он вплел их в импровизированную веревку.

Он старался все сделать быстро и надеялся закончить до возвращения сэра Гарета. Наконец, решив, что веревка достаточной длины, он привязал один конец к прутьям своей клетки, сбросив остальное со стола. Он опустился на пол, а затем, использовав меч размером с кинжал, обрезал веревку на той высоте, до которой смог дотянуться. Он свернул этот отрезок и заправил его за пояс.

Выслеживание добычи было навыком, который все будущие рыцари Самулара познавали еще в детстве, но Алгоринд никогда не думал, что будет выслеживать мышь по калишитскому ковру. Это оказалось на удивление легко; следы, оставленные зверьком, были так же отчетливо видны Алгоринду, как и те, которые мог оставить олень в высокой траве луга. Он прошел по следу до небольшой дыры, выгрызенной в деревянной панели, которая почти сливалась со структурой дерева, из-за тени, отбрасываемой расположенной поблизости мебелью.

Алгоринд прополз в дыру и погрузился в толстый слой пыли, древесной стружки, обломков штукатурки и другого мусора. Захламленная внутренность стены смутно просматривалась в свете, отраженном из отверстия, расположенного далеко вверху. Алгоринд почувствовал огромное облегчение, поскольку он ожидал, что будет продвигаться к выходу в кромешной темноте.

Но все-таки путь был очень длинным. Молодой паладин глубоко вздохнул и начал подъем.

Проходили часы, а он все еще поднимался к свету, нащупывая засечки в грубой древесине и штукатурке. Его пальцы кровоточили, а мышцы в плечах ныли от боли, но он не осмеливался замедлить темп. Дневной свет быстро уступил место темноте, и клочок неба, видимый через отверстие над ним, стал темно-фиолетовым.

Наконец, чуть выше Алгоринда появился выступ. Он вскарабкался на него и перекатился на широкую плоскую доску.

Стоять на ней было сплошным удовольствием. Некоторое время, он старался расслабить мышцы перед выходом на крышу. Но, когда он протянул руки, стараясь нащупать выход, его пальцы коснулись мягкого меха.

Алгоринд отпрянул назад, выставив свое оружие в сторону неизвестного существа.

Как ни странно, его первой реакцией на это происшествие, было удивление; он никогда не думал, что у демонов может быть мех.

Бездушные черные глаза смотрели на него из центра отвратительной коричневой морды, настолько уродливой, что лишь только когда раскрылась пасть, Алгоринд понял, ведь существо висит вверх ногами.

Пронзительный крик вырвался из «демона». Воздух тут же наполнился громом хлопающих крыльев и хором адских, сводящих с ума, воплей.

Никогда раньше Алгоринд не слышал такого звука. Он словно отражался от внутренней стороны его черепа, как будто скребя по кости когтями драконьего детеныша, пытающегося вырваться из яйца.

Доска у него под ногами, казалось, клонилась и вращалась. Он упал на колени, боясь свалиться с нее, прижав руки к ушам. Кровь сочилась сквозь пальцы, и боль в его голове была намного выше той, которую он когда-либо чувствовал, она была даже сильнее чем та, которую он познал в осажденной крепости Бронвин, где уменьшился настолько, что стал не больше летучей мыши, потревоженной им.

И это была не одна летучая мышь – огромная колония, обитающая на чердаке дома сэра Гарета. Казалось, слишком долго они проносились мимо него, взмахивая крыльями, взметнувшись в приближающуюся ночь, и все время крича.

Когда, наконец, они улетели, Алгоринд поднялся на ноги, ожидая когда пройдет головокружение. Пронзительный звон был единственным звуком, который он слышал. Это беспокоило его, но он разберется с этим позже. Он направился к отверстию, как только почувствовал, что сможет идти.

Город Глубоководье раскинулся перед ним во всем своем блеске и нищете. Прекрасные городские сады и декоративные заборы окружали здания по соседству с сэром Гаретом; в узких переулках позади них, бродяги выбирали из мусорных ящиков остатки пищи. Сумеречное небо сияло, как прозрачный сапфир, и оживали уличные фонари, когда фонарики пробегали по улицам, стараясь успеть зажечь их до быстро приближающейся ночи. Алгоринд видел неторопливое раскачивание колоколов в высокой башне соседнего храма. Но до него не доходило ни звука. Кроме звона в ушах, в городе стояла жуткая тишина.

Он проскользнул через отверстие, проверяя, выдержит ли его вес узкий выступ за его пределами. Крыша, выложенная плиткой из голубого сланца, поднималась под крутым углом.

Примерно в пяти футах от насеста Алгоринда сточная труба несла дождевую воду вниз на улицу. Она, казалось, была сделана из фрагментов труб, достаточно коротких, чтобы он мог использовать свою веревку, передвигаясь от одного к другому. Но при его нынешнем росте пять футов могли быть и тысячью, а сланцевый карниз между Алгориндом и водосточной трубой разрушился.

Он переместил взгляд на крышу дома. Несколько плиток развалились или вообще отпали, а мох и лишайник росли в мусоре, который скапливался здесь на протяжении многих лет. Мховая полоса начиналась прямо над его насестом, поднимаясь вверх и извиваясь по крыше. Если бы он смог подняться по ней всего на пару футов, то пробрался бы к водосточной трубе.

Алгоринд потянул пучок мха и понял, что он на удивление прочный. Он начал подниматься, и на протяжении долгого времени эти усилия поглощали всю его концентрацию. Слишком поздно он ощутил колебания в воздухе над ним, уставившиеся на него, громадные желтые глаза и вытянутые когти.

В мгновение ока, сова схватила его и понесла прочь.

Алгоринд потянулся было за мечом, но тут же понял всю глупость нападения на своего пленителя в полете. Рано или поздно сова опустится, и Алгоринд сделает тогда все возможное, чтобы защитить себя. Он, как мог, устроился поудобней и ухватился за лапы совы, как корни большого дерева, такие же твердые и сухие.

Несмотря на всю серьезность ситуации, Алгоринд начал наслаждаться ощущением полета, порывами ночного ветра. Целый мир раскинулся под ним, городские улицы стали похожими на ленты, а великолепные здания казались не более величественными, чем детские кубики. За стенами города простиралась густая тьма лугов и полей, и разве он мог представить такое раньше? Теперь все было возможно. Даже звезды стали похожи на крошечные серебряные яблоки, созревшие для сбора.

Никогда прежде Алгоринд не испытывал такого восторга, такой необузданной радости! Он запрокинул голову и громко захохотал. Вероятно, он умрет этой ночью, но теперь, в настоящий момент, *он летит!* И, да будет справедлив Молот Тира, то, что ждет его в будущем, теперь уже не кажется такой уж большой ценой!

27 тарсака, Год Красного Дождя (927 по ЛД)

Крепость Гриффенвинг.

Все попытки Ренвика исполнить договор с демоном, привели лишь к разрыву отношений с Самуларом. В результате, все пошло не так. Ужасно, непостижимо, неправильно.

Ренвик был абсолютно уверен, что Самулар одобрит его план по возвращению артефактов, которые доверили когда-то Карадунам. Из этого большого и благородного клана выжил только их отец. Ренвик рассчитывал, что он и его братья

смогут восстановить или воспроизвести эти утерянные сокровища. Какой еще задаче должны посвятить себя три живых Карадуна, если не этой?

Связь, которая соединяет близнецов, почти разрушилась после смерти Амфейла, их старшего брата, который был готов нести одно из трех колец и передать его потом своему первенцу. И Нимра...

Нимра. Только одна мысль о ней разбивала Ренвику сердце. Все другие ошибки в его интриге не были столь ужасно непоправимы.

Демону не потребовалось много времени, чтобы понять, что Ренвик намеренно ввел его в заблуждение, намереваясь распределить три кольца между тремя братьями Карадунами, посвятившими жизнь служению Тиру. Но в конечном итоге это не имело никакого значения. Древнее заклинание, которому Ренвик обучил Нимру, обещавшее невинному человеку навязать демону свою волю и склонить его к служению добру, не сработало.

По иронии судьбы, получилось так, что Нимра выполнила все ложные обещания, которые Ренвик дал Ямарралу, и даже больше. Амфейл умер с темной магией Нимры, блуждающей по его венам, от кинжала Нимры в горле. После его смерти два кольца перешли сыновьям-близнецам Нимры. И со смертью Нимры – *да простит Тир ему эту мрачную необходимость!* – контроль над этими кольцами перешел Ренвику, их опекуну.

Бремя такого количества магии сожгло годы жизни Ренвика за считанные месяцы, преждевременно обелив его волосы и прочертив глубокие морщины на его лице. Никто не принимал его теперь за брата-близнеца Самулара; разумеется, большинство людей думали, что он старший из братьев Карадунов. Он перестал переубеждать их, на что это ему? Важно было исправить все, что пошло не так.

Ренвик искоса взглянул на человека, который шел рядом с ним. Его спутник был высоким, темноволосым и бородатым. Его возраст было невозможно определить; он шел бодрым шагом юноши, но в его глазах уместилась вся тяжесть прошедших веков.

В данный момент эти глаза были устремлены на крепость впереди. Крепость Гриффенвинг была древней; предки Карадунов построили ее на месте еще более ранней крепости. Оригинальные земляные насыпи все еще были видны вокруг стен из серого камня. Над высокой внешней стеной вырисовывались башни. Общий вид был резким и неровным, как будто это сама гора приняла форму крепости. Однако, сады, окружающие стены, обозначали определенное искусство. Чья-то темная прихоть заставила фонтаны покраснеть и заполнила сады кроваво-красными цветами. Это была работа Нимры, символ того, кем она стала за два коротких года. По мнению Ренвика, сад был более угнетающим, чем кишасший монстрами ров.

– Я благодарен тебе за помощь в этом вопросе, – обратился он к своему компаньону.

Маг, которого иногда называли Хелбен Арансан, лаконично кивнул.

– Ты правильно сделал, что послал за мной. Аскалхорну достаточно неприятностей. Как демоны получили власть над этой крепостью?

– Ошибка надменного волшебника, чей вызов пошел наперекосяк, – ответил Ренвик. – Но еще до ее смерти, я получил от своей племянницы средства, с помощью которых возможно изгнать демонов.

Хелбен недоверчиво посмотрел на него, и Ренвик почувствовал легкое проникновение магии истины. Он легко ускользнул от нее; немногие заклинания распознают ложь, если поместить две истины рядом друг с другом. Пусть Хелбен думает, что Нимра и была тем самым волшебником, который вызвал демона. Так было даже лучше.

Ренвик сунул руку в сумку за поясом, поглаживая одну из крошечных рук, скрытых внутри, – еще одна мрачная необходимость, поскольку знак крови требовал, чтобы кольца носили три потомка Самулара. Все еще розовые и прекрасные, маленькие пальцы скручивались и сгибались в хватательных движениях, характерных для здоровых младенцев. Его юные подопечные лежали в Карадунской крепости, где мирно спали до его возвращения, не зная ни боли, ни утраты. В конце концов, он не был жестоким человеком.

Сделки с демонами, как известно, имели печальный исход, но хитрый волшебник может найти для себя в них лазейку. Знак крови требовал, чтобы кольца носили три потомка Самулара и обладали объединенной волей. Ямаррал забыл указать, что «кровь» и «воля» должны исходить от одних и тех же людей. Разумеется, необходимо объединить волю, но у младенцев, как известно, нет собственного мнения. К счастью, у Хелбена Арансана не было недостатка в этом отношении.

Ренвик тайком стянул кольца с двух крошечных, живых больших пальцев. Кольца расширились в его руке, чтобы соответствовать его гораздо большим пальцам. Торжественно он продемонстрировал три кольца Хелбену.

Волшебник едва взглянул на кольца и поднял взгляд на Ренвика. Он не выглядел впечатленным, даже слегка нетерпеливым.

Задетый за живое, Ренвик огрызнулся:

– Они гораздо более мощные, чем ты можешь даже себе представить! Объединяясь, эти три кольца образуют редкий и могущественный артефакт, известный как знак крови.

– У демона есть потомство? – потребовал Хелбен ответа. Понимание отразилось на его лице, сопровождаемое смесью печали и отвращения. – Итак, это результат связи Нимры Карадун с этим демоном.

Ренвик молча проклинал себя за это упущение. Но как он мог знать, что Хелбен будет знаком с магией, столь древней и малоизвестной? Он был сильно подавлен; было пять письменных упоминаний о ней, и Ренвик владел тремя из них.

Но он быстро сообразил:

– Тогда ты должен знать, что у меня есть средство изгнать этого демона. Я преемник безумия Нимры и опекун ее сыновей, но мне не хватает магической силы, чтобы совершить изгнание в одиночку. Свяжи свою волю с моей заклинанием, которому я тебя научу, и все будет сделано.

Маг задал Ренвику много сложных вопросов. К счастью, его знание о знаке крове не было достаточно полным, как опасался Ренвик. Когда, наконец, Хелбен был удовлетворен тщательно подготовленными полуправдами, он обратил свое внимание на заклинание. Ему он научился с поразительной скоростью и легкостью.

Их совместные усилия были даже более успешными, чем Ренвик осмеливался надеяться. Весь замок, включая кровавые сады красного цвета, просто исчез.

Хелбен долго смотрел на горный луг в оглушительной тишине. Он повернулся к Ренвику, и все, что он увидел на лице молодого волшебника, казалось, нанесло ему еще больший удар. Хелбен оперся на ствол дуба и глубоко вздохнул.

– Кольца, что ты использовал для заклинания. На что еще они годятся?

– Почему ты спрашиваешь? Неужели тебе мало сегодняшней работы?

Гнев полыхнул в глазах Хелбена. Прежде чем Ренвик успел ответить, маг схватил его за плащ, приподнял и ударил о дерево.

– Там были люди, в той крепости, ты лживый выкормыш орка! – взревел он. – Знак крови рассеял бы демона, не более того. Скажи мне, где ты нашел эти кольца! Какова природа их силы?

Ренвик ехидно улыбнулся.

– Я не знаю, чем они должны были быть. А как я их использовал... не узнаешь ты.

Хелбен выпустил его и отступил назад с мрачным видом.

– Ты знаешь, что в магической битве ты мне не соперник.

– Я не собираюсь с тобой драться, – Ренвик поднял обе руки, демонстрируя, что кольца исчезли с его пальцев. – Кольца, как и частичное понимание силы, которую они дают, находятся в руках врага, которого тебе не победить.

Недоверие на лице Хелбена Арансана было воистину бесценно. Ренвик слышал, что в маге текла эльфийская кровь. Хелбен не особо напоминал своих родичей-эльфов физически, но, по-видимому, он был уверен в своем превосходстве, как любой благородный эльф.

– Ты не спросил, о ком я. Полагаю мешает гордость, – заметил Ренвик. – Но я скажу. Кольцами владеет Самулар, а после их получают его потомки.

– Паладин?

– Самулар не просто паладин. Ему суждено стать легендой. С моей помощью, разумеется.

Хелбен медленно кивнул, когда понял, насколько далеко распространяется влияние этих колец.

– Путь паладина праведен и светел, – сказал Ренвик, неожиданно находя удовольствие сыпать соль на рану волшебника. – Если ты не с ним, то против него.

– Может быть это и так, но такую силу непросто сдержать, – предупредил Хелбен. – Ты не можешь вечно скрывать кольца. Однажды они попадут в другие руки и будут использованы для других целей.

Ренвик вновь улыбнулся.

– Тогда в твоих интересах убедиться, что этого не произойдет. В конце концов, ты помог мне отправить почти двести невинных душ в небытие. После того, как сказка начнется, кто знает, каков будет конец?

Хелбен плохо реагировал на угрозы – или, может быть, он всегда был возмущен тем, что его совесть пытались заставить замолчать. На этот раз он бросился к Ренвику, глаза его пылали от гнева. Но Ренвик был готов к этому. Он бросил черную дыру, обозначающую вход в портал, на землю и шагнул в нее.

Горный ветер завывал вокруг, пока Ренвик проносился по магическому пути. Он благополучно появился в серой незыблемости Карадунской крепости, и как раз вовремя. Крики стражников и конюхов во дворе крепости сообщали о приближении его брата.

Ренвик поднял полы своей мантии и преодолел лестницу, проносясь через две ступеньки сразу. Если он поторопится, у него будет достаточно времени, чтобы восстановить детей Нимры до прибытия их дедушки.

29 миртула, Год Знамени (1368 по ЛД)

Глубоководье

Резкое, прерывистое постукивание отвлекло внимание Данилы Танна от его занятия. Он поднял взгляд от очень толстого, пыльного тома и заметил тени, играющие на одном из многослойных окон, расположенных высоко на противоположной стене. Он быстро взмахнул рукой. Защелка открылась, и окно распахнулось внутрь. В него впорхнула серебряная сова, опустила ношу на стол Данилы и взлетела, усевшись на высокую полку.

Данила не особо удивился, увидев, кто был его маленький посетитель. Алгоринд был бельмом на глазу Бронвин в течение большей части месяца, а следовательно, на его собственном. Как любой здравомыслящий человек, Данила не ожидал, что характер паладина изменится с его размером, поэтому он предпринял некоторые предосторожности против побега Алгоринда.

– Спасибо, Викарт, – обращаясь к сове, произнес Данила, прежде чем перейти к довольно потрепанному Алгоринду. – А, это ты, сэр? Ты так быстро устал от гостеприимства сэра Гарета?

Крошечный паладин покачал головой и указал на уши. При ближайшем осмотре Данила заметил небольшие пятна крови на шее молодого человека и на его светлых волосах.

– Не слышишь меня, не так ли? Не бойся, у меня есть целебное средство, которое должно перевернуть эту страницу в твоей жизни.

Данила открыл ящик, порылся в нем и достал маленький стеклянный пузырек. Он долго смотрел на Алгоринда, определяя дозировку. Возможно, просто капля... Нет, он не мог определить, какое количество излечит его и какое убьет.

– Ну, что ж, ничего не поделаешь, – пробормотал он, потянувшись за книгой, обтянутой темно-зеленой кожей. – Мне придется вернуть тебе нормальный рост. Пустая трата магии, на мой взгляд, но пусть будет так. К счастью для тебя, я мало что успел, но, все же изучил историю твоего превращения с момента его начала. Магия осадной башни, которая изменила твой размер, оказалась не особо сложной. Придумать заклинание для ее отмены, получилось на удивление просто.

Придумать его, возможно, было несложно, но судя по челюстям Алгоринда и каплям пота на слишком бледном лбу, быстрое возвращение к нормальному росту оказалось далеко не безболезненным. Когда он восстановил свой прежний рост, Данила передал ему пузырек, указав, что нужно выпить.

Немного поколебавшись, юноша сделал то, что ему было велено. Телесный цвет вернулся на его лицо, и он распрямил плечи, как человек, только что сбросивший тяжелую ношу.

– Звон в ушах пропал. – Его лицо просветлело. – Я слышу то, что говорю!

– Ну, у всего этого есть и обратная сторона, ты не находишь?

Алгоринд рассеянно кивнул.

– Но ты восстановил меня.

– Да, и представь мое удивление! Вообще-то, я пытался уменьшить пузырек до твоего прежнего размера, ради гостеприимства.

Молодой человек продолжал смотреть на него с непониманием на лице. Данила вздохнул.

– Это была всего лишь маленькая шутка. Очень маленькая, по-видимому.

Алгоринд склонил голову в сдержанном поклоне.

– Я благодарен тебе за восстановление. – Удивительно мальчишеская улыбка осветила его лицо. – И за полет, это было так здорово!

– В самом деле? Я уже собирался извиняться за это. Совы редко являются предпочтительным средством передвижения. Не желаешь ли выпить вина?

– Благодарю. Мне очень хочется пить.

Данила подошел к стеклянному шкафу. Достав из него графин с вином, он налил немного в большой бокал, добавил охлажденную воду и всыпал ложку сахара. Детский напиток, но более подходящий для жажды Алгоринда и, как подозревал Данила, для его опытности.

Юноша одобрительно кивнул и сделал вежливый глоток. Его лицо просветлело.

– Это более приятно, чем я ожидал и гораздо более освежающе.

– Пей столько, сколько нужно, – сказал Данила. – Это в основном вода, и не причинит тебе никакого вреда.

Алгоринд опустошил бокал, потом еще один, после чего Данила указал ему на кресло.

– Нам так много есть о чем поговорить, что я едва понимаю, с чего начать.

Паладин уселся в кресло и с озадаченным выражением лица повернулся к хозяину, который наливал себе бокал неразбавленного вина.

– Что означает – легкая юбка?

Данила удивленно рассмеялся. Он поставил графин на место и прислонился спиной к шкафу.

– Не совсем то, с чего я хотел начать, но очень хорошо, давай начнем с этого. Это довольно простой способ оскорбить достоинство женщины, намекая, что ее юбки, будучи легкими, удобно поднимаются.

– О-о.

Он отметил, как малиновый румянец наползает на лицо Алгоринда.

– Могу я спросить, где ты слышал этот термин?

– Сэр Гарет сказал так о Бронвин.

Улыбка Данилы исчезла.

– В самом деле, – холодно произнес он. – Ну, раз уж мы обмениваемся сплетнями, как парочка рыбаков, почему бы тебе не рассказать мне, что еще наговорил сэр Гарет?

– Он сказал, что у Бронвин есть дела с Жентаримом.

– Это могло быть правдой, но вряд ли общеизвестно. – Данила слегка пожал плечами. – Вероятно, он ссылается на ее брата, жреца Дага Зорета.

Алгоринд неуверенно покачал головой.

– Нет, сэр Гарет упомянул об этом жреце, но отдельно.

Ярко выраженные манеры этого молодого человека начали приобретать для Данилы иной смысл. Как и многое другое, и все это наводило на мысль, что он сильно недооценил юного паладина.

Он уселся в кресло, прежде чем ответить на незаданный Алгориндом вопрос.

– Ты совершенно прав – это два отдельных вопроса. Бронвин действительно имеет дело с Жентаримом. Или точнее сказать – имела. Теперь, когда слухи об ее союзе с Арфистами распространяются людьми вашего Ордена, я представляю себе людей жентильского убеждения, которые усердно распоряжаются сокровищами и забывают всю ту информацию, которую она им продала. Но из тех, кто вовлечен в эти деловые отношения, только Бронвин, ее помощники-дварфы, Архимаг Глубоководья и я знают о ее контактах с Жентаримом. И я гарантирую, что сэр Гарет не получал эту информацию ни от кого-либо из нас. Думай, что хочешь.

Печальный вздох вырвался у паладина, и плечи его опустились, словно под тяжестью.

– Тогда это то, чего я и боялся. – Он взглянул на Данилу, на его лице застыло печальное выражение. – Вам, должно быть, трудно поверить, что такой человек, как Гарет Кормейр, мог быть в сговоре с Жентаримом.

– На самом деле, это не ставит под сомнение силу моего воображения.

Взгляд молодого человека ожесточился.

– Прости, может я неправильно скажу, но, как мне кажется, ты не слишком уважаешь паладинов.

Данила пожал плечами.

– Я не поклонник вашего Ордена – это правда. Но, это вовсе не свидетельствует о пренебрежении к религии вообще. Как ты знаешь, мой дядя, Хелбен Арансан, давно не в ладах с рыцарями Самулара.

– Я не знаю этой истории.

Арфист поперхнулся глотком вина. Он осторожно отставил бокал.

– Как такое возможно? Ведь их разногласия являются главной причиной существования Ордена.

– Возможно, но он существует также и для других целей, – предположил Алгоринд.

– Возможно? Ты хочешь сказать, что посвятил свою жизнь делу, которого не понимаешь?

Алгоринд смело таращился на него.

– Моя жизнь посвящена служению Тиру. Я понимаю это достаточно хорошо.

– Если бы ты был просто паладином Тира, я бы с тобой согласился, но ты в союзе с Рыцарями Самулара, воинским Орденом с определенной миссией.

Он потянулся к большому голубому камню, лежащему среди кучи книг и свитков.

– Это кири, эльфийский камень памяти. Эльф, который носил его, был бардом и летописцем. Он оставил его в помощь тем, кто хотел изучить его записи. И он присутствовал при взятии крепости Терновый Оплот Самуларом Карадуном, основателем вашего Ордена. Хочешь увидеть это событие глазами барда, который был свидетелем?

– Такое вообще возможно? – удивился Алгоринд.

Приняв вопрос за согласие, Данила подошел к большому шкафу и вынул из него металлическую подставку – богато украшенное устройство, немного напоминающее солнечные часы. Он установил его рядом с креслом Алгоринда, а затем поместил кири на плоскую поверхность. Круглое зеркало помещенное в рамку.

– Всмотрись в зеркало, – сказал он. – Ты увидишь и услышишь все, что видел бард. После первых нескольких минут, ты можешь забыть, что действительно существуешь.

Алгоринд наклонился вперед с неумным любопытством на лице. Когда разыгралась древняя сцена, наблюдая за сменяющимися эмоциями на лице молодого человека, арфист испытывал что-то похожее на жалость. Данила копался в хранилищах кири и обнаружил, что воспоминания тревожные, но реальность, стоящая за рыцарями Самулара, будет иметь гораздо более глубокое влияние на молодого паладина.

Когда, наконец, видение исчезло, Алгоринд откинулся на спинку кресла. Его сердце бешено билось, словно это он сам находился среди последователей Самулара, сражаясь вместе с ними, пытаясь выбить предводителя из его крепости. И Погибель Фенриса – или Погибель Кезефа, как считали некоторые мудрецы Ордена – изменяющая свой размер осадная башня, которая сыграла огромную роль в недавнем унижении Алгоринда, была мощнейшим оружием, которое когда-либо использовалось во славу Тира. И все же...

Что-то было глубоко неправильно с Погибелью Кезефа. Зло цеплялось за нее, как туман, поднимающийся с болота. И, видимо, не только Алгоринд чувствовал это. Внуки-близнецы Самулара, одинаковые, еще безбородые парни, одетые в бело-синие цвета воинов, поклявшихся служить Тиру, носили схожие выражения ужаса на лице, когда они видели беловолосого мага в белом плаще, который командовал осадной башней.

Странно. Ни в одной истории, которые слышал Алгоринд в Саммит Холле, не упоминалось, что у Самулара был близнец и ничего не рассказывалось о его брате-маге. О Вуртаре и Дорлионе, близнецах-паладинах, которые основали Святой Орден Рыцарей Самулара, он слышал много. Легенды об их славных подвигах и добродетельной жизни были основой для начального обучения.

Он поднял взгляд на настороженное, сочувствующее лицо Арфиста.

– Расскажи мне о брате Самулара.

– Его звали Ренвик Карадун.

Данила быстро рассказал историю, которую он собирал по кусочкам.

– Похоже, – заключил он, – что Ренвик обманом привлек Хелбена Арансана – мага, который, очевидно, был предком нынешнего архимага – помочь ему изгнать демона Ямаррала вместе со всеми жителями крепости на некий небольшой уровень бытия, из которого демон не сможет вернуться по своей собственной воле. Первоначальное условие соглашения по знаку крови, вероятно, гласило, что сила Ренвика не исчезнет до тех пор, пока демон не вернется в Абисс. Изгнав его, Ренвик

позаботился, чтобы этого не случилось. Довольно умно, держать демона в изгнании с помощью его собственной магии.

– Все эти люди стали жертвами амбиций одного человека! Я думаю, это благословение, что Ренвик Карадун умер, прежде чем эти амбиции смогли быть реализованы.

В ответ Данила передал ему старинную книгу, открытую на странице с изображением высокой круглой башни.

– Это Карадунская Крепость, которую Ренвик использовал в качестве своего логова при жизни, и в которой он остался после смерти.

– Но, как он мог жить в ней после смерти, как он...

Данила прервал его вопрос жестом.

– Переверни страницу.

Паладин так и сделал, и тут же удивленно отшатнулся. Старая башня находилась теперь прямо за величественной крепостью из песчанника. Он очень хорошо знал это место, потому как воспитывался и обучался именно там.

– Ты никогда не задумывался, почему эта башня находится за стенами Саммит Холла? – тихо спросил Арфист.

Алгоринд кивнул.

– Мастера говорили, что в ней находится великая и могущественная магия, которую рыцари Самулара должны охранять. Там Ренвик Карадун?

– Боюсь, что так. Ренвик намеревался удерживать власть очень долго, когда был живым, либо как лич. Сначала я считал, что Самулар заключил его в тюрьму в этой башне, но затем я понял, что Ренвик сам, добровольно, изгнал себя, в качестве покаяния.

– И рыцари Самулара испытывают недоверие к Хелбену Арансану, архимагу Глубоководья, потому что его предок и тезка принял невольное участие в осуществлении Ренвиком всего этого.

Мимолетная улыбка коснулась губ Арфиста.

– Скажем так: мой уважаемый дядя способен сам нажать себе врагов.

– Точно. Между Арфистами и моим Орденом много разногласий.

– И не зря. Погибель Кезефа была всего лишь одним из магических предметов, которые Ренвик создал или восстановил в Аскалхорне. По сей день люди ищут эти предметы – и не все они принадлежат вашему Ордену. На самом деле, даже в Амне существует тайное общество, посвященное в эти цели. Под руководством Хелбена, Арфисты в течение многих лет противостояли им. Поскольку общество и ваш Орден находятся в определенном согласии друг с другом, усилия Арфистов иногда имеют разногласия с деятельностью рыцарей Самулара, особенно когда речь идет о родословной Самулара. Я уверен, что Бронвин связана со всем этим, поэтому была украдена еще ребенком.

Алгоринд с тревогой задумался.

– А что с Карой Дун? Она же племянница Бронвин?

– Скорее всего. Ведь Кара особенно привлекательна для этих людей. Она ведь не только владеет одним из колец Самулара, но и обладает потрясающим талантом к магии. Ее мать – Ашемми, эльф с огромными амбициями, черным сердцем, и повадками кошки. На самом деле, я не удивлюсь, узнав, что она была предназначена

для того, чтобы соблазнить Дага Зорета, в надежде получить магически одаренного ребенка в родословной Самулара.

– Это звучит... чудовищно, – прошептал Алгоринд. – И сэр Гарет вовлечен во все это? Как он мог скрывать это зло так долго?

– Я могу назвать несколько причин, – заметил Данила. – Прежде всего известность сэра Гарета, даже паладины, зачастую видят то, что хотят увидеть. Вспомни рану, иссушившую его руку, из-за которой он закончил свою карьеру. Воспитанные люди отводят глаза от изувеченного мужчины, не желая показаться нескромными. Каждый карманник знает это и использует такую возможность, зная, что добрые люди не склонны таращиться на человека, имеющего какие-то травмы.

– Люди всегда восхищаются теми, кто преодолел свои недуги, ведь сэр Гарет продолжил служить Ордену, будучи казначеем, – добавил Алгоринд.

– И это тоже помогло ему, ведь такая работа предполагала одиночество и удерживала его от повседневных контактов с людьми его круга. Новые знакомства могли дискредитировать его и позволили бы людям увидеть, насколько темной стала его душа.

– Много мудрости в твоих словах, – признал Алгоринд. Он неуверенно взглянул на Данилу. – И что же мне теперь делать? Посоветуй мне.

Казалось, что все это забавляло арфиста.

– Почему ты считаешь, что я должен перечислять тебе действия, которые ты обязан предпринять? Ради экономии времени, почему бы тебе самому не рассказать мне, что ты должен сделать.

– Мой Орден должен знать о сэре Гарете.

– Вполне может быть, – медленно произнес он. – Не исключено, что вся его бравада разобьется при расследовании. Но, также возможно, что он магически защищен от всякого вмешательства. Ты молился в надежде понять его сущность?

– Нет, сэр, я хотел распознать это в своем сердце. Я мельком видел сэра Гарета, почти как нечто, увиденное краем глаза.

– Любопытно. Но, конечно же, будет трудно заставить старейшин испробовать этот метод, так же, как и убедить их, что то что ты видел, было правдой о сэре Гарете.

– Тогда, что же нам делать?

Данила немного подумал.

– Если сэр Гарет отправил Кару с одним из кораблей, направляющихся на юг, где-то все-равно должны быть записи об этом. Нам повезло, что у меня есть друзья в этих местах. Со временем, я смогу собрать достаточно информации, чтобы поддержать твоё обвинение. Но было бы лучше, если бы у нас был свидетель.

– Но какой добрый человек мог быть свидетелем злодеяний сэра Гарета?

– Это проблема, не так ли? – Данила задумался. Глядя на гостя, он встряхнулся и грустно улыбнулся. – О, я был недостаточно внимателен. Ты ранен и нуждаешься в исцелении.

Алгоринд нахмурился.

– Но ты уже восстановил мой размер и слух.

– Да, но лечебное зелье, которое я тебе дал, специально для этого. А у тебя распухшие руки.

Данила порылся среди своей коллекции зелий и достал бутылек, напоминающий формой слезу, в котором плавали крошечные пылинки света. Он долго рассматривал его, прежде чем передать.

– Держи, это должно решить проблему.

Юный паладин кивнул и выпил содержимое бутылка. Чувство глубокого изумления наполнило его, когда он рассмотрел свои, безупречно выглядевшие, руки.

– Они излечились, кажется, еще до того, как я проглотил. Даже старые шрамы исчезли!

– Это чрезвычайно мощное зелье, – равнодушно сказал Данила, потянувшись к пустому бутылку. – Теперь по поводу сэра Гарета...

Да, а что насчет сэра Гарета? К своему удивлению, Алгоринд уже не знал, что и думать о старом рыцаре. Его сомнения и страхи, так крепко удерживаемые мгновениями ранее, теперь казались несущественными, как утренний туман.

– Сэр Гарет герой для нашего Ордена, – размышлял вслух он. – Если видение, представшее мне, действительно было проблеском души сэра Гарета – а я уже не так уверен в этом, – возможно, тьма определяла боль от его ран, или, может быть, он страдает во время уныния. Если бы он перешел на сторону зла, если бы он действительно сделал то, в чем ты подозреваешь его, старейшины бы знали это.

– Я не удивлен, что ты так думаешь, – сказал Данила, лениво вертя пустой бутылек из-под зелья в руках. – И что ты намерен делать дальше?

– Я пойду туда, куда ты и Тир сочтете нужным меня послать.

Снова Арфист рассмеялся, но, как показалось Алгоринду, не было никакого веселья в этом звуке.

– Я с Тиром, ты говоришь? Это два вина с настолько разным вкусом, что я никак не ожидал увидеть их в одном бокале! – Он резко протрезвел, выглядя сейчас более серьезным, чем Алгоринд ожидал от него. – Теперь, забудь о моем мнении. Забудь об Ордена. Что ты должен сделать?

Минуту подумав, Алгоринд сказал:

– Я должен предупредить дварфов Тернового Оплота. Сэр Гарет упомянул, что им, может быть, не будет позволено выступать в Саммит Холле.

– Действительно. Он не сказал как, или кем?

– Нет, он этого не сделал, но без сомнения знает что-то, о чем не счел нужным поделиться со мной.

– Безусловно, – пробормотал Арфист. – Если у дварфа есть что сказать и он желает поделиться этим, его нелегко заставить замолчать, но я, все же, пошлю весточку Бронвин в Терновый Оплот. – Данила приподнял бровь. – Или, может быть, ты предпочтешь доставить ее туда?

– Я не пожелал бы ничего лучше, ведь я смогу попросить у нее прощения и готов искупить вину за невольно совершенные ошибки. И все же, – воодушевленно добавил он, – я вынужден вернуться к сэру Гарету. Возможно, в ближайшие годы ему понадобится помощник, которому он сможет доверять, чтобы помочь ему со всеми его многочисленными обязанностями.

Улыбка Арфиста показалась ему еще более грустной.

– Я знал, что ты так думаешь.

Серебряная сова улучила момент, выпорхнуть в окно и улететь в ночь. Алгоринд проследил за ней с задумчивой улыбкой на лице.

– Если ты решил помочь сэру Гарету, тебе понадобятся лошадь и новый меч, – заметил Арфист. – Я знаю прекрасного кузнеца-оружейника, который будет не против сделать работу в такое время. Что касается коня, так уж случилось, что у меня есть друзья в Гнезде Пегаса.

Алгоринд сразу же подскочил.

– Крылатый конь согласится меня нести?

– Они менее привередливы, чем ты, возможно, слышал. – ответил Данила веселым тоном. – Прежде чем мы уйдем, есть один вопрос, на который я не смог найти ответа. Два рыцаря, Вуртар и Дорлион, который из них унаследовал темную природу своего отца?

– Это совсем не важно, – сказал Алгоринд, удивляясь правоте собственных слов. – Свет благодати Тира льется одинаково на всех людей. Кем мы являемся теперь, мы сами решили такими стать. То, что мы делаем сейчас, мы сами решили это делать.

Данила кивнул, но его серые глаза оставались обеспокоенными.

– Так ты не встревожился, узнав, что основатели вашего Ордена были порождены демоном? И ты не будешь иметь ничего против Бронвин и Кары, которые разделяют это наследие?

– Пока ни один из них не уменьшит меня снова, – горячо ответил Алгоринд, – я буду удовлетворен.

Позже, той же ночью, Данила вернулся в свой городской дом, открыв дверь простым заклинанием и нетерпеливым взмахом руки. Он чувствовал себя слишком уставшим и подавленным для того, чтобы возиться с ключами.

Его, заслуживающий похвалы, дворецкий-хафлинг предусмотрительно оставил горящую лампу в прихожей, но кабинет за пределами ее света оставался в тени. Но, даже так, он смог разглядеть очертания высокого, широкоплечего человека, сидящего рядом с, тихо потрескивающим углями, камином.

– Ты должен поддержать своих подопечных, – с наставительным тоном, прозвучал его низкий голос, с слегка заметным акцентом, к которому он иногда прибегал, чтобы скрыть раздражение. – Как ты только что продемонстрировал, их слишком легко сломить.

Со вздохом Данила вошел в комнату и плюхнулся в кресло напротив Архимага Глубоководья.

– Я был уверен, что ты заскочишь. Вне всякого сомнения, запах магии привлекает тебя так же сильно, как запах сыра привлекает мышей.

– У тебя тяжесть на сердце, – заметил великий волшебник. Он поднял пустой бутылек, из-под второго зелья, которое Данила дал юному паладину. – Это не мелочь, магическим образом контролировать волю человека.

– Не мелочь? – недоверчиво повторил Данила. – Это неправильно. Это – зло. Это не лучше, чем изнасилование!

– И все же...

– И все же, – тихо откликнулся Данила. Он потер руками лицо и с печалью взглянул на Хелбена. – Я осудил тебя за гораздо меньшее. По правде сказать, я сурово осуждал тебя на протяжении многих лет.

– Это то, чем всегда занимаются молодые люди.

Некоторое время они просидели в тишине, разделяя то одиночество, которое приходит вместе с могуществом или из-за трудности выбора. В конце концов Данила спросил:

– Может ли что-то хорошее еще случиться в эту ночь?

– Ни один человек не может предвидеть то, что случится дальше, – произнес Хелбен, – и в целом это хорошо. Можно сойти с ума от познания всех возможных результатов. Это похоже на то, когда у человека слишком много власти. И из-за того, что ты ничего не боишься так сильно, как безумия, ты боролся со мной все эти годы, уклоняясь от реализации своего, несомненно, великого магического потенциала и отвергая любые предположения, что ты сможешь стать моим преемником в Башне Черного Посоха.

Данила уставился на него.

– Я не предполагал, что ты знаешь.

– Ты будешь удивлен, насколько хорошо я тебя понимаю, – сказал Хелбен. Он кивнул в сторону беспорядочного нагромождения книг и свитков на столе Данилы. – У тебя есть талант мага, страсть барда к истории и чувство долга, требующее служения другим. Это твой путь, и хорошо и правильно, что ты следуешь ему.

Польщенный неожиданной похвалой, Данила смог лишь поблагодарить его кивком головы.

Хелбен откашлялся.

– Так ты скоро уедешь в Тетир?

– Да, до конца сегодняшнего дня, но я не поеду один. Моя леди Эрилин имеет право на возмездие; у Элайта Кроулнобара есть враги, которых нужно убить. – Данила пожал плечами. – Обычное дело, только в этот раз мои плохо уживающиеся эльфийские друзья находятся в редком согласии.

– Неужели! Должен ли я с облегчением слышать это или беспокоиться?

– Я полагаю, немного и того и другого.

Хелбен усмехнулся и встал на ноги, чтобы уйти, Данила вежливо поднялся за ним. Архимаг долго смотрел на молодого человека.

– Да благословит тебя Мистра, сынок.

Данила улыбнулся ему.

– Я же не уезжаю навсегда – самое большее несколько лет. Учитывая то, как долго ты прожил, для тебя это равносильно морганию. Увидимся по возвращении.

На лице Архимаса возникло странное выражение, но он быстро овладел собой. Подняв на прощание руку, Хелбен растворился в тумане.

6 элейнта, Год Штормов Молний (1374 по ЛД)

Саммит Холл

Лахарин Золотобород – владыка Саммит Холла, изучал документы, разложенные перед ним. Его лицо побледнело, когда он просмотрел накладные и отгрузочные записи, связывающие сэра Гарета с Жентаримом и, что еще хуже, с Гильдией Коллекционеров, злыми охотниками за сокровищами из Амна, общее предназначение которых, было для Рыцарей Самулара злым роком. Наконец, он провел пальцем по кольцу, которое за несколько минут до этого показало лицо Дага Зорета, жреца Цирика и члена Жентарима, нетерпеливо отвечавшего «сэру Гарету» так, как будто между ними было долгое знакомство.

Паладин взглянул на высокого светловолосого мужчину, стоявшего перед ним.

– Как получилось, Алгоринд, что ты потратил более пяти лет, собирая эту информацию? Я не буду отрицать, что ты оказал большую услугу Ордену, но ухищрения довольно трудны для паладина, чье сердце праведно.

– Но не невозможны, – вмешался его товарищ, хорошо одетый дворянин на несколько лет старше Алгоринда. – Я возложил на него заклятие принуждения, и оно заставило его отбросить все свои сомнения в сторону до тех пор, пока он не соберет доказательства, которые ваш Орден уже не сможет игнорировать. Я принудил его волю к этой цели.

Лахарин сурово рассматривал человека.

– Вы признаете это?

– Да, – размеренно произнес Данила Танн, – кроме того, я возьму на себя любую вину, которая может свалиться на Алгоринда, и подчинюсь вашему суду.

– Вы не подпадаете под нашу юрисдикцию.

– Даже несмотря на это.

Мастер кивнул и повернулся к сидящему неподалеку пожилому человеку, по обеим сторонам которого стояли охранники в броне.

– Что скажете вы на эти обвинения, сэра Гарет?

– Бумаги можно подделать, и вы это прекрасно знаете! – строго сказал Гарет. – Маг, который навязывает свою волю другому человеку, может легко создать иллюзию, такую же, как та, что перед вами на столе. А лорд Танн когда-то был Арфистом, он родственник Хелбена Арансана и, как следствие, враг нашего Ордена.

Лахарин с серьезным видом выслушал его, потом повернулся к Алгоринду.

– Какой ответ ты бы дал на это?

– Сэр Гарет долго говорил о недостатках других людей. – Молодой паладин взглянул на Данилу Танна. – Но мне кажется, что хороший человек признает *свои* ошибки. Я с опаской отношусь к любому, кто этого не делает.

– Хорошо сказано, – Лахарин встал и обратился к старому рыцарю. – Сэр Гарет, учитывая вашу долгую службу Рыцарям Самулара и заботу о репутации нашего Ордена, вы не предстанете перед судом, а отправитесь в спокойное заточение.

Гарет почувствовал облегчение.

– Приговор справедлив. Какими бы не выглядели мои прошлые поступки, знайте, что у меня никогда не было намерения творить зло.

– Но не у Ренвика Карадуна. Надеюсь, вы найдете его компанию поучительной.

Сэр Гарет побледнел.

– Конечно же, вы не имеете в виду...

– Как вы сами заметили, приговор справедлив. – Лахарин обратился к страже. – Отведите его в Замок Основателя.

К его чести, сэр Гарет ушел не протестуя, неся себя с достоинством, которое напоминало о героической молодости старого рыцаря. Как только комнату покинул последний вооруженный паладин, Лахарин откинулся на спинку стула и устало посмотрел на двух молодых людей, стоящих перед ним.

– Какое покаяние наложил бы ты на себя, Алгоринд? Чтобы ты не судил себя слишком строго, позволь напомнить тебе, что вот этот человек предложил взять на себя твоё наказание.

Молодой паладин не стал долго думать.

– Позвольте мне служить Рыцарям Самулара, ища артефакты Ренвика Карадуна, созданные или найденные в Аскалхорне, и благополучно вернуть их Ордену.

– Понимаю, – медленно произнес Лахарин. Его взгляд остановился на маленькой девушке-шатенке, тихо сидевшей в углу. – И ты сможешь сделать эту работу лучше, чем Гильдия Коллекционеров? Ты сможешь забрать из Амна те артефакты, на которые эти разбойники уже претендовали?

– Не один, сэр. – Лицо Алгоринда покрылось румянцем, но он выдержал взгляд Мастера. – Бронвин Карадун знает все по сбору антиквариата. Она может говорить на языках Амна и других южных земель, и она имела дело с некоторыми людьми из Гильдии.

– А ты Бронвин? Разделишь ли ты с ним это предприятие?

Женщина встала, на ее красивом лице отпечаталось выражение глубокой решимости.

– Эти сукины дети убили мою семью, пытаюсь добраться до меня. Они уже однажды похитили мою племянницу Кару и после этого предприняли еще три попытки. Дай мне перо и скажи, где мне подписаться.

Улыбка расползлась по лицу Лахарина.

– Это подходящее задание для дочери Самулара! Добро пожаловать домой, дитя. А вы, лорд Танн, будете довольствоваться тем, что позволите Алгоринду взять все последствия этого покаяния на свои плечи?

Что-то в его тоне вызвало настороженное недоумение в лице молодого дворянина. Он перевел взгляд с Бронвин на Алгоринда, и его осенило понимание. Поскольку у Бронвин не было родственников, Лахарин предоставил Даниле, ее другу и покровителю, честь дать согласие на предполагаемое партнерство. Данила отметил, как не совпадающая во многом пара стояла вместе, их руки соединились во имя общей цели... и потом увидел, как их руки медленно отодвигаются друг от друга. Неохотно. Он повернулся к Лахарину с кривой, все понимающей улыбкой.

– Полагаю это «покаяние» полностью погасит долг Алгоринда, а также те гонорары и штрафы, о которых не мечтали самые жадные ростовщики.

– Я знал мать Бронвин, – заметил Мастер, его глаза увлажнились, – и воспоминание об этом знакомстве, хотя и любящее, не противоречит вашему наблюдению. Ваша леди – Эрилин Лунный Клинок, Арфистка-полуэльф?

– Да.

Лахарин кивнул, с кривой улыбкой на бородатом лице.

– Этого уже достаточно.

Алгоринд слушал этот обмен репликами с явным недоумением.

– Я ничего не понимаю.

Владыка Саммит Холла и дворянин переглянулись в редком и полном согласии.

– Ты поймешь, – сказали они в унисон.

СДЕЛКА

Первоначально был издан в антологии «Королевства Доблести» под редакцией Джеймса Лоудера, февраль 1993 г.

Эта история происходит вскоре после событий романа «Эльфийская Тень», первой моей книги по Забытым Королевствам. Это также мой первый опубликованный рассказ, задающий тон многим последующим историям, по крайней мере, в одном аспекте – ирония. На этих страницах вы обнаружите много ее.

Эрилин Лунный Клинок, воительница-полуэльф и агент Арфистов, с которой только что были сняты все подозрения в убийстве нескольких следопытов. Она уже почти избавилась от своего ненавистного прозвища – и вот снова «убийца Арфистов», на этот раз как мрачное почетное признание того факта, что люди, с которыми она сражается, обычно умирают. Она и Данила Танн, дворянин из богатой купеческой семьи Глубоководья, отправляются в Тетир по поручению Арфистов, с миссией, которая требует, чтобы Эрилин – и она жаждет этого – проникла в Гильдию убийц.

Некоторые полуэльфы просто никогда не могут успокоиться.

Одну вещь Эрилин Лунный Клинок ненавидела больше всего на свете – когда ее преследовали.

– Ну откуда тебе знать, что кто-то выслеживает тебя? – удивлялся спутник Эрилин, опрятный, пышно разодетый дворянин. Он тщательно выверял каждый свой шаг, чтобы не дай бог не вляпаться в какую-нибудь гадость, пока они пробирались сквозь захламленные доки Порты Кир. «Если ты даже не видела и не слышала ничего подозрительного, то как ты можешь быть в этом настолько уверена?»

Подавив нервный вздох, Эрилин пригладила непослушный локон позади одного из заостренных ушек. Как она могла объяснить Даниле Танну то, что для нее было сочетанием одновременно искусства и врожденного инстинкта? Она просто знала. Она словно ощущала некий бесшумный ритм, который могли чувствовать лишь лучшие охотники, рейнджеры... и наемные убийцы.

– Как ты знаешь, маги могут чувствовать присутствие магии, – медленно произнесла она. При этом она рассеянно отмахнулась от чрезмерно бойкого торговца, попытавшегося побрызгать ее какими-то духами с ароматом жасмина. – И, насколько я знаю, паладины могут ощущать присутствие зла.

– Ага, так вот оно что, – в серых глазах Данилы, который изучал взглядом расстроенную полуэльфийку, мелькнули проблески понимания. – Выходит, что чья-то назойливость, за отсутствием более подходящего слова, тоже обладает какой-то особой аурой, которую ты можешь ощущать.

В ответ на губах Эрилин мелькнула невеселая улыбка.

– Что-то в этом роде.

– И давно уже за нами следят?

Она пожала плечами.

– С тех пор, как мы покинули Имнескар.

– И мне... – Дворянин так и не закончил фразу, вместо этого испустив звук, который больше походил на злобное шипение рассерженной утки. – Эрилин, дорогуша, кто-то тащится за нами добрых два королевства, а ты даже ни разу не упомянула об этом?

– Это первый раз, когда мы с тобой остались наедине, – невинно произнесла Эрилин.

Данила многозначительно обвел взглядом переполненный рынок. За линией доков в сгущающихся сумерках, подернутых последними лучами заходящего солнца, искрились воды Моря Мечей. Большинство купцов поспешно сворачивали пестрые шелковые тенты и ковры, на которых еще недавно пестрели всевозможные товары. Однако, несмотря на подкрадывающуюся темноту, толпа не редела – ведь наступало время других торговцев, которые предлагали услуги совсем иной природы.

– Говоришь, мы наедине? Весьма странно, – пробормотал себе под нос Данила. – Я довольно часто оказывался наедине с красивыми женщинами, но никогда вокруг не было столько шума и гама. По крайней мере, поначалу.

– Ты прекрасно понял, что я имею в виду, – отрезала полуэльфийка. На протяжении долгих дней у нее было очень мало возможностей поговорить с Данилой с глазу на глаз. Они присоединились к торговому каравану, держащему путь из Глубоководья в Калимпорт. Торговцы были единственными северянами, которые считались желанными гостями в землях Тетира. Именно поэтому Эрилин и Данила присоединились к ним, что позволило им беспрепятственно путешествовать через южные земли. К своей настоящей миссии они должны были приступить только сегодня.

Эрилин и Данила должны были доставить предупреждение правящему паше Тетира. Это задание они получили от Арфистов – самопровозглашенных хранителей свободы и справедливости на Фаэруне. Миссия была не так проста, как могло показаться на первый взгляд, поскольку Паша Балик не желал иметь ничего общего с “сующими нос не в свои дела варварами с севера”. Раз за разом он отказывал в аудиенции послам Арфистов, а любые попытки заручиться поддержкой кого-нибудь из его ближайшего окружения неизменно оборачивались провалом. На плечи Данилы выпала миссия отыскать окружной ход ко двору паши, в то время как задание Эрилин было куда более прозаичным – сохранить жизнь юному дворянину в случае, если события примут неожиданный поворот. Прекрасно зная Данилу, Эрилин чувствовала, что осуществить это будет не так уж просто. А тут, как назло, еще и этот таинственный преследователь.

Несмотря на ту проблему, которую он или она собой представлял, полуэльфийка вынуждена была отдать ему должное. Выслеживать торговый караван вдоль главного торгового пути было не столь уж сложным заданием. Но вот избегать разоблачения на протяжении столь долгого времени было совсем иным делом. Ни один из членов ее отряда даже не предположил, что их выслеживают. Даже могущественный маг Арфистов, ехавший сейчас подле нее.

Эрилин бросила мимолетный взгляд на Данилу, который лениво насвистывал мелодию одной из баллад, отличающихся весьма непристойным содержанием. Лишь немногие знавшие Данилу могли принять его за Арфиста или мага. Данила Танн слыл известным франтом, магом-дилетантом, чьи заклинания раз за разом давали сбой, и жалким любителем, пытающимся выдать себя за стоящего барда. Его самодовольная ухмылка и неумеренная расточительность просто кричали о его богатстве, беззаботности и знатном происхождении. По правде сказать, Данила сознательно культивировал этот образ. На его шелковом жилете аметистового цвета ярким пятном выделялся символ благородной торговой семьи с севера. Обширные шаровары были заткнуты в щегольские замшевые сапоги, а просторные рукава шелковой рубахи украшали крошечные руны, вышитые фиолетовыми и золотыми нитями. Столь свободный стиль одежды позволял надежно скрыть от посторонних глаз точеный, мускулистый торс, подобно тому, как мерцание драгоценных камней на рукояти меча отвлекало взор от острого и надежного лезвия. Благодаря именно такой маскировке, Данила считался одним из лучших агентов Арфистов. И именно своей маскировкой он раздражал Эрилин до белого каления.

– Уже поздно, – внезапно произнесла она. – Давай подыщем какое-нибудь спокойное местечко и прикинем наши следующие шаги. В любом случае я сейчас была бы не прочь слегка подкрепиться.

При этих словах лицо дворянина озарилось от счастья.

– Я тут все закоулки знаю. Местный колорит и все такое... Пойдем, я отведу нас в подходящее местечко.

Он схватил Эрилин за руку и потащил сквозь лабиринт кривых улочек, пока, наконец, они не наткнулись на приземистое деревянное строение, которое в лучшем случае можно было принять за какой-нибудь заброшенный склад.

– Местный колорит, как я и обещал, – с энтузиазмом провозгласил Данила, распахивая дверь. Затем он снял свою шляпу с пером и тщательно уложил растрепавшиеся белокурые локоны волос. – Разве здесь не прелестно?

Они очутились в некоем подобие таверны, которая состояла из одного огромного питейного зала и которую можно было назвать как угодно, но только не прелестной. Пожалуй, если бы это место тщательно отдраили и проветрили, то его еще можно было бы назвать просто убогим, с отвращением отметила про себя Эрилин. Главная зала была забита столами и кабинами для уединения. Судя по смуглым лицам и характерным сине-пурпурным одеяниям уроженцев Тетира, это заведение пользовалось популярностью в основном у местных жителей. Толпа представляла собой сборище мужчин всех возрастов и социальных классов. Только мужчин, заметила про себя Эрилин, хотя ряд дверей, тянувшийся вдоль северной стены, позволял предположить, что женщины в этом заведении все-таки водились.

Данила проводил Эрилин внутрь помещения. Посетители, расположившиеся неподалеку от двери, цепко, со смесью интереса и неприкрытой враждебности, осмотрели вновь прибывших. Одна троица, как видно из местных, и, судя по их одеяниям, богатых людей с интересом осмотрела Эрилин и тут же принялась о чем-то увлеченно спорить.

– Лорд Танн! – раздался чей-то гнусавый голос. Эрилин обернулась и увидела, что к ним, с распростертыми объятьями, спешит приземистый человек в темных одеяниях.

Данила поприветствовал хозяина таверны по имени, поинтересовался здоровьем его жен и детей, и попросил его посадить за обычный столик. Человек провел их к угловому столу – который уже был занят – и прогнал сидевших там посетителей всего несколькими короткими словами, брошенными на местном диалекте. Излучая радушие, трактирщик протер стол рукавом, пообещал им принести вина, достойного самого Паши Балика и с тем исчез в глубине заведения.

– Интересно, есть в этом мире хоть одна таверна, с которой ты не был бы знаком? – поинтересовалась Эрилин.

Данила поджал губы и всерьез задумался. Однако прежде чем он успел ответить, к их столу приблизился человек в голубых одеяниях.

– Я слуга достопочтенного Акима Надира, – обратился он к Даниле, махнув рукой в сторону одного из трех людей, которых Эрилин заметила ранее. – Мой хозяин желает приобрести вашу женщину.

Данила успокаивающе похлопал Эрилин по руке.

– Позволь мне разобраться с этим, – повернувшись к слуге, он спросил, – Сколько предлагает твой хозяин?

– Двадцать золотых.

– Данила, сейчас не время для глупостей...

– Вполне с тобой согласен, – прервал Данила. Он потянулся через стол, и потрепал ее правую руку, словно утешая. – Я бы сказал, что ты стоишь гораздо больше.

– Отпусти мою руку и сейчас же избавься от этого человека, – прошипела она сквозь сжатые зубы.

– И упустить такой отличный шанс отточить мои торговые навыки?

– Двадцать пять? – предположил слуга.

Данила покачал головой.

– Эти глаза способны затмить даже лазурное небо пустыни, – вкрадчивым голосом произнес он.

– Тридцать золотых. Не больше.

– Да ты только посмотри на нее, – настоял Данила, искусно лавируя на стуле, чтобы избежать знакомства с сапогами полуэльфийки. – Ты когда-нибудь видел такую кожу? Она подобна лунному свету, играющему на жемчужинах! Сотня золотых была бы достойной ценой.

– Возможно, я бы смог дать пятьдесят, – предположил слуга. – Есть у нее какие-нибудь особенные таланты?"

– Ну, она очень неплохо обращается вот с этим мечом, – заботливо произнес Данила, – хотя ты, наверное, имел в виду нечто иное.

– Ну все, с меня хватит. – Эрилин одним движением вывернула руку из хватки Данила, и, поднявшись на ноги, зло посмотрела на слугу. – Занимайся своими делами в каком-нибудь другом месте.

Слуга тупо уставился на нее, моргая и явно ничего не понимая. Женщина в таком месте, как это, без сомнения была на продажу.

– С кем я могу договориться о сделке? – спросил он, стреляя глазами по комнате. Эрилин обнажила меч.

– С ним.

Древний клинок ярко вспыхнул, мерцая переливающимися эльфийскими рунами, украшавшими его по всей длине. Темные глаза человека расширились и он подался назад так внезапно, что запнулся о край своей хламиды. Убедившись, что ей больше не причинят неудобств, Эрилин убрала меч в ножны и опустилась на стул.

Данила покачал головой.

– Твое умение торговаться оставляет желать лучшего.

– Тебе не пришло в голову, что он говорил на полном серьезе? – гневно произнесла Эрилин, показывая пальцем в сторону удаляющегося слуги. – Тут люди все принимают за чистую монету. Что бы ты стал делать, если бы он согласился на твою цену?

– Я бы попросил его добавить к сделке пару верблюдов.

– Вер... – Эрилин не закончила, резко подавшись вперед. – Ну хорошо, ты меня заинтриговал – почему именно верблюдов?

– Для моей матушки, разумеется. Почтенная Леди Кассандра попросила меня раздобыть что-нибудь интересное для ее конюшен, – кротко ответил Данила.

Эрилин едва сдерживала смех, но представший ее мысленному взору образ благородной дамы из Глубоководья скачущей на верблюде... даже для нее это было уже чересчур.

– Ты должна чаще смеяться. Тебе это очень идет. О, благодарю, – произнес Данила, когда рядом с их столом возник неведь откуда взявшийся трактирщик с двумя большими кубками. Дворянин отпил небольшой глоток и похвалил прекрасный вкус напитка.

– Это виноград с моих собственных земель, – скромно поклонился трактирщик. – Я рад, что смог угодить вам.

– Мы более чем довольны, – произнес Данила. – Как ты знаешь, моя семья занимается поставкой лучших сортов вин. Возможно, если бы я смог присоединиться к вашей гильдии, то смог бы импортировать твоё вино – и твою славу – на Север.

Улыбка слетела с лица трактирщика в один миг.

– Я бы с удовольствием согласился на это, лорд Танн, но сомневаюсь, что это возможно. Вы должны извинить меня.

Быстро поклонившись, он заторопился прочь.

– Что все это значит? – настороженно поинтересовалась Эрилин.

Данила выловил кусочек пробки из своего вина.

– Должно быть, ты уже заметила, что это заведение не принадлежит к разряду тех, которые я обычно посещаю. Однако именно здесь собираются члены гильдий. Ты не обратила внимания на вывеску снаружи? “Кинжал Гильдий”? Жуткое словосочетание, но оно могло привести тебя к нужным выводам.

– Ну? И что?

– Гильдии в Тетире контролируют все вопросы, касающиеся торговли, благодаря чему они обладают довольно большим влиянием. Поскольку Паша Балик отказывается от аудиенции с Арфистами, то, возможно, он не отказался бы выслушать представителя одной из местных гильдий. – Данила сделал глоток. – Например, меня.

Эрилин едва не подавилась вином и грохнула кубком о стол.

– Данила, ты ведь не забыл, что именно гильдии собираются сместить Пашу Балика. Мы здесь чтобы предупредить его, а не встать на сторону его врагов.

– Членство в гильдии обеспечит мне доступ ко двору паши, – не согласился Данила. – Более того, будучи своим в гильдии, я смогу отыскать доказательства, которые заставят Балика поверить нам.

Это был весьма неплохой план, но Эрилин была далеко не в самом благодушном настроении.

– Ну и к какой гильдии ты присоединишься? Сводников? – ядовито поинтересовалась она.

– А что, это идея, – ухмыльнулся Данила. – Да брось ты, Эрилин. Не говори, что ты расстроилась из-за моей безобидной торговой сделки. Признайся ведь дело в том, что я запросил слишком низкую цену, а?

– Получить членство в гильдии не так уж и просто, – произнесла полуэльфийка, пропуская мимо ушей его колкие замечания. – Членство передается от отца к сыну, либо достигается через ученичество. Полагаю, ты мог бы его просто купить, но похоже, что на этих людей большее впечатление произведет ловкая сделка, нежели груда золота и драгоценных камней. У тебя есть какой-нибудь план?

– Пока нет, – уныло признался Данила. – Однако я раздумываю над кое-какой идеей.

– И еще кое-что. – Эрилин наклонилась к нему и заговорила заговорщическим шепотом. – Если в гильдии узнают что ты Арфист, то они предположат, что ты хочешь перейти им дорогу...

– Логичное предположение, – оборвал он.

– И тогда можешь считать себя покойником. Говорю тебе – держись от них подальше.

– Однажды в Глубоководье попытались ввести гильдейское правление, – внезапно посерьезневшим тоном напомнил ей Данила. – Мягко говоря, это обернулось катастрофой. Возможно, у Паши Балика и есть свои недостатки, но в нем, как ни в ком другом в Тетире силен лидерский дух и именно он является наилучшей гарантией политической стабильности в регионе. Если, для того чтобы добраться до уха паши, мне придется связаться с гильдиями, я готов пойти на это.

Хоть Эрилин и была в целом согласна с планом Данилы, но одна мысль никак не давала ей покоя. Возможно гильдии, которые затевали заговор против Балика – а среди них была и могущественная гильдия наемных убийц – уже раскрыли их связь с Арфистами. Тогда это бы объяснило, откуда взялся их загадочный преследователь, как и его умение оставаться незамеченным. Наемные убийцы, выходцы с юга, считались одними из лучших мастеров своего дела. Их натаскивали в секретном

заведении, известном как Школа Убийц. Также это означало и то, что “Кинжал Гильдий” было для них самым опасным местом во всем Порте Кире.

– Давай-ка убираться отсюда, – шепнула она и быстро поделилась с ним своими опасениями. Дворянин некоторое время молчал, затем нагнулся над столом и накрыл ее руки своими.

– Эрилин, никто не знает что мы Арфисты. Если кто и наблюдает за тобой, то это, несомненно, лишь из-за твоей печальной репутации...

– Можешь не продолжать, – тихо прервала его полуэльфийка. Хотя она уже работала на Арфистов не один год, в их ряды она вступила лишь недавно и мало из тех, кто знал ее раньше, мог предположить, что ее примут в ряды этой организации. Она была известна как весьма опытная наемница, искательница приключений и наемная убийца. Принимая во внимание политическую нестабильность в регионе, внезапное появление известной наемной убийцы вполне могло вызвать определенный переполох. Многие из правителей наверняка были бы не прочь установить за ней слежку.

Данила тепло пожал ее руку и кивнул головой в сторону выхода.

– Как ты думаешь, кто это такой?

Благодарная за то, что он сменил тему разговора, Эрилин бросила мимолетный взгляд в сторону двери. И как раз вовремя – она успела заметить хозяина заведения, согнувшегося в три погибели перед человеком, плотно завернутым в темные пурпурные одеяния, спасавшими его от прохлады ночи. Тусклый отблеск света позволил разглядеть на его вытянутой руке золотое кольцо.

– Понятия не имею. Это имеет какое-то значение? – вскинула она бровь.

– Имеет. Проследи куда его посадят.

Полуэльфийка проследила взглядом, как прибывшего незнакомца проводили в самую лучшую и богато обставленную комнату. И как раз перед тем, как хозяин заведения задернул за ним цветастые шторы, Эрилин удалось разглядеть лицо этого необычного посетителя. Это был обычный мальчишка, возможно лет четырнадцати или пятнадцати от роду, однако в его взгляде полуэльфийка разглядела твердость не свойственную человеку его возраста.

– О, а вот и продолжение, – невозмутимо заметил Данила. Эрилин проследила за его взглядом и тотчас выкинула из головы все мысли о мальчишке. Над столом нависла фигура огромного бородатого детины, черные усы которого подрагивали в предвкушении предстоящей схватки.

– Надеюсь, твои слова о сделке еще в силе? – ощерился здоровяк. Он обнажил свой скимитар с широким, зазубренным по внутренней стороне лезвием и плотоядно вперился в Эрилин. – Я готов выслушать твои условия.

– Тебе известны правила, Фариг! – вмешался хозяин заведения, бросаясь к столу и махая руками на громилу, словно распугивал надоедливых куриц. – Наружу, все наружу.

Поднимаясь из-за стола, Эрилин шепнула на ухо Даниле:

– Ну что, любитель сделок, не хочешь проверить и это дельце?

Лицо Данилы просветлело.

– Слушай, а ты права. Большую часть я возьму на себя, но учти – последнее слово за тобой.

Дворянин быстренько стащил с пальца большой золотой перстень с аметистом и поднял его над головой.

– Ставлю на то, что эта женщина победит, – громко произнес он. В ответ ему раздался взрыв смеха, и вскоре вокруг столика Данилы уже собралась приличная толпа, с азартом обсуждающая шансы соперников и делающая ставки.

Полуэльфийке едва удалось подавить улыбку, когда она последовала на улицу вслед за здоровяком. Она уже знала, что Данила потребует поставить на кон против своего кольца и ее навыков – членство в гильдии.

Заведение почти сразу опустело – все до единого посетители высыпали на улицу вслед за противниками. Эрилин краем глаза успела заметить, что в толпе присутствовал и тот мальчишка из таверны. Как ей показалось, он выглядел немного встревоженным и как будто разочарованным.

Однако сейчас ее внимания требовали более насущные проблемы, поэтому Эрилин обернулась назад к своему сопернику. Обнажив меч, она выставила его перед собой и заняла защитную стойку. Если будет возможно, то самый больший вред, который она причинит этому человеку – заденет его гордость.

Здоровяк скинул плащ, обнажив массивные, бугрящиеся мышцами руки и, довольно внушительный, круглый живот. “Ну и какова твоя цена?” – поинтересовался он, явно наслаждаясь собой и всем происходящим. “Может, отпустишь мне товар в долг?” Толпа взорвалась над его шуткой.

– Да просто отбери у нее меч, Фариг! Она даже не знает, с какой стороны его держать! – крикнул кто-то из толпы.

Ответный взрыв хохота тотчас растаял в воздухе, едва воины с громким лязгом скрестили мечи. Несколько первых мгновений Эрилин попросту отражала удары соперника, давая Даниле возможность поднять ставки в его пари. Это тактика оказалась верной – темная кожа громилы уже блестела от покрывавших ее бисеринок пота, а его дыхание стало затрудненным. Вскоре с его лица исчезла и самодовольная ухмылка, а по толпе поползли удивленные шепотки.

Поняв, что время игр прошло, Фариг стал вкладывать в каждый удар скимитара всю силу. В его налившихся кровью глазах Эрилин отчетливо прочитала, что теперь из приза, который, как казалось, так легко было завоевать, она превратилась во врага, который должен был умереть. С яростным криком южанин нанес резкий удар обратной стороной скимитара по предплечью Эрилин. Его сила была такова, что на какой-то миг Эрилин перестала чувствовать свою руку и почти сразу услышала, как звякнул о землю выпавший из ее ладони меч. Фариг вновь взревел нечеловеческим голосом, на сей раз предвкушая скорую победу, и занес скимитар для решающего удара.

Проворная полуэльфийка резко поднырнула и проскочила под опускающимся лезвием, после чего молниеносно выхватила кинжал из сапога и бросилась всем телом вперед. Кинжал глубоко вошел под ребра ее противника, пронзив сердце. Эрилин скорее почувствовала, нежели услышала, слабый металлический лязг, когда ее лезвие наткнулось на другой клинок. С изумлением и некоторой настороженностью она высвободила свой кинжал, позволив громиле рухнуть на мостовую лицом вниз.

Краешком глаза Эрилин успела отметить, что Данила оказался в самом центре спорящей и отчаянно жестикулирующей толпы. Освобожденная от излишнего внимания посетителей таверны, Эрилин склонилась над телом Фарига. Как она и подозревала, между его третьим и четвертым ребрами торчал кинжал. Потянув его за рукоять, она едва не вскрикнула от изумления – на ней была вырезана замысловатая Калишитская руна. Эрилин доводилось встречать этот символ раньше. Этот знак принадлежал наемным убийцам, закончившим свое обучение в Школе Убийц. Перевернув рукоять, она заметила на ней множество небольших засечек – по одной на каждую жертву владельца этого кинжала.

Эрилин убрала кинжал за голенище сапога, пока ее глаза обшаривали темные закоулки улиц. Хотя ей не удалось обнаружить присутствия ее таинственного “спасителя”, она чувствовала, что тот находился где-то рядом.

Решив во что бы то ни стало перехватить его, Эрилин подбежала к Даниле и схватила его за руку.

– Нам пора.

– Одну секундочку, – самодовольно произнес он. – Я уже почти выторговал себе место в гильдии. Дай мне еще немного времени, и они как пик дать накинут мне верблюдов для Леди Кассандры.

– Сейчас, – настояла она и резко дернула за собой.

Все так же продолжая самодовольно улыбаться, он лишь покачал головой и неторопливо высвободил пальцы из ее руки. Затем, взяв ее руку в свои, он нежно поцеловал ее ладонь и положил на свое сердце. Однако этот жест не был простым проявлением вежливости, в нем был скрыт определенный смысл; через ткань его щегольской рубахи Эрилин ощутила знакомые очертания значка Арфистов.

– Не забывай зачем мы здесь, – шепнул он.

К тому времени, когда Данила заполучил вожделенное место в Гильдии Винных Торговцев Тетира и пропустил несколько кружек доброго вина со своими новоиспеченными собратьями по ремеслу, расстроенная Эрилин уже и думать забыла о том, чтобы попытаться выследить поначалу преследовавшего, а затем и попытавшегося спасти ее, загадочного незнакомца. О своих соображениях она смогла рассказать лишь после того, как последний из посетителей таверны растворился в темноте ночи. Данила согласился, что они должны действовать в этом вопросе как можно осторожнее, чтобы не поставить под угрозу срыва выполнение их основного задания. И самым лучшим способом осуществить их намерения, было сделать ставку на то, что преследователь будет продолжать идти по следам Эрилин и попытаться выманить его за пределы многолюдного Порта Кир.

Арфисты, не теряя лишнего времени, вернулись в лагерную стоянку своего каравана на окраине города. Там они распрощались с владельцем каравана, забрали лошадей и направились на юг, в дикие заросли Леса Тетир.

Ночь была темной, и бледное сияние луны ничуть не помогало разогнать глубокий сумрак, сгустившийся над лесной тропой. Сама по себе дорога была достаточно широкой, чтобы по ней могли проехать торговые телеги, но кроны древних, многовековых деревьев, нависавшие над ней, создавали иллюзию замкнутого пространства и неприятно давили на случайных путников. По обеим сторонам тропы плотной стеной вставали густые заросли подлеска, смешивающиеся

с хитросплетениями дикой лозы. Торговые караваны осмеливались преодолевать лес лишь в дневное время, чтобы миновать встречи с грабителями и дикими тварями, которые рыскали среди зарослей после наступления темноты. Зная это, Арфисты ехали молча, настороженно оглядываясь по сторонам, выискивая малейшие признаки опасности.

Лишь незадолго до рассвета полуэльфийке удалось заметить признаки преследования. Чувствуя себя достаточно безопасно среди укрывавших его зарослей, убийца подобрался достаточно близко, чтобы Эрилин сумела разглядеть его.

А еще точнее, полуэльфийка, благодаря способности видеть в темноте, сумела разглядеть тепло, излучаемое телом преследователя. По замысловатым узорам тепловых пятен, отбрасываемых конем и наездником, Эрилин могла с уверенностью сказать, что убийца был худощав, весьма проворен и держался на скакуне с гордой осанкой. Его жеребец, – судя по всему из Эмна – тоже словно разделял чопорность своего хозяина пробираясь сквозь темный лес с обернутыми тряпками копытами. Ночное зрение поведало и о некоторых других деталях – плотность ткани из которой была сшита одежда преследователя и длину его волос. Даже небольшой кинжал, зажатый в руке убийцы, светился красноватым сиянием, приобретая на остром конце голубоватые тона.

Кинжал немного смутил Эрилин. Зачем этому человеку понадобилось спасать ее у таверны, лишь для того, чтобы напасть сейчас? Решив, наконец, добраться до неуловимого незнакомца и добиться от него ответов, она извлекла из седельной сумки небольшой метательный нож с привязанным к нему мотком прочнейшей нити из паутины. На одном конце тончайшей веревки было сделано небольшая петля, которую она привязала к рукояти своего седла.

Закончив приготовления кинжала, Эрилин достала небольшой круглый диск из железа, размерами не превышавший ладони ее руки. Просунув левую ладонь в ремешок, притороченный к диску, и взяв его наподобие щита, она взвесила в правой руке кинжал, словно напоминая себе о его весе и балансе. Ее движения были столь легки, что даже Данила не заметил этих небольших приготовлений.

Краешком глаза Эрилин отметила, что их преследователь соскользнул с лошади. Низко пригнувшись, он двинулся в ее сторону, осторожно пробираясь через густые, темные заросли подлеска. Когда до тропы оставалось совсем чуть-чуть, он выпрямился в полный рост и приготовился к атаке. Эрилин тоже напряглась, готовясь к этому моменту.

Убийца сделал молниеносный бросок в сторону лошади Данилы. В тот же самый миг Эрилин выбросила вперед свою левую руку, и кинжал, жалобно звякнув о щит в ее ладони, отскочил в сторону. Одновременно с этим она метнула свой собственный клинок. С характерным свистящим звуком он устремился к своей цели, а следом за ним тянулся тонкий шнур. От чуткого слуха полуэльфийки не ускользнул ни шепоток разматывающейся шелковой нити, ни шелест листьев, сквозь которые прошел кинжал... а потом тишина.

– Эй, да что здесь...

Пламенная речь Данилы тут же застряла у него в горле, едва он взглянул на перекошенное лицо своей спутницы. Эрилин жестом дала ему понять, чтобы он оставался на месте, а сама спрыгнула с лошади.

Полуэльфийка была более чем уверена, что ее кинжал достиг цели, и все же жертва смогла подавить болезненный крик. Учитывая особенности используемого ею оружия, это было более чем странно. Кинжал был сделан так, что при поражении цели его кончик раскрывался на четыре зазубренных зубца. В результате ранение оказывалось неглубоким, но весьма болезненным и неприятным. Поскольку такой “крючок” было почти невозможно извлечь без посторонней помощи, кинжал являлся весьма эффективным способом поимки беглеца на ближних дистанциях.

Эрилин бесшумно развела руками заросли каких-то вьющихся растений и, наконец, смогла поближе взглянуть на их преследователя. Он стоял на небольшой полянке, спиной к ней, но она могла видеть его лицо в профиль. При этом он тщетно пытался избавиться от кинжала, прочно засевшего в бедре. Судя по расположению раны, Эрилин могла сделать вывод, что их преследователь вряд ли бы смог попасть своим броском в кого-нибудь из них, поскольку он даже не удосужился проследить взглядом траекторию полета и слишком быстро рванул прочь. Если он надеялся в кого-нибудь попасть, то должен был научиться не поступать подобным образом.

Пока Эрилин наблюдала за ним, убийца оставил свои попытки извлечь зазубренный клинок. Обнажив небольшой охотничий нож, он начал энергично резать веревку из паучьего шелка. Цепко оглядев его с головы до пят, Эрилин вздрогнула от удивления – ее пленником оказался тот парнишка, которого они повстречали в таверне.

Черные, словно ночь, глаза, характерный крючковатый нос и смуглая кожа выдавали в нем коренного обитателя Калимшана. С момента их последней встречи в “Кинжале Гильдий” он успел переодеться. Теперь он был облачен в плотные шелковые одеяния неопределенного цвета, которые Эрилин приняла за какую-то униформу. Если этот юный преследователь был учеником Школы Убийц, то его умение скрываться и воистину стоическое отношение к боли делали честь его наставникам. Однако над прицелом ему еще явно стоило поработать.

Эрилин бесшумно скользнула вперед. Оказавшись точно за спиной у парня, она хлопнула его по плечу. Вздвогнув, он обернулся и от неожиданности выронил нож. Одним резким ударом сапога Эрилин забросила клинок в близлежащий подлесок. Однако надо отдать ему должное, парень за считанные мгновения сумел взять себя в руки и на его лице застыло весьма решительное мрачное выражение.

– У тебя есть имя? – спокойно, словно в беседе за обеденным столом, произнесла Эрилин.

Ее вопрос застал мальчишку врасплох.

– Хашес, – выпалил он прежде, чем успел подумать, что стоит держать язык за зубами. Словно обидевшись, он окинул ее взглядом, в котором смешивалась юношеская задиристость и свирепая гордость.

Похоже, – мелькнула у Эрилин в голове мысль, – в мои силки попался маленький ястреб.

– Этот клинок нужно вытащить, – произнесла она. Даже в неверном лунном свете она заметила, как Хашес побледнел. По ее губам скользнула сочувственная

улыбка. – Все не так плохо, как тебе может показаться на первый взгляд. Потайной механизм на рукояти освобождает зубцы, и они складываются вдоль клинка. Тебе не придется испытать боль большую, чем та, которую ты уже испытал. – Она замолчала, приподняв одну бровь. – В Школе Убийц тебя учили терпеть боль?

– Конечно, – возмущенно ответил он.

Значит, я была права насчет мальчишки, – подумала Эрилин. – Он учился на наемного убийцу.

Она встала и сделала шаг вперед.

– Тебе придется повернуться, – попросила она. Парень отскочил от нее как ужаленный.

– Ни один человек не поворачивается спиной к своему врагу, – объявил Хашес.

– Ну-ну. – Эрилин сложила руки на груди. – В таком случае тебе лучше быть готовым к дальней прогулке до Школы Убийц. Тебе никогда не сесть на лошадь с кинжалом, торчащим из...

– Хватит! – мальчишка заставил ее замолчать повелительным жестом. На темном лице были заметны следы борьбы между уязвленной гордостью и терзающей его болью. Наконец он повернулся, стараясь не встречаться взглядом с Эрилин.

– Быстрее, – прошипел он сквозь сжатые зубы. – Я не могу здесь торчать всю ночь.

– У тебя запланирована еще пара-тройка убийств на сегодня? – энергично поинтересовался Данила, появляясь на полянке.

– Разве я не сказала тебе ждать? – нахмурилась Эрилин.

– Прошу прощения, – ответил Данила без малейшего намека на раскаяние. – Я бы просто помер там от любопытства. Давай-ка лучше поближе взглянем на нашего несостоявшегося убийцу, идет?

Дворянин извлек из притороченной к поясу сумочки кремень и прошептал магическое слово. Тотчас, в ответ на его действия, в воздухе сверкнула яркая вспышка света, и в центре полянки весело затрещал небольшой походный костерок.

– Должно быть, это неприятно, – произнес Данила, разглядывая рану мальчишки.

Хашес скользнул взглядом по шелковым одеяниям дворянина, по его лицу, с застывшей на нем маской притворной заботы, и лишь презрительно фыркнул и отвернулся, делая вид, что Данила не достоин даже его внимания.

– Так что насчет кинжала? – напомнил Хашес Эрилин.

Полуэльфийка вытащила небольшой инструмент, наподобие отмычки, из маленькой сумочки для инструментов, висевшей на ее поясе. Аккуратно вставив ее в выемку в искусно сделанной рукояти кинжала, она дождалась пока ее слух не уловил едва различимый щелчок, и резко выдернула клинок. Единственной ответной реакцией парня был глубокий вздох облегчения.

Данила сочувственно посмотрел на Хашеса, затем извлек пузырек из своей сумки и передал его парню.

– Не волнуйся, это всего лишь целительное зелье, – поспешил он развеять сомнения Хашеса.

– Мне нет дела до твоей варварской магии, – с презрением выплюнул слова неудавшийся убийца.

– На твоём месте я бы ещё раз подумала, прежде чем делать подобные заявления, – произнесла Эрилин. Бросив на него суровый взгляд, она приказала ему выпить флакон до дна. Ещё раз с подозрением покосившись на Данилу, юный убийца решил все-таки подчиниться. Кровотечение почти тут же прекратилось, и на его лицо вернулся слабый румянец.

Эрилин скрестила руки на груди.

– Ты преследовал меня от самого Имнескара. Зачем?

– Понятия не имею о чём ты говоришь, – ответил он.

Она достала кинжал убийцы из-за голенища сапога и протянула ему, так чтобы он смог его разглядеть.

– Может тогда объяснишь мне, зачем ты прикончил того головореза в таверне.

– Что за вздор! – презрительно фыркнул Хашес. – Это тот самый кинжал, который я только что бросил в тебя.

– Нет, не тот, – покачал головой Данила, извлекая из сумки точно такой же. – Я подобрал твой кинжал, перед тем как прийти сюда. Кстати, ты хоть имеешь представление о том, что едва не попал этой штуковиной в мою лошадь?

Эрилин взяла кинжал у мага и внимательно присмотрелась к нему. На оба клинка был нанесён знак Школы Убийц, но они заметно различались по весу и сбалансированности. Тот, которым был убит детина у таверны, нес на своей рукояти множественные отметины, в то время как рукоять оружия Хашеса была девственно гладкой. Если кинжал без отметин говорил правду, то юному убийце ещё не довелось прикончить свою первую жертву.

Полуэльфийка посмотрела на Данилу.

– Похоже, кроме нашего юного друга, здесь ещё один убийца, – тихо шепнула она.

– Ну, просто чудненько, – всплеснул руками дворянин. – “Я путешествую с самой популярной дамочкой во всем Тетире.

Не обращая внимания на его сарказм, она обернулась к Хашесу.

– Где твой напарник?

– У меня его нет, – произнес он. – Если этой ночью тебе довелось наткнуться на ещё одного убийцу, так что с того? Их всегда полным-полно ошивается вокруг таверн.

– Да, но такие кинжалы встречаются нечасто, – не отступала Эрилин. – Кто-то из Школы Убийц хотел убедиться, что в таверне со мной не случится никакой неприятности. Зачем?

– На этот вопрос я тебе ответить не могу, но должен признать, что я весьма благодарен этому незнакомцу, – резко ответил Хашес. – Если бы ты погибла от рук этого пьяного осла, я бы тогда не смог получить свой желтый кушак.

Эрилин и Данила обменялись озадаченными взглядами.

– Мне кажется у тебя жар, – усмехнулась полуэльфийка, надеясь такой уловкой вызвать парня на откровенность.

Яростно сверкнув глазами, Хашес проглотил наживку.

– Невежественная варварка! Я не знаю, как оцениваются успехи убийц на севере, но здесь, у нас, каждый уровень мастерства отмечается кушаком другого цвета. Чтобы занять более высокое положение в иерархии, необходимо выследить и прикончить убийцу следующего уровня. Его ранг становится твоим. Моей целью, как вы, думаю, уже догадались, была именно ты.

Лишь Данила заметил, какой болью наполнился взгляд Эрилин при этих словах. Полуэльфийка давным-давно завоевала репутацию наемной убийцы, репутацию, которая была сколь опасна, столь и незаслуженна. Эрилин ценой невероятных усилий старалась избавиться от темных сторон своего прошлого, но лишь для того, чтобы вновь и вновь сталкиваться с ним в самых неожиданных местах.

– Ты уж не обижайся, Хашес, – растягивая слова, произнес Данила, – но тебе не приходило в голову, что здесь ты взял чересчур высокую планку, которая тебе не по силам?

– Глупости, – надменно отрезал Хашес. – Школьные наставники не посмеют корить меня за это.

– Не посмеют? – На лице Эрилин застыло задумчивое выражение. – Откуда ты приходишь родом, Хашес?

– Своим домом я называю Зазеспур, если ты это имела в виду.

– Но у тебя глаза, как у прирожденного калишита. Возможно твоя мать родом из Калимпорта?

– Здесь что – званый обед, за которым ведут учтивые беседы? – резко произнес Хашес. – Я ваш пленник. Можешь прикончить меня, если хочешь, но избавь меня от своего женского словоблудия.

– Очаровательный малыш, – буркнул себе под нос Данила. – Как мило с его стороны сделать нам столь щедрое предложение. Ну что, можем последовать его совету?

Эрилин покачала головой.

– Хашес поедет с нами в Зазеспур. – Было легко заметить, какое облегчение мелькнуло во взгляде мальчишки. – Извини Хашес, но тебе придется найти какой-нибудь другой способ заполучить свой кушак.

– Мудрый человек всегда знает, когда битва проиграна, – согласился парень.

Данила бросил настороженный взгляд на их пленника, отметив про себя легкое подрагивание губ и умело скрываемую фальшь в тоне. Его взгляд переместился обратно к Эрилин. Ее прекрасное лицо было непроницаемо, но она явно что-то задумала. Поскольку Данила не имел ни малейшего понятия, каков ее план, ему не оставалось иного выбора, кроме как подыгрывать ей в этом спектакле, чему, однако, он был совсем не рад.

– Изумительно, – пробормотал он едва слышно, так чтоб его слова коснулись лишь чуткого эльфийского слуха Эрилин. – Мы пригрили на своей груди маленькую, очаровательную гадюку.

– Если вы собрались податься в Зазеспур, – сказал Хашес, – будет разумнее дальше двигаться на лошадях. Скоро на смену Лесу Тетира придут Горы Звездных Вершин. Дорога ведет к проходу между этими горами, безжизненной пустоши. Под горячим полуденным солнцем ваша северная кожа сойдет, словно у змеи во время линьки.

На его лице явно читалось плохо скрываемое удовлетворение.

– Очаровательный малыш, – только и повторил Данила.

– И все же кое в чем он прав, – произнесла Эрилин. – Солнце должно взойти в зенит примерно через час. Если мы поднажмем, то успеем преодолеть пустошь до этого времени.

На это Данила лишь тяжело вздохнул.

– Можем мы хотя бы задержаться здесь, чтобы позавтракать? Я готовлю. Огонь у нас уже есть.

Эрилин, хоть и с большой неохотой, все же согласилась, и троица уселась вокруг огня. Дворянин начал торопливо копаться в своей сумке, поочередно извлекая из нее на свет небольшой котелок, целую связку соленой рыбы, мешочек с сушеными грибами, еще один мешочек с травами, большую серебряную бутылку с водой, а затем еще одну с сухим вином. Хашес с разинутым ртом наблюдал за чудесным появлением каждого из предметов.

– Это все магия, – пояснил Данила, умело перемешивая ингредиенты. – В сумке гораздо больше места, чем может показаться на первый взгляд.

Юный убийца почти тотчас попытался скрыть свое изумление.

– И что, не будет никакого фарфора? Ни подушки, ни канделябра? Смотрю, тебе хорошо удалось подготовиться к сложностям путешествия, – с сарказмом заметил он.

– Я пытаюсь быть цивилизованным, – спокойно произнес Данила. – Однако, в сложившихся обстоятельствах, это может быть не так просто.

Эрилин отчетливо распознала в словах своего напарника тщательно скрытую угрозу.

– Дан, у тебя осталось еще то кофе? – поспешила она перевести разговор в другое русло.

При упоминании весьма распространенного южного напитка, Хашес тотчас оживился.

– Я был бы счастлив приготовить его. Ни один северянин не сможет сварить настоящего напитка.

– Как это великодушно с твоей стороны, – сухо произнес Данила. Он вновь перетряхнул свою сумку, на сей раз достав из нее замысловатый горшочек и мешочек с молотыми кофейными зернами. После того, как он передал все это Хашесу, тот взял бутылку с водой и занялся делом.

Когда кофе было готов, Хашес наполнил кружку Эрилин и передал ей ее с учтивым поклоном. Затем, помедлив, словно забыв о Даниле, он все-таки сделал вид, что вспомнил о нем и поспешил наполнить и его кружку. Кофе был не так широко распространен в северных землях, но за время их путешествия по южным землям Эрилин успела пристраститься к этому ароматному напитку. Изготовленный Хашесом кофе был густым, черным и сладким, совершенно походившим на тот, который она пробовала на многих Амнийских рынках. Она сделала глубокий вдох и ее чуткое эльфийское осязание уловило нехарактерный запах, примешивавшийся к ароматному пару. Поймав взглядом Данилу, она едва заметно качнула головой, предупреждая об опасности. Маг вскинул брови и на его лице застыло выражение вроде “А я что тебе говорил?”

– Ты не обидишься, если я не стану пить это первой? – поинтересовалась она у Хашеса.

– Ну что ты! Только самые осмотрительные и осторожные доживают до старости, – снисходительно ответил подросток и протянул руку к ее кружке. – Давай, я сделаю первый глоток.

Полуэльфийка была готова к такому ответу, и едва заметная искорка, промелькнувшая во взгляде Хашеса, лишь подтвердила ее подозрения. Без сомнения, он обладал иммунитетом в той отраве, которую он подмешал в кофе. Это был один из многих трюков, которыми должен был обладать любой умелый наемный убийца.

– Я не смею оскорблять твои чувства подобной просьбой, – с непроницаемым лицом произнесла Эрилин. – Честно говоря, я подумала о том, чтобы напоить этим кофе твоего скакуна.

Самодовольное выражение на лице Хашеса медленно сменилось разочарованием от поражения, и он со всей силы опустил кулаки на землю.

– Ну почему? – выкрикнул он. – Зачем боги послали тебя мне? Чем я заслужил такую пытку?

Полуэльфийка терпеливо выждала, пока мальчишка выплеснет гнев наружу и успокоится.

– Почему твои учителя хотят твоей смерти, Хашес?

– Если конечно не брать во внимание самую очевидную причину, – добавил Данила.

Хашес бросил яростный взгляд на своих спутников.

– Вы что, совсем оглохли? Мои учителя решили, что умереть должна ты, женщина-эльф, не я. Тогда я смогу получить кушак и перейти на новый уровень мастерства!

– Давай-ка на мгновение вернемся к реальности, ладно? – вмешался Данила. – Наш дом расположен в нескольких днях пути на север. Тебе не приходило в голову, что убийца, репутация которого добралась так далеко, может оказаться не по зубам такому несмышленишу как ты? К тому же посмотри – наша леди не носит кушака. – Глаза мага скользнули по неброскому дорожному костюму Эрилин: штанам, рубашке и длинному, темному плащу. – Да и любого другого украшения, если уж на то пошло, – с сожалением добавил он.

Прежде чем мальчишка успел ответить, в разговор вмешалась Эрилин.

– По твоему, сколько мне лет?

Хашес заморгал, явно озадаченный этим вопросом. Он неторопливо обвел взглядом ее изящные черты, черные вьющиеся локоны волос и изящную, точеную фигуру.

– Двадцать три, – предположил он.

Эрилин лишь покачала головой.

– Нет, сорок три.

– Это невозможно, – в удивлении вскинул брови Хашес. – Ты слишком молода и прекрасна, чтобы это могло быть правдой.

Она откинула назад густые локоны, демонстрируя свои заостренные ушки, отливавшие на кончиках голубоватым оттенком.

– Ты не забыл, что я полуэльф? Возможно, я проживу дольше, чем твои внуки. Я не сомневаюсь, что в то время, когда я начала обучаться искусству обращения с мечом, твоя мать еще была босоногим ребенком. Сколько ей было лет, когда она попала в гарем к твоему отцу?

– Четырнадцать, – рассеяно ответил он.

– Все те годы, что ты прожил на свете, я была наемницей. Я сражалась на стороне Альянса в войне против варваров Туйгана, завоевала почетное место в рядах Арфистов. Неужели, зная сейчас все это, ты до сих пор считаешь, что твои наставники выбрали тебе соперника по силам?

По лицу Эрилин скользнула легкая улыбка.

– Хотя через несколько лет все может измениться. Ты очень талантлив, Хашес, и возможно когда-нибудь мы встретимся с тобой на равных. Но этот день еще не пришел. – Она замолчала, и на ее лице промелькнуло озабоченное выражение. – Никто не смеет пользоваться мной или моим мечом против моей воли. Я не собираюсь становиться причиной твоей смерти по желанию твоих наставников.

– Ты лжешь, – произнес Хашес, хотя на его лицо явно читалось, что он не столь уверен в своих словах.

– Кто-то желает твоей смерти, – медленно повторила Эрилин. – Доказать это очень просто. Поскольку я не стала убивать тебя, они найдут на замену мне кого-нибудь еще.

Хашес некоторое время молча изучал ее лицо.

– Я подумаю над твоими словами.

Внимание троицы переместилось на изумительно пахнущий ужин, приготовленный Данилой. На предложенную ему ложку Хашес лишь презрительно поморщился, предпочтя вместо этого пользоваться ломтями плоского и твердого хлеба, чтобы брать кусочки рыбы и грибов. Парень ел с жадностью, словно был голоден, но делал все это с потрясающим достоинством и манерностью, которые показались Даниле странно знакомыми. Он решил поделиться своими наблюдениями с Эрилин, как только им удастся переговорить с глазу на глаз.

После ужина, по настоянию Данилы, Эрилин обвязала Хашеса за лодыжку и приторочила второй конец веревки к своему седлу. Парень невозмутимо воспринял подобное унижение. Заговорить с Эрилин он решился лишь после того, как они покинули лес.

– Мне доводилось слышать об Арфистах, – словно невзначай обронил Хашес, хотя по его тону можно было понять, что ничего хорошего о них он не слышал. Развернув лошадь, он отъехал от своих спутников ровно настолько, насколько ему это позволяла сделать туго натянутая веревка.

Данила направил своего скакуна так, чтобы оказаться бок о бок с Эрилин.

– Еще немного и Его Высочество лишится своего длинного языка.

Эрилин ухмыльнулась.

– Расслабься, Дан. Он ведь всего лишь мальчишка.

– Неужели? – язвительно спросил Данила. – Он совсем не тянет на обычного убийцу-школяра.

– Да? И почему же?

– Знать в Тетире редко пользуется вилками или ложками. Они считают, что это занятие для простолюдинов. Полагаю, это одно из многих замечаний паши о северном варварстве. К тому же – приглядишься повнимательнее к его лошади, – кивнул Данила. – Я знаю в этом толк и могу тебя заверить, что подобного скакуна может позволить себе лишь весьма состоятельный человек. А заметила ли ты кольцо на его пальце?

– Я уже стала думать, скажешь ли ты мне про него, – пробормотала себе под нос Эрилин. – Значит у Хашеса есть деньги.

– И еще кое-что. Более чем очевидно, что он обладает благородным происхождением и богат, но он презирает это в других. Его явственно корбит все то, что он видит во мне...

– А у него для этого должны быть какие-то причины?

Данила протянул руку и взял Эрилин за подбородок, повернув к себе лицом.

– По-моему ты перегибаешь палку, – сухо произнес он.

– Принимайся за Хашеса, Дан, – произнесла она, отводя лошадь в сторону. – Он наш контакт при дворе Паши Балика.

Данила прищурился, вглядываясь в солнечный диск, взбиравшийся на пики Гор Звездных Вершин. Он уже пялился на них сверху, словно красный разгневанный глаз.

– Дорогая моя, похоже от жары у тебя слегка помутился рассудок.

– Почему? Ты сам пришел к выводу, что Хашес имеет благородное происхождение. Он называет своим домом Зазеспур, но выглядит как калишит. Дворец Паши Балика находится в Зазеспуре. Паша является уроженцем Тетира, но всем известно, что он предпочитает держать в своем гареме женщин с юга. Хашес признал, что был рожден в гареме. Тебе его пренебрежительное отношение к северянам ничего не напоминает?

– Ну, хорошо, возможно он и является сыном паши, – согласился Данила. – Возможно. Мы ни в чем не можем быть уверены.

– Мы можем спросить у него.

– Мне нравится эта идея, – размышляя вслух произнес Данила. – Просто, откровенно. Паренек весьма разговорчив, так что это может сработать.

Он сложил руки лодочкой и крикнул:

– Скажи-ка мне, Хашес, как Паша Балик относится к тому, что у него в семье растет наемный убийца?

– Скорее твой отец откажется от тебя, чем мой от меня, – лаконично ответил мальчишка. – Лучше убийца, чем дурак.

Эрилин усмехнулась.

– “Надеюсь этого достаточно, чтобы получить ответ на твой вопрос?”

– Вполне, – невозмутимо ответил Данила. – Хорошо, твоя взяла. Но с чего ты решила, что Хашес согласится работать на нас?

– Согласится, если мы сможем убедить его в том, что его жизни угрожает опасность.

На лице Данилы появилось весьма плотоядное выражение.

– Я знаю несколько способов, как добиться этого.

– Можешь себя не утруждать. Второй убийца вскоре нанесет удар. По-крайней мере должен, если они хотят свалить смерть Хашеса на варвара с севера.

– А-а. – Данила сделал глубокий вдох. – Думаю, я понял, что к чему. Наставники Хашеса послали его за тобой в надежде, что ты прикончишь его. Это весьма удобно, чтобы избавиться от него и в то же время отвести от себя подозрение. А, зная, как паша относится к ‘северным варварам’, они вполне могут рассчитывать на то, что это станет последней каплей для старины Балика.

– Таковы мои предположения, – согласилась Эрилин. – Смерть его сына может вынудить Балика ограничить торговлю с севером, что в свою очередь настроит против него народ Тетира. Почва для следующего хода союза гильдий будет готова.

– Хитро придумано, – пробормотал Данила. – А другой убийца – тот, который следует за нами от самого Имнескара – должен стать гарантом того, что ваши с Хашесом пути пересекутся.

– Если Хашеса не убью я, то это сделает он. Однако можешь не сомневаться, кого обвинят в этом.

Данила некоторое время ехал молча.

– Ну и каков наш следующий шаг?

– Мы должны сохранить Хашесу жизнь, – зловещим тоном произнесла Эрилин.

Постепенно, по мере того, как троица углублялась все дальше и дальше в проход между горами, жара усиливалась, а ландшафт становился бесплодным и мрачным. Песок и камни накалились до такой степени, что воздух дрожал, отчего тусклый пейзаж казался словно размытым. Единственным признаком жизни были целые стайки ящериц, гревшихся на каменных склонах. Они были повсюду, и Данила лишь удивлялся как кто-то или что-то может наслаждаться такой ужасной жарой.

– Глянь-ка вон на ту кучу камней, – едва слышно произнесла полуэльфийка. Впереди тропа сужалась, оставляя ровный каменный откос слева. Справа путь преграждала груда огромных, сколотых булыжников.

– Думаешь, он там? – поинтересовался Данила.

– Вряд ли бы он смог найти место лучше, – кивнула Эрилин. – Как только я начну действовать, не спускай глаз с Хашеса.

Они продолжали ехать до тех пор, пока почти не поравнялись с камнями. Внезапно Эрилин соскочила с лошади, резко дернув за веревку, удерживающую ее пленника. Пойманный врасплох, Хашес грузно шлепнулся на каменистую почву.

Спустя мгновение, Эрилин, обнажив лунный клинок, уже неслась к намеченной цели, которую Данила еще только должен был увидеть. Из-за камней, сжимая в руках пару скимитаров, выскочил высокий, бородатый мужчина. Про себя Данила отметил, что темное, плотно облегающее одеяние нападавшего было идентично тому, которое носил Хашес.

Сын паши тотчас вскочил на ноги. Он наблюдал за разворачивавшейся перед ним схваткой и его сердце трепетало от восторга. Наконец эта проклятая женщина умрет от руки его собрата-убийцы! Глаза Хашеса прищурились при этой мысли, и он нагнулся, чтобы поднять обломок камня. Возможно, это был тот самый шанс, чтобы исполнить свой священный долг...

– Я бы не стал делать этого, – раздался голос, в котором явственно звучали стальные нотки. В основание шеи Хашеса уперся остро отточенный клинок. – “А теперь медленно повернись.

Хашес сделал, как ему было велено, мысленно проклиная себя за то, что его обставил какой-то чванливый варвар. Он совсем забыл про Данилу – настолько он привык не замечать этого глупца.

– Посмотри на камень позади себя, – приказал северянин, опуская клинок, так чтобы тот оказался на уровне сердца мальчишки. – Там есть кое-что, что поможет тебе пересмотреть взгляд на некоторые вещи.

Все еще не понимая, Хашес обернулся – и вздрогнул от того зрелища, которое предстало перед его глазами. Все гревшиеся на камне ящерицы, кроме одной, разбежались. Единственное оставшееся существо извивалось, пригвожденное к камню знакомым, тонким кинжалом. Пока Хашес смотрел, существо сделало последнее конвульсивное движение и затихло. Всего несколько мгновений назад Хашес находился между мертвой рептилией и местом, где скрывался его “собрат-убийца”.

– Похоже, Эрилин спасла кое-кому жизнь, ты так не считаешь? – растягивая слова, произнес Данила.

– Женщина-эльф говорила правду, – опустившимся голосом произнес Хашес. Он обернулся и твердо взглянул в глаза Даниле.

– Верни мне мой кинжал, – приказал он. – Она спасла мне жизнь. Теперь я должен помочь ей.

Данила усмехнулся и опустил свой меч.

– Нет, если тебе дорога твоя шкура. – Он кивнул головой в сторону камней. – Присядь пока. Это не займет много времени.

– Но...

– Если у нее будут трудности, мы ей поможем. Пойдет?

Зачарованный схваткой, Хашес лишь кивнул в ответ. Он взобрался на камень, не замечая рядом с собой ни мертвую ящерицу, ни потешное выражение на лице северянина, с брезгливостью отбросившего ее тельце.

Хашес никогда не доводилось видеть, чтобы кто-нибудь сражался так же как Эрилин Лунный Клинок. Она держала свой клинок двумя руками, и все же ее удары были столь же быстрыми, как выпады пустынной змеи. Она с легкостью отражала оба скимитара калишита. Спустя всего несколько мгновений убийца упал на спину, сжимая свое перерезанное горло.

Полуэльфийка склонилась и отерла меч о песок. Словно во сне Хашес соскользнул с камня и поплыл вперед, не сводя взгляда с ужасной посмертной маски, застывшей на лице покойника.

Данила подошел к Эрилин.

– Если я хоть на миг сомневался в твоём определении Хашеса, то одного взгляда на его лицо достаточно чтобы рассеять мои сомнения. Готов поставить всю свою коллекцию драгоценных камней, что ему еще никогда не доводилось так близко сталкиваться со смертью – по крайней мере, до этого времени.

– Он жил вдалеке от большого мира, – ответила Эрилин. – Мало кто умирает в гареме.

– А те, кто умирают – умирают счастливыми, – пробормотал себе под нос молодой маг.

Не обращая внимания на беседу Арфистов, Хашес опустился на колени перед мертвым телом. Протянув руки к верхней одежде, он немного помедлил, затем распахнул ее. Нижняя туника была подпоясана кушаком бледно-серебристого оттенка. Хашес перевел взгляд на Эрилин.

– Этот человек носил кушак теней, – прошептал он, – а ты расправились с ним с такой легкостью.

Полуэльфийка отвела непослушные локоны со лба и пожала плечами.

– Он лучше умел скрываться, чем сражаться в честном бою.

– Пусть так, но серый кушак говорит о том, что его обладатель был убийцей высшего ранга и мастерства, – едва слышно произнес мальчишка, не сводя взгляда с трупа.

– Да уж, – пробормотал себе под нос Данила, внезапно осознав, что сейчас последует.

Одним уверенным движением Хашес снял кушак с тела покойника. Поднявшись, он передал его Эрилин.

– Теперь этот кушак и ранг – твои.

Эрилин посмотрела на предложенный ей кушак и неловко кашлянула.

– И что я должна теперь с ним делать?

– Носи его с честью, – уверенно ответил Хашес. – Кушак принесет тебе заслуженное уважение в этих землях, как и множество предложений от богатых и влиятельных людей. Кушак теней также автоматически дает тебе членство в Гильдии Убийц, и даже место в правящем совете Школы Убийц, если ты того пожелаешь.

Было заметно, как при этих словах поникли плечи Эрилин. Большую часть своей жизни полуэльфийка боролась за то, чтобы ее знали не как убийцу. По стечению обстоятельств она вновь именно в роли убийцы могла завоевать всеобщее уважение и славу.

– Две гильдии, – тихо произнес Данила. – С помощью Гильдии Убийц и Гильдии Винных Торговцев мы наверняка сможем раздобыть необходимую нам информацию.

Эрилин с грустью посмотрела в сочувственное лицо Данилы и слегка кивнула в знак согласия. Осторожно приняв кушак из вытянутых рук Хашеса, она быстро обернула его вокруг пояса.

– Я не был готов прислушаться к вашим словам, – произнес Хашес. – Не могли бы вы теперь рассказать, что привело Арфистов в наши земли?

– Мы бы хотели, чтобы Паша Балик остался у власти, – начал Данила.

Юноша улыбнулся.

– Вы уже смогли заинтересовать меня. Я желаю этого не меньше вашего.

Хашес невозмутимо выслушал речь Данилы, но когда разговор зашел о заговоре гильдий против паши, его лицо исказилось от ярости. Он еще долго хранил тишину после того, как маг окончил свою речь.

– В чем дело, Хашес? – подтолкнула его к разговору Эрилин.

Мальчишка неловко поерзал.

– Очевидно, чтобы остаться в живых я должен покинуть Школу Убийц, но это будет расценено как провал. Гильдии не замедлят распустить ложные слухи о моей трусости, что бросит на меня и моего отца тень позора. Здесь дело не только в уязвленной гордости, – тихо добавил Хашес. – Я хочу помочь своему отцу, но станет ли он прислушиваться к словам человека, запятнавшего свою честь?

– Возможно, у тебя есть способ покинуть Школу Убийц, не обесчестив себя, – задумчиво произнес Данила.

– Не вижу, каким образом я смогу это сделать, – мрачно отозвался Хашес.

– Что ты думаешь о сделке, Хашес? – ухмыльнулся маг.

– Это занятие для торговцев и слуг, но с общими принципами я знаком. Один из торгующихся назначает заоблачно высокую цену, в то время как второй наоборот называет совсем низкую. Постепенно оба останавливаются где-то посередине.

– Вот именно, – кивнул Данила. – Вот что потребуется от тебя: ты и твой слуга доставите тело этого человека в здание Гильдии Убийц. Если я верно разбираюсь в правилах, его смерть дает право не только на новый ранг, но и на членство в гильдии и место в Школе Убийц. Потребуй все сразу. Это будет твоей самой высокой ставкой.

– Но я его не убивал, – запротестовал Хашес.

– Это же сделка, не забыл? О какой чести может идти речь при заключении сделки?

В глазах паренька мелькнул задорный огонек.

– Продолжай.

– Хозяева гильдии сделают против тебя низшую ставку, возможно, предложат тебе получить некий выкуп за тело этого человека. Ты лишь высмеешь их, и будешь поигрывать вот этим украшением, – предложил Данила, бросая алчный взгляд на кольцо парня. – Затем, выдержав небольшую паузу, ты скажешь, что хотел бы покинуть Школу Убийц.

– Хозяева гильдии не пойдут на это, – запротестовал Хашес. – Человека моих лет вряд ли согласятся сделать одним из лучших убийц, а если они и вправду плетут заговор против моего отца, они не позволят мне получить членство в гильдии.

– Точно, – терпеливо согласился Данила. – Членство в гильдии это основной вопрос, и в целом все их внимание будет сосредоточено на нем. Когда они освободят тебя от членства в Школе Убийц, то будут думать о тебе не как о провалившемся ученике, но как о потенциальном члене гильдии.

– Продолжай, – с коварной ухмылкой поторопил Хашес.

– Они освободят тебя из школы и сделают ответное предложение. Поскольку они не могут посвятить тебя в дела гильдии, то все что они могут предложить – это кушак теней. Ты сделаешь вид, что раздумываешь над этим, затем, словно невзначай, обронишь, что убийца такого высокого ранга обязан получить членство в гильдии, чтобы можно было следить за ее деятельностью и взимать положенную часть с ее гонорара. Особенно акцентируй внимание на ‘ее’.

– Ага. – На лице Хашеса медленно расплывалась восхищенная улыбка. – Это собьет их с толку.

Данила радостно осклабился.

– Точно. Ты внезапно сменишь тему беседы, получив благодаря столь неожиданному ходу преимущество. Представь свою ‘слугу’ – это будешь ты, Эрилин – как женщину, которая победила обладателя кушака теней. Повтори свои требования на членство в гильдии и ранг для нее – и все время говори за Эрилин. Высока вероятность того, что они будут так рады избавиться от тебя, что с радостью примут в свои объятия Эрилин. Образно выражаясь, моя дорогая, – поспешно заверил полуэльфийку Данила.

– Но что с моим назначением? Я вряд ли могу говорить от лица женщины, которую я был послан убить, – заметил Хашес.

Данила вскинул одну бровь.

– “Если хозяева гильдии затронут в разговоре эту тему, напомни им, что ты был освобожден из школы. Сделка есть сделка, как говорят в округе. Ты обставил их, и они, скорее всего, вынуждены будут признать это.

Хашес откинул голову и весело и непринужденно рассмеялся.

– Ты мыслишь как истинный южанин: утонченно и коварно. Похоже, что я недооценил тебя.

– Лорд Танн ведь тоже Арфист? – Мальчишка нахмурил лоб, обдумывая эту мысль. – Неужели дворянин может присоединиться к подобной организации?

– Даже сын паши, – улыбнулась Эрилин. – Со временем.

Хашес задумчиво кивнул.

– Я был бы не против”.

Данила скрестил руки на груди и широко улыбнулся.

– Тогда, наверное, пришло время заключить нашу сделку. Расскажи своему отцу все, что произошло. Расскажи, что я и Эрилин ищем доказательства заговора. Убеди его выслушать нас и сделать свои собственные выводы.

– Это твоя самая высокая цена? – усмехнулся Хашес.

– Ты не дал мне договорить, – произнес маг. – Я хотел также попросить у тебя твое кольцо.

Темные глаза мальчишки яростно вспыхнули.

– Это нелепо! Это кольцо знак принадлежности к королевскому роду. Вот мое предложение: как ты и просишь, я обещаю донести твои слова до своего отца. Ты не сможешь получить кольцо, но я буду вашими глазами и ушами в Тетире. Начиная с этого дня, я буду передавать Арфистам любую информацию, которая будет проникать в стены двора паши.

– Накинь еще пару верблюдов и по рукам, – предложил Данила.

– Согласен.

Юноша заключил сделку с таким торжественным выражением лица, что ни один из Арфистов не смог найти в себе сил, чтобы пояснить, что Данила пошутил.

– Прими мои поздравления, Данила, – прошептала Эрилин, пытаясь не дать смеху выплеснуться наружу. “Мы исполнили наш долг перед Арфистами и ты, наконец, смог раздобыть двух верблюдов.

НАСМЕШКА ЭЛЬМИНСТЕРА

Полностью издается впервые

Марк Твен не был большим поклонником оперы. Однажды он предположил, что музыка Вагнера «вероятно, была лучше, чем она звучала на самом деле». То же самое можно сказать и о Даниле Танне, который, по крайней мере, в течение первых нескольких лет своей службы у Арфистов, был гораздо лучшим бардом, чем люди о нем думали. Но я не уверена, что все добропорядочные люди Фазруна были гораздо проницательнее в музыкальном отношении, чем я, просто Данила намеренно создавал свой дурацкий, дилетантский образ со своими глупыми трактирными сказками и похабными балладами. «Насмешка Эльминстера» – это баллада, которой Данила «обучил» поющий меч. Этим мечом потом неохотно воспользовался Элайт Кроулнобар в романе «Эльфийская песнь». В романе появилась лишь часть баллады, но не из-за редакционной цензуры, а потому, что я сама решила включить только эту часть в повествование. В этом то все и дело.

Приписывается (читать «вменяется в вину») Даниле Танну

Жил рыцарь возмечтавший
О самом длинном из копий,
Чтоб в битву с ним ходило
И в сердце дам открыло дверь.

Жил маг, что слышал парня,
Исполнив все в момент
И наш герой был счастлив
Узрив свой инструмент.

Припев

Хей там, хо здесь
Урок в сей байке есть.
Будь осторожнее в мечтах,
Они исполняться грозят.

И вот пошел наш рыцарь
С копьем своим на бал,
Но древко путалось в ногах
Когда он танцевал.

А после выиграл наш дружок
Аж рыцарский турнир.
Ведь каждый кто видал копье
Валился ржать над ним.

ПРИПЕВ

Хей там, хо здесь
Урок в сей байке есть.
Будь осторожнее в мечтах,

Он даму встретил, что была
Копьем восхищена.
Но лишь он начал с ней турнир
Как древко – пополам.

Маг слушал жалобы дружка
И руки лишь развел.
Ведь ты просил лишь о длине,
А крепость не учел.

ПРИПЕВ

Хей там, хо здесь
Урок в сей байке есть.
Будь осторожнее в мечтах,
Они исполняться грозят.

Повторяйте припев, если необходимо, или бегите, если это необходимо...

ЧЕМ БОЛЬШЕ ВЕЩИ МЕНЯЮТСЯ

Впервые издавался в антологии «Королевства Злодеяний» под редакцией Джеймса Лоудера, декабрь 1994 г.

Казалось бы, нет ничего общего между Эвермитом, островным королевством, где правит Амларуил, и церковью приспешников Ветви Давидовой в Уэйко, штат Техас, но эти истории начинались одновременно в обоих местах. После погромов в Уэйко я начала задумываться о хрупкости малоизученного, всеобъемлющего мировоззрения. Некоторые погибшие в том пожаре, были люди глубоко верующие, очень похожие на меня. И я увидела, что может случиться с людьми, которых

воспитывали думать о своей философии, как о единственной истине, принимать, без всяких сомнений, все «нормы», что она представляет. Слишком часто лишь одна трещина в этой парадигме может разрушить все здание, как хрустальный замок. Как ни странно, многие люди, которые испытывают перелом такого рода, как правило, обращаются к другой вере, под влияние которой они попадают. И не только религия влияет на этот процесс: некоторые люди освобождаются от излишней опеки родителей только лишь, чтобы присоединиться к какому-нибудь культу, кибуцу, либо к фирме, которая требует работать восемьдесят часов в неделю. Если единственная жизнь, которую вы знаете, существует в строго определенных рамках правил и нравов, найти свой собственный путь нелегко.

Эти мысли непросто привести к художественной обработке, если только вы не рассказываете об эльфах и магических мечах.

Элайт Кроулнобар преуспел в роли лорда эльфов Эвермита, но когда его ожидания от жизни не оправдали себя, его мнение о себе и понимание своего места в мире разбилось вдребезги. Он совершенно отказался от жизни, которую знал, и власти, которой владел. Но чем больше вещи меняются, тем больше они остаются неизменными; он бросился с таким же рвением к следующей роли, которая у него появилась. Дистанция между лордом эльфов и лордом-преступником куда короче, чем может показаться. Прошло много лет, прежде чем Элайт начал понимать опасности, присущие этой новой жизни. Когда он доверил обучение своей дочери Азари, которая была наследницей лунного клинка Кроулнобаров, Эрилин, он дал полуэльфийке такой совет: «научи ее правилам, а затем подскажи ей, чтобы она в них сомневалась».

Каждый раз, когда Элайт Кроулнобар желал найти свою будущую жену, он точно знал, где искать. Он знал также, что она будет делать. Хотя эльф не считал это правильным, он давно прекратил любые попытки укрощения неистовой девушки.

Молодой эльфийский лорд торопился через дворцовый сад вниз по тропинке, что уводила его глубоко в королевский лес Эвермита. Он направлялся к травянистому, очищенному от деревьев и кустарника участку земли, затененному навесом древних деревьев. Столь же уверенная как утренняя заря, Принцесса Амнестрия была там, с мечом в руке и в юбке в складку вокруг колен. Ее голубые глаза сверкали с сосредоточенностью, так как она сражалась против самого лучшего мастера меча в королевстве, и ее бледное лицо сияло подобно влажному жемчугу. Обеими руками она держала свой тренировочный меч – длинный, широкий клинок, который выглядел слишком тяжелым для нее. Ее костяшки пальцев были белыми и руки дрожали от напряженного балансирования негабаритным оружием.

Элайт сжал челюсти. Он шагнул вперед на поляну, намериваясь переброситься несколькими словами с учителем принцессы.

Когда Амнестрия увидела красивого, сереброволосого эльфа, она уронила меч и бросилась в его объятия, как счастливый ребенок. Элайт схватил девушку и закружился с ней, наслаждаясь веселым настроением, которое она всегда вызывала в нем. Они были помолвлены, и в этом, как и во всем остальном, Элайт считал себя самым счастливым эльфом. Он чрезвычайно любил принцессу, и справедливо гордился блестящей парой.

Даже без ее королевского происхождения, Амнестрия была замечательной. Она обладала редким духом и внутренним огнем, практическим умом и необыкновенной понятливостью. Ее красота еще не была в полном расцвете, но менестрели уже начинали сравнивать ее с Ханали Селанил, эльфийской богиней любви. У нее были голубые глаза с золотыми прожилками, и волосы самого редкого среди лунных эльфов цвета: глубокие, ярко синие, которые поэты приравнивали к сапфирам. Ее черты были изящно сформированы, ее фигура была совершенной. Амнестрия была воплощением красоты лунных эльфов.

Все же что-то в ней часто казалось Элайту чересчур... человеческим. Это было наиболее подходящее слово. Несмотря на веселый характер, принцесса проявляла силу воли и исключительную сосредоточенность обычно характерные для этой энергичной, короткоживущей расы. Боевое мастерство было ее страстным увлечением, и она делила свое свободное время между мастером меча и боевым магом, который обучал ее боевому волшебству.

Вспомнив источник его гнева, Элайт опустил Амнестрию на землю и приготовился наказать ее мастера меча. Старый эльф, однако, незаметно выскользнул из поляны и направился вниз по лесной тропинке, сочувствие и ностальгия отражались на его угловатом лице.

Амнестрия заметила его уход и сморщила нос. - Мой учитель уходит от меня, прежде чем я готова прекратить, - сказала она. - Давайте состязаться на равных!

- Принцесса не должна фехтовать с капитаном королевской стражи, - произнес Элайт снисходительным, мягким тоном, который он использовал достаточно часто к девушке.

На ее щеках образовались ямочки, а глаза насмеялись над ним. - Ты просто боишься, что я лучше тебя, и тогда отец поручит твою работу мне!

- Стража существует, чтобы защищать тебя, моя дорогая принцесса, а не держать на службе. Никто из членов королевского дома никогда не служил в их рядах, и ты вряд ли способна что-то изменить, - напомнил он. - Король обращает слишком большое внимание на традиции.

Амнестрия ответила с пренебрежительным фырканьем. - Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю!

- Ты неправильно меня поняла, дамиа, - сказал Элайт убедительно, используя эльфийское выражение нежности, ориентированное на возлюбленных или детей. - Я имел в виду не неуважение к королю.

- Конечно, нет. - Амнестрия тяжело вздохнула, но ее танцующие глаза все еще дразнили его. - Надеяться не это было бы слишком многим.

- Что ты имеешь в виду? - Его тон стал резким.

- Ты милый, Элайт, но иногда я беспокоюсь за тебя. - Она остановилась, задумавшись. - Объяснить это - самое трудное дело, - размышляла она.

- Сделай попытку, - попросил он холодно.

- Ты всегда такой правильный, и ты следуешь правилам, как будто бы они высечены на гипсе. Ты, - Амнестрия осеклась, очевидно потеряв объяснения. Ее тонкие руки молотили воздух, как будто бы она могла создать воздушный поток, достаточно сильный, чтобы вытянуть правильные слова. - Ты... ты - такой эльф.

- Конечно, дамиа, - согласился Элайт, небольшое веселье снова появилось в его голосе. - Кем я еще могу быть?

- И ты никогда не думаешь обо всем этом? - она упорно продолжала с серьезностью.

Ее тонкая рука очертила дугу в направлении близлежащего дворца, удивительного замка из лунного камня, который был самым сердцем Эвермита. - Я никогда не слышала, чтобы ты удивлялся, задавал вопросы, или ставил под сомнение что-либо. Ты только делаешь то, что требуется, и ты делаешь это лучше, чем кто-либо другой. Ты - совершенный эльф, - она повторила. Ее естественное возбуждение утверждало себя, и золотые огни в глазах плясали, как легкомысленные светлячки. - Эльфийский эльф. Само воплощение эльфийского рода, - уточнила она, затем весело захихикала.

С новым изменением настроения, девушка выхватила меч и резко повернулась к своему жениху. - Сражайся со мной! - Эти слова были наполовину просьбой, наполовину требованием.

Элайт формально поклонился. - Но Ваше Высочество, разве я в чем-то провинился? Вспышка юмора в его янтарных глазах оболгала его слова, и Амнестрия снова взорвалась хохотом.

- Я полагаю, мы оба. Она стала в позу прямо как в древних, иллюстрированных книгах: кончиком меча оперлась в землю перед ней, и элегантно протянула руку. - Мой Господин, давайте мириться. Вы мой сереброволосый рыцарь, и я ваша единственная любовь, - сказала она, подражая вежливому языку эльфийских легенд.

Отвечая таким же образом, Элайт низко склонился над ее рукой и прижал ее к своим губам. С внезапным озарением, он осознал, что несмотря на свою веселую игру, Амнестрия говорила чистую правду. Он любил эту женщину-ребенка всем сердцем. Он отвел глаза от ее откровенного пристального взгляда, чтобы не раскрыть чувства, которые она еще не была готова постигнуть. Ради Амнестрии, Элайт спрятал приступ острой боли и радость этого откровения, припрятав их подобно красному дракону, охраняющему свое самое дорогое сокровище.

- Почему ты практикуешь древнюю боевую технику? - спросил он, поворачивая беседу к теме, самой дорогой для ее сердца. - Ты играешь в историческом театре масок для летних зрелищ?

- Нет! Это искусство меча, а не игра, - сказала она ему суровым голосом.

- Тогда зачем?

Ее щеки вспыхнули снова. - Ты знаком с моей двоюродной теткой Таситалией?

- Да, - сказал он решительно. Женщина-эльфийка была вольной мечницей, которая путешествовала на большие расстояния, унижая достоинство своего древнего лунного клинка, продавая свои навыки любому, кто мог предложить золото и приключение. Рассказы наемницы захватили Амнестрию, и Элайт считал, что Таситалия плохо влияет на беспокойную принцессу. Всё же, он уважал эльфийку. Лунные клинки были редкими, и такими могущественными, что мало кто мог владеть ими. Как последний в своем роду, Элайт унаследовал такой клинок от своего деда. Он считал его своей величайшей честью, знаком наследства не менее важным, чем эльфийская принцесса, которую он любил.

- Таситалия сделала меня наследницей своего клинка! - заявила Амнестрия, протягивая ему обе руки. - Теперь каждый из нас будет иметь лунный клинок. Разве это не замечательно!

- Это безусловно замечательно, - сказал он с искренней теплотой, взяв ее за руки и легко сжав их.

- Мы должны иметь очень большое количество детей, так мы сможем выбрать самых сильных из них, как наследников клинков, - сказала она сухим тоном, который заставил щеки Элайта запыхать. Видя это, девушка закатила глаза и опустила руки. Она сделала мрачное лицо и произнесла, - Неприлично говорить о таких вещах, Ваше Высочество, - шаловливо передразнив четкий, певучий голос Элайта.

- Но в любом случае, - продолжила она своим голосом, - Таситалия сказала, чтобы я начала практиковаться с двуручным тяжелым мечом. Магия лунного клинка придает необыкновенной скорости и силы удара, и она говорит, что я должна развивать силу и быстроту реакции, иначе я не смогу контролировать меч.

- Значит, ты тренируешься, готовясь унаследовать лунный клинок?

- Конечно. Разве ты меня не подготовишь?

Улыбаясь, Элайт прикоснулся к плечу к белой форме элитной стражи короля Заора. Знаки отличия там провозглашали его звание, и высококачественно сделанные значки свидетельствовали о его опыте и знаниях в ряде умений и оружия. - Всю свою жизнь я приготовил для тебя.

Прямо через улицу от самых южных доков Глубоководья стояло ветхое здание таверны, оптимистично названной «Распутная Девка». Таверну часто посещали моряки, вольные мечники в поисках приключений, торговцы капитаны, скушающие местные франты, и растерянные путешественники с сотен портов и десятков путей. Местная мудрость утверждала, что «Распутная Девка» складывала хорошую картину об Глубоководье, так как гости города находили здесь хаотичное великолепие и запущенность.

Экзотический дым наполнил воздух ароматным туманом, и деловые соглашения смешивались с непристойным смехом в веселую какофонию. Богатые купцы и дворяне с пристрастием к приключениям толкались локтями с дешевой охраной и оборванными уличными людьми. Обслуживались потребности и вкусы всех: за несколько медных монет, посетители могли наесться и утопить свои невзгоды. Расторопные девушки суетились повсюду с тарелками с рыбными блюдами и кружками пенистого пива. Была доступна и более дорогостоящая выпивка, и на заказ могли приготовить жаркое из фаршированной дичи, но посетители редко засиживались.

Не обращая внимания на суматоху вокруг него, задуманный молодой эльф сидел за длинной деревянной стойкой, держа стакан искрящейся воды Эвереска. Его выбор напитка, такой необычный в грубых тавернах Док Уорда, заставил не одного постоянного посетителя ухмыльнуться и подтолкнуть своего соседа. Ехидные остроты произносились тихо, хотя некоторые опытные бойцы открыто бросали вызов хорошо вооруженному эльфу.

Никогда Элайту не забыть ужас наблюдения за лунным камнем, хранящим магию самоцветом на эфесе его унаследованного меча, блекнувшим к мертвому, молочно бледному слепому глазу. Лунный клинок отверг его, выбирая покой вместо недостойного наследника.

Эта возможность никогда не приходила в голову Элайта. Он не чувствовал ни сомнений, ни страха, когда вынимал меч из ножен, хотя он хорошо знал, что многие потерпели неудачу, пытаясь овладеть лунным клинком. Большинство этих неудачников были ударены насмерть мечами, но если эльф был последним в семейной линии, наследственный клинок просто упал бы в дрему. Чтобы уберечь могущественные артефакты от злого использования, их создатели наделили мечи способностью распознавать характеры и побуждения. Лунный клинок, очевидно, почувствовал кое-что обо мне, отметил Элайт с глубокой горечью, какой-то изъяз, который мне еще придется обнаружить в себе.

- Твоя мать использует серых белок вместо денег!

Скрытое замечание, сказанное громко с сильным эльфийским акцентом, разрушило задумчивость Элайта. Он повернулся на табурете к мужчине, который говорил.

- Вы обращаетесь ко мне? - спросил Элайт вежливо, говоря широко используемым торговым языком, который назывался Общим.

Неприятная ухмылка появилась на бородатом лице мужчины. - Я так и знал! Эльф не глухой, только слишком гордый, чтобы говорить с кем-либо.

С опозданием Элайт понял, что человек пытался сказать. Мужчина высказал изуродованную версию оскорбления, которое эльфийские дети бросали друг другу в порыве гнева. Более развлеченный, чем оскорбленный, Элайт изучал человека с открытым любопытством.

Мужчина был ростом выше шести футов, в хорошей физической форме и очень мускулистый. Он был одет в черные кожаные доспехи, которые тесно обтягивали его широкие плечи. Кудрявые коричневые волосы спадали по плечам и густая растительность покрывала его лицо, которое было искажено усмешкой вызова. Одна мясистая рука лежала на рукоятке кинжала, и обутые в сапоги ноги были широко расставлены. Все же его браваду портила пара покрасневших глаз. Запах дешевого виски катился от него едкими волнами.

Элайт не соблазнился не этот вызов. Даже если пьяный солдат в полной мере обладал своим умом, существовали строгие правила в отношении дуэлей с меньшими по рангу противниками.

- Я не буду драться с вами, - сказал Элайт спокойным голосом. - Этого не будет. Он резко осекся, больше не казалось, что слово «благородный» относится к нему.

Человек презрительно улыбнулся, приняв колебания Элайта за трусость. - Ты будешь драться, если я скажу. Он ударил ногой стул, на котором сидел эльф.

Элайт ожидал такого поступка, поэтому легко вскочил на ноги. Стул перевернулся с грохотом, что эхом раздался по внезапно затихшей таверне, и посетители, сидящие за стойкой, быстро вспомнили неотложные дела в другой стороне кабака. Эльфу не понравилось быть в центре внимания.

Он решил прекратить дело без промедления.

С театральным взмахом, огромный пьяница вытащил кинжал и бросился на Элайта. Эльф ступил влево и схватил толстое запястье мужчины обеими руками. Небольшой поворот поставил человека на колени. Элайт швырнул мускулистую руку на стул, зажав ее в вытянутом положении. Затем он поднял одну обутую в сапог ногу и с силой наступил на локоть. Кость сломалась с громким треском. Человек потерял сознание, не издав ни одного крика.

Молчание царило в трактире лишь мгновение. Затем другой, еще более громадный мужчина, одетый в такие же черные кожаные доспехи, ступил вперед. Он кивнул на лежащего человека. - Это мой брат, - прорычал гигант.

Элайт скрестил руки на груди. - Мои соболезнования, - сказал он сухо. - Поскольку никто из нас не может выбирать себе родственников, я не буду держать на вас зло.

- Мы можем выбирать друзей, однако вы не один из моих. Наемник потянулся через плечо и вынул из ножен на спине меч. Стулья загремели по полу, так как посетители очищали импровизированное поле сражения посередине таверны, с чего можно было предположить, что такие бои были далеко не редкостью. Владелец таверны посмотрел на это, затем снова вернулся к полировке оловянной кружки.

- Бородин, - сказал мужчина твердо. - Запомни это. Это имя человека, который убьет тебя. Он поднял оружие, бросая вызов.

Элайт взялся за меч, но заколебался, когда его пальцы коснулись безжизненного лунного камня. Бородин, заметив это колебание, насмешливо фыркнул.

Что-то оборвалось в сердце эльфа.

Согнувшись, Элайт вытащил меч из-за пояса упавшего мужчины. Оружью были нужны хорошая смазка и обострение, ибо меч был туп и лезвие заметно выщербилось. Элайт мельком осмотрел оружие, затем многозначительно поднял бровь и встретил свирепый взгляд противника.

- Это нужно сделать, - сказал он. Его тон передал полное презрение как к оружию, так и к его сопернику.

Бородин высоко взмахнул мечом для режущего удара. Клинок со свистом опустился вниз, когда он ударил. Вместо доставляющего удовольствие лязга стали со сталью, боец услышал тупой глухой стук, так как его меч отрубил ножку опрокинутого стула. Мгновение спустя он тяжело врезался в стойку. Кружки посыпались с издевательским стуком.

Эльфа там просто не было. Элайт станцевал в сторону с необыкновенными грацией и скоростью. На всякий случай, он хлопнул по заду Бородина плоской стороной клинка. Грубый хохот раздался повсюду в таверне.

Бородин закружился и нанес рубящий удар сплеча. Элайт легко парировал удар, но он был поражен и потрясен силой атаки. Он не мог противостоять размеру или силе мужчины, но у эльфа было преимущество в технике и скорости.

С привычным изяществом, Элайт быстро крутанул клинком в молниеносном движении, отбросив руку с мечом Бородина в сторону. В то же движение, он вытащил кинжал из-за пояса и шагнул ближе. Кончик кинжала уколол горло Бородина, и холодные янтарные глаза эльфа пообещали смерть. Затем, ловким, направленным книзу легким ударом, Элайт перерезал кожаное шнурование куртки

мужчины. Он отскочил назад, засунув кинжал в ножны, и в знак презрения, опустил руку с мечом и поманил Бородину в атаку.

- Десять медных монет на эльфа! - крикнул скрипучим голосом моряк. Другие посетители присоединялись, делая ставки и обсуждая шансы.

Мужчина наступал, его бородатое лицо стало красным, но он был полон решимости. Когда его ярость выдохлась, наемник начал сражаться в более дисциплинированном стиле. Сразу после этого, Элайт отметил, как тот парировал удары, мужчина был хорошо обучен. По стандартам эльфов, однако, Бородин не обладал ни искусностью, ни воображением. Элайт легко предугадывал каждый его удар.

К чести и обычаю, он должен был завершить дело сразу, ибо соперник его явно превосходил. Тем не менее, Элайт продолжал открыто насмехаться с мужчины, несмотря на его высокий уровень мастерства. Эльфом управляли холодный гнев, которого он никогда не знал, и ледяное настроение, что вызвали боль в его собственном сердце. В первый раз, с тех пор как он оставил Эвермит, Элайт смог отложить чувство позора и неудачи. С жестоким юмором и ошеломляющим военным искусством, он играл сражение ради развлечения и восторга грубых посетителей.

С течением минут, сильная рука Бородина с мечом замедлялась, и его дыхание участилось и сделалось затрудненным. Наконец он больше не смог драться. Он упал на колени, и затем его лоб встретился с полом с резонирующим стуком. Несколько его товарищей подошли и потянули его прочь из таверны. Они шатались от своей ноши, уходя в ночь, сопровождаемые градом насмешек.

Гул одобрения и смеха охватил таверну, и Элайт нашел себя в центре толпы, похлопывающей его по спине. Полный, рыжебородый мужчина, также носящий кожаные доспехи, предложил угостить победоносного эльфа выпивкой. - В конце концов, - сказал он, покачивая маленьким кожаным кошельком перед лицом Элайта, - ты выиграл для меня деньги! Меня зовут Рикс, кстати.

Дружественное предложение удивило Элайта, конечно, но он принял его и последовал за мужчиной к дальнему концу стойки. По знаку Рикса, бармен вручил каждому из них высокую, узкую кружку, наполненную жидкостью, столь же золотистой как мед.

- Что это?

- Огненное вино. Солдат подмигнул и отхлебнул своего напитка. - Пей до дна!

Элайт сделал пробный глоток. Вино не имело тонкости или утонченности эльфийского алкоголя, но было почти таким же сильным. Он осушил кружку с печальным удовольствием; вино заполнило его рот сухим, горьким теплом. Его новый товарищ зевнул, затем захохотал.

- Никогда не доверяй человеку, или эльфу, пока не увидишь их в бою и пьянке, - сказал Рикс весело. - И в обоих случаях, ты, несомненно, не будешь доверять!

Он вытянул шею и закричал к группе одетых в черное воинов, стоящих возле двери таверны. - Ксандер! Возьми этого эльфа! Или мы этой ночью многое потеряем.

Один из мужчин отделился от группы и направился к ним. Со смесью недоумения и глубокого интереса, Элайт смотрел как он приближается. Ксандер был мужчиной средних лет, в расцвете сил. Он был строен, высок, с кожей цвета полированного тика (это такое дерево), с волнистыми черными волосами,

заплетенными в одну длинную косу, и насмешливыми черными глазами. Он шел грациозно, и Элайт отметил военную выправку и внешность лидера. Эльф мог распознать лидера в любом облике, поэтому поднялся в бессознательном жесте уважения.

Ксандер изучал эльфа долгое время. - Хорошая находка, Рикс. Скажи Малкольму, чтобы дал тебе плату вдвое больше обычной, по моему приказу. Теперь ступай. Мне нужно поговорить с нашим новобранцем.

Рыжебородый наемник поднял свою кружку и ушел, широко улыбаясь. Ксандер занял освобожденное Риксом место и жестом предложил Элайту сесть рядом с ним.

Эльф озадаченно опустил на стул. - Ты хочешь, чтобы я присоединился к твоему отряду?

- Отряду? Ох, это абсурдно! Белые зубы Ксандера сверкали в улыбке подлинного удовольствия. Он вынул из сумки на поясе блестящую черную трубку и набил ее табаком. Владелец таверны сразу протянул зажженную головешку, его поведение было очень почтительным. Ксандер попытлся минуту, затем небрежно оперся на стойку. - Я лидер группы наемников. Охотников за сокровищами.

Элайт медленно кивнул. По рассказам, люди Глубоководья были подобны драконам, запасаящим бесполезные сокровища, измеряя их успех высотой и блеском куч. Это всегда казалось странным Элайту. Бытовые приобретения были совершенно чуждыми к ценностям, что до сих пор управляли его жизнью. Однако, когда он рассмотрел этот вопрос сейчас, поразительная простота этого способа оказалась ему по душе.

- Знаешь, ты должен убить Бородина, - сказал Ксандер.

Элайт пристально посмотрел на него. Это был последний совет, которого он мог ожидать от этого удивительного человека.

- Хотя твое представление было занятным и искусство фехтования впечатляющим, ты сделал себе врага. А этого совершенно не нужно. Как правило, ты должен уничтожать врагов как только они появляются, а не создавать их и позволять создавать тебе неприятности позже.

- Я не знаком с такими... правилами.

- Их легко усвоить. Просто делай все, что необходимо сделать, чтобы разбогатеть и остаться в живых. Прежде всего, обращай внимание на свои собственные интересы. Ксандер затянулся трубкой, затем пустил кольцо дыма на эльфа. - Ты сделаешь себе хорошо, если присоединишься к Когтю.

- Ты хочешь, чтобы я присоединился к тебе? Я вывел из строя двух твоих людей!

- Что сделано, то сделано. - Лидер наемников некоторое время рассматривал Элайта, глубокомысленно потягивая трубку. - С твоим мастерством, я могу заменить двух мужчин на одного эльфа - и положить себе в карман вторую долю сокровищ.

Элайт сделал паузу, чтобы поразмыслить над непривычной логикой. - Сокровище, - он повторил, больше для того, чтобы оттянуть время, чем выказав интерес.

- Большое сокровище. Слышал когда-либо о Эрланне?

- Конечно. Эрланн был одним из больших центров эльфийской культуры Севера. Эльфы уже давно ушли, и их цивилизацию поглотил древний лес известный как Высокий Лес.

Ксандер достал металлическую трубку из-за пояса и вынул небольшой свиток пергамента. Он развернул его и указал на место возле реки известное как Бегущий Единорог.

- Говорят, что столетия назад, эльфы, хоронили своих умерших, и все их богатство среди корней дубов. Твой хороший друг Бородин, - Ксандер остановился и кивнул головой в сторону двери таверны, - нашел группу древних дубов окруженных кругом камней. Когда он убрал мох с нижнего края камней, он заметил эти знаки. Мы скопировали их на карту, а затем наняли жреца Латандера, чтобы он их перевел.

Ксандер указал на руны, нацарапанные в нижней части пергамента. - Согласно этому, Бородин нашел место захоронения.

Ограбление могил, подумал эльф с оттенком ужаса. Его тревога должно быть показалась на лиц, поскольку Ксандер поднял черную бровь в вопросе.

Мысли Элайта закружились. Ксандер предложил ему так отдалиться от порядков и дисциплины Эвермита, как эльф никогда не мог себе представить. Никаких традиций, никаких правил за исключением выгоды, никаких целей только могущество и богатство. Эльф медленно кивнул, так как новый способ мышления начал укореняться в его уме.

- Бородин еще глупее, чем я считал. Нанятый жрец не намного лучше. Это руны защиты, - сказал Элайт, постукивая по кривым символам. - Камни и дубы являются хранителями. Реальное место захоронения было бы гораздо глубже в лесу.

- Ты можешь найти правильное место? - спросил Ксандер.

- Может быть, что смогу, - сказал эльф осторожно. - Но если я присоединюсь к вам, я должен знать больше о жизни, которую вы ведете.

- Что знать? Просто делай, что тебе говорят и не трать много времени, задаваясь вопросом «почему».

Элайт отпрянул, ибо совет наемника был жутким эхом слов Амнестрии, сказанных при их последней встрече. Жизнь, которую Элайт прожил на Эвермите, чувствовалась далекой как забытый сон, но казалось, что кое-что осталось неизменным. Как Амнестрия правильно отметила, он может делать все, чего от него ждут, и делать это лучше, чем кто-либо другой.

Элайт откинулся на спинку стула и посмотрел на Ксандера спокойным, циничным пристальным взглядом. - Если я должен заменить двух человек, я ожидаю получить две полные доли сокровища.

Одобряющая улыбка появилась на темном лице наемника. Он жестом позвал владельца таверны, который принес две новые кружки огненного вина. Ксандер поднял кружку к эльфу в безмолвном приветствии. Элайт поднял свою собственную кружку и стукнулся ею с новым работодателем, поскольку видел, что так делали солдаты. Они называли это тостом, ритуалом скрепления договора.

Элайт выпил вино одним долгим глотком. Так же как золотистая жидкость обожгла его горло, так и Элайт твердо решил сжечь свое прошлое.

Много лет прошло, и Элайт редко вспоминал об Эвермите или размышлял, как сильно его жизнь изменилась с тех пор, как он покинул остров. Он не мог делать так сейчас, поскольку встретился с двумя женщинами, сидящими возле него и которых он пристально рассматривал. Одна была его дочерью; другая должна была быть.

Элайт изучал Азарию, его наследницу клинка и единственную дочь. Она сидела, опустив глаза. Ее золотые руки были скромно сложенные на коленях. Девушка воспитывалась на Эвермите как подопечная королевского двора, и была для Элайта всем. Это был ее первый визит в Глубоководье, и встреча с отцом с темной репутацией заметно волновала ее. Хотя Азария пыталась скрыть это, она также боялась Эрилин Лунный Клинок, полуэльфийки возле нее.

Эрилин спокойно ждала разговора, все время смотря на Элайта голубыми, с золотыми прожилками глазами Амнестрии. Он знал полуэльфийку годы, и наблюдал за ней со смесью восхищения и тоски. Эрилин была неистовой, упрямой женщиной, которая обладала лунным клинком своей матери. Она унаследовала красоту и дух Амнестрии, и определенную мудрость, которой эльфийская принцесса однажды пыталась поделиться с Элайтом. Именно это побудило его поручить воспитание дочери ей.

Он много вытерпел, чтобы восстановить магию семейного лунного клинка. Наследство Азари, ее успех, были более важными для Элайта, чем его следующий вдох. Все еще изучая эльфийскую девушку и размышляя над всеми качествами, что она олицетворяла, он осознал, что было не так много различий между его старой и новой жизнью. Конечно, он накопил огромное богатство и заслуженную репутацию за предательства и жестокость. Он боялся и завидовал своему успеху, как охотящийся за сокровищами наемник, а также неофициальной власти, которой он обладал в Глубоководье. Все же перемены были больше делом стиля, чем реальностью. Он делал то, что от него требовалось, действовал способами, определенными его избранной ролью. И как Амнестрия отметила тогда на Эвермите, он делал это лучше, чем кто-либо другой.

Элайт больше не задавался вопросом, почему лунный клинок отверг его, много лет тому назад.

Эльф вручил Эрилин туго свернутый свиток. - Это история лунного клинка Кроулнобаров - его обладателей, его магии. Это - то, что Азария должна знать. Научи ее необходимым навыкам, убедись, что она понимает правила.

Элайт остановился, его янтарные глаза наполнились грустью, которая приходит в тени мудрости. - Убедись, что она усвоит правила, - повторил он тихо, - а затем, прежде всего, научи ее задавать вопросы.

ПРЯМОЙ ПОДХОД

Первая публикация в антологии «Королевства Магии», составители Брайан М. Томсен и Дж. Роберт Кинг, декабрь 1995 г

Если вы поклонник антологии «Телки в кольчуге», то сможете также вспомнить рассказ Эстер Фридман под названием «Девка в бронзовом лифчике». Я находилась под впечатлением от этой истории и решила взять мотив, путешествующей во времени женщины-варвара, и развить его. Действие получившегося рассказа разворачивается в коротком промежутке между романами «Дочь дроу» и «Паутина». В то время Лириэль Бэнр слонялась по Подгорью в ожидании корабля, который возьмет ее и Фиодора из Рашемана, спутника-берсерка, и отвезет к следующему этапу их путешествия. Неопубликованный подзаголовок рассказа – «Девичник в Скуллпорте», довольно неплохо подводит итог этим событиям.

Скуллпорт, подземный город скрытый намного ниже улиц и доков более уважаемого Глубоководья, был одним из немногих мест Побережья Меча, где хоть и с опаской, но вели дела с дроу. В другом месте, грозная репутация тёмных эльфов обеспечивала им приём, характерный для орды хищных орков; в Скуллпорте, чёрная как ночь кожа дроу лишь гарантировала, что её обладатель мог зайти в любую таверну и не ждать столика.

Несмотря на опасность и грязь, Скуллпорт влёк Лириэль Бэнр. Всего несколько месяцев назад она была вынуждена покинуть свой дом в Мензоберранзане, легендарном городе дроу. Юная эльфийка только что завершила опасное путешествие по северным землям и провела успешное нападение на крепость торгового клана дроу. Новый этап путешествия должен был вот-вот начаться, но у Лириэль было несколько дней, чтобы расслабиться и насладиться жизнью. По её мнению, Скуллпорт был прекрасным местом для этого. Здесь царил хаос, свойственный её родине, но не было жриц, пристально наблюдающих за каждым шагом горожан. Пребывание Лириэль в подземном порту было недолгим, но достаточным для того, чтобы понять, что в Скуллпорте может произойти всё что угодно.

Тем не менее, дроу не была готова к полуночной гостье и странному способу, которым та прибыла.

Ранее этим вечером Лириэль удалилась в удобную комнату над «Кишками и Повязками», шумной таверной, знаменитой дварфийским элем и непристойной публикой. Это был первый тихий вечер с момента прибытия в Скуллпорт, и первая возможность учиться почти забытым рунам древней варварской расы, известной как Русы. Интерес Лириэль к этой магии был страстным и неудержимым, поэтому через два дня она собиралась отплыть на далёкий Руатим, где жили потомки Русов. Там юная эльфийка наконец-то узнает, сможет ли рунная магия изменить судьбу дроу.

От успеха этого предприятия зависело очень многое, и дабы повысить свои шансы Лириэль стремилась получить все возможные знания о людях и их магии.

После нескольких часов изучения, эльфийка прервалась и по-кошачьи потянулась. До её слуха доносились звуки таверны: бойкая танцевальная музыка, смесь ругательств и возгласов ликования, звон кубков, случайные драки. Приглушённая толстым камнем вся эта какофония становилась приятным ропотом. Лириэль не желала участвовать в торжествах, но она получала удовольствие от знания, что такая возможность легко доступна. Кроме того, шум был приятным фоном для чтения. С довольным вздохом молодая дроу зажгла новую свечу и вернулась к книге. Рассеяно откинув непослушную прядь длинных белых волос, она склонилась над странными рунами.

Тёмные эльфы выживали в любых условиях только благодаря постоянной настороженности. Лириэль, несмотря на сосредоточенность на исследовании, оставалась бдительной к возможным опасностям. Так что, когда яркий гобелен, украшавший дальнюю стену, вздрогнул и стал исчезать, она среагировала с быстротой, свойственной всем дроу. За один удар сердца эльфийка вскочила на ноги, сжимая в одной руке кинжал, а в другой небольшую, но от того не менее опасную пылающую сферу.

Прежде чем она успела сделать вдох, стена растворилась в вихре мерцающего света – магический портал в некое удалённое место. Первой мыслью Лириэль было, что враги нашли её. Второй – в этот раз они подготовились лучше.

Дроу прекрасно разбиралась в колдовстве своей расы и не была новичком в магических телепортациях, но она никогда не видела ничего подобного бушевавшему перед ней беззвучному шторму. Цвета тысяч закатов мерцали в вихрящемся тумане, и точки света кружились в нём словно звёзды. Ясно было одно: кто бы ни пришёл через этот портал, он будет силён. Улыбка предвкушения зажгла огонь в золотых глазах дроу, и каждый мускул маленького тела напрягся в ожидании битвы.

Портал взорвался в навевающей ужас тишине, разметав разноцветный дым по углам комнаты. Магические ворота исчезли, а вместо них остался ничем не примечательный гобелен, перед которым стоял самый необычный воин.

Лириэль моргнула, на миг у неё возникла мысль, что мародёр-варвар сошёл с батальной сцены, изображённой на гобелене. Фигура перед дроу была больше похожа на древние иллюстрации воплощённые в жизнь, чем на существо из плоти и костей. Сталкиваться с подобным Лириэль ещё не приходилось.

Перед дроу стояла человеческая воительница. Женщина была выше, чем эльфийские девушки более чем на фут и, по крайней мере, в два раза шире. Толстые косы огненно-рыжих волос выглядывали из-под украшенного рогом бронзового шлема и терялись где-то в густой красноватой медвежьей шкуре, накинутой на плечи. Не считая плаща и меховых сапог до колена, воительница была практически голой. Оружие было привязано к её телу кожаными ремнями. Несколько обрывков оббитой железом кожи, защищали наиболее уязвимые участки тела. Кожа женщины была бледна, мышцы подтянуты, а такие формы как у неё встречались разве что в фантазиях подростков и художников. Из-за фигуры женщины, её костюма и театрально мрачного выражения лица, Лириэль склонялась к мысли, что

неожиданная посетительница часть чьего-то вечернего развлечения. Очевидно, воительница слегка заплутала на серебристых магических тропах.

– Эффектный выход, – сухо заметила Лириэль, – но представления проходят в главном зале таверны.

Небесного цвета глаза варварки вспыхнули голубым жаром.

– Ты приняла меня за кабацкую девку? – взревела она, потянувшись к эфесу своего меча. Откинув шлем, женщина глубоко вздохнула – что едва не стоило ей последней одежды – и подняла меч в вызове. Остатки светящегося дыма извивались вокруг неё, добавляя эффектности происходящему.

– Узри Вашу Красную, дочь Ханигарда, королеву рейдеров ледяной воды, капитана Хротгарской стражи и наёмный меч клана Красных Медведей, – объявила воительница голосом, от которого задрожали стёкла.

У Лириэль возникло ощущение, что после этих слов противник должен моментально сдаться и пасть ниц, но дроу не впечатлили титулы посетительницы. В отличие от меча.

Свет свечи переливался на рунах, выгравированных на клинке, и отбрасывал зловещие золотистые отблески вдоль двойного лезвия. Длинный кинжал Лириэль, обработанный сонным зельем, казался крайне жалким на фоне оружия варварки. Дроу украдкой наблюдала за тем, как суматошно мечется взгляд женщины по комнате. Эльфийка предположила, что женщина была временно ослеплена ярким светом магического портала. Однако с мечом такого размера точность была не так уж и важна. Мудрым поступком со стороны дроу было бы бросить шаровую молнию и позже заплатить за убытки хозяину таверны. Это было грязным, но верным решением таких вопросов. Лириэль отвела руку назад и пустила шар в полёт.

– Заклинатель рун! – презрительно сплюнула варварка. Её меч мелькнул в воздухе и отбил светящуюся сферу назад к тёмной эльфийке. К удивлению и бесконечному облегчению дроу, огненный шар зашипел, но рассеялся, так и не взорвавшись.

Уголки губ воительницы приподнялись в самодовольной усмешке.

– Грязное волшебство тебе не поможет, – ликующе сказала она. – Знай и трепещи: ты не можешь избежать правосудия Русов, даже если ты сбежишь сквозь само время! Возвращайся на суд, заклинатель рун, или умрёшь сейчас от моей руки.

Мышцы на держащей меч руке варварки подрагивали от нетерпения, не было сомнений в том, какой вариант она предпочитает.

Но Лириэль ни на минуту не задумалась о сдаче и не испытала страха перед смертью. Варварка может быть даже крупнее огра, но у любого волшебника-дроу, достойного этого звания, найдётся множество способов, избавится от нежеланных посетителей. Однако Лириэль не атаковала, поскольку нечто в речи женщины вызвало у неё интерес.

– Русы? Бегство сквозь время? – повторила дроу взволнованно, догадки теснились в её уме. Волшебные порталы могли вести в отдалённые места, сквозь преграды, даже на другие уровни. Но возможно ли, что они могут соединять века? Действительно ли эта женщина – древняя воительница, а не дешёвая куртизанка с плохим чувством моды?

– Кто же ты, во имя Девяти Кругов Ада?

Женщина-воин нахмурила светлые брови. В льдисто-голубых глазах появилась тень неуверенности, она прищурилась, вглядываясь в укрывающие врага тени.

– Разве я не сказала? Ты не расслышала? Я Ваша Красная, дочь...

– Прекрати, – отрезала Лириэль, у которой не было никакого желания слушать родословную гостьи. – Я поняла, что ты сказала. Но откуда ты пришла? И, что более важно, из какого времени?

– Двенадцатый год правления короля Хротгара. Последнего года его правления, и ты это знаешь! В тёмную луну, Хротгар был убит твоей мерзкой магией!

Дроу задумалась над данным заявлением. Она была чрезвычайно занята в последнее время, но при этом эльфийка могла поклясться, что не убивала никого с таким именем. После длительных размышлений, она вспомнила, что приключения короля Хротгара были описаны в книге рунных знаний. Его перехитрил изменник, заклинатель рун с тёмной и необычной силой. Но даже по приблизительным расчётам, это произошло почти...

– Две тысячи лет назад! – сказала Лириэль, рассматривая мечницу с внезапно возникшим уважением. – Ну, скажу, умеешь же ты хранить обиду!

Ваша не была ни польщена, ни удивлена. Яростно зарывчав, она подняла меч над головой, целясь между глаз нечёткой фигуры, и резко опустила клинок. Мощный удар рассёк бы Лириэль аккуратно пополам, если б достиг цели. Но проворная эльфийка нырнула в одну сторону, дважды кувыркнулась и встала на ноги столь быстро, что успела заметить, как опускается меч. Оружие врезалось в арендованную кровать и начисто её разрубило. Одеяла, матрацы, даже тросы и рамка из деревянных балок были сокрушены гневом Ваши. Кровать рухнула, как спелый гриб дождевик, облако перьев взлетело из разорванных подушек прямо в лицо мечнице.

Варварка отскочила, заходясь кашлем и непрестанно чихая. Лириэль воспользовалась этим моментом, используя заклинание удержание, заморозившее Вашу в середине чиха. Сделав это, дроу шагнула к разрушенной кровати, забрала свою книгу рунных знаний из кучи перьев и потрясла ею перед искажённым лицом неподвижной мечницы.

– Из-за этого ты попала сюда, идиотка! Эта книга описывает рунную магию, которую никто не использовал в течение сотен лет. Ты сбилась с пути, разыскивая проклятого волшебника!

Лириэль сделала глубокий вдох, чтобы привести в порядок мысли и успокоиться. Затем она щёлкнула пальцами, и тотчас же тусклый свет свечей в комнате затмило сияние парящих шаров белого магического огня. Во внезапном ярком свете её нежное эльфийское лицо сияло как полированное чёрное дерево. Дроу заправила роскошные белые волосы за заострённые уши, которые свидетельствовали о её расе, и упёрла кулаки в бёдра.

– Скажи мне, – в мурлыканье Лириэль сквозил сарказм, – я действительно похожа на заклинателя рун из клана Красного Медведя?

Ваша не ответила, но жажды крови в её застывших глазах явно поубавилось. Дроу решила, что это хороший знак. Тем не менее, она вырвала меч из рук варварки и швырнула его в дальний угол, прежде чем развеять заклинание удержания. У Лириэль было к Вам предложение, а, судя по опыту, люди торгуются куда более разумно, если они не вооружены.

– Говорю тебе, Лириэль, дочь Сосдриэль, дочери Мелефисент, заклинатель рун находится рядом, – настаивала Ваша. – Подлый Тос, сын Алфгара, рождённый вне брака Хелдой, богиней кабанов, в то время как она была в человеческой форме – или так утверждает Алфгар – находится в этом городе, – произношение варварки было уже не столь чётким, а румяное лицо сияло, разгорячённое теплом каминов и слишком большим количеством варева dwarфов. Однако она говорила с уверенностью, которая загасила огонь масляной лампы на их столе.

Дроу откинулась на спинку стула и махнула рукой, снова подзывая разносчика напитков. Слуга полуорк поспешил к ним с двумя пенными кружками. Ваша откинула голову и одним махом осушила поданный напиток. Она стукнула пустой кружкой по столу и громко рыгнула.

Лириэль вздохнула. Мечница, очевидно, страдала от невыносимой жажды, да и dwarфийский эль была готова пить не переставая. Хотя язык Ваши всё больше заплетался с каждой кружкой, дроу опасалась, что варварка истощит подвалы таверны, прежде чем скажет что-то полезное.

– Поверь мне, магическое путешествие – дело сложное, и в твоём случае что-то пошло не так, – объясняла Лириэль уже в одиннадцатый раз. После двух часов подобных объяснений, Лириэль из последних сил цеплялась за своё терпение. Судьба подарила ей бесценную возможность узнать о Русах из первых уст, но дроу чувствовала себя куда менее благодарной, чем, вероятно, должна была быть. – Слушай, Ваша, я постараюсь помочь тебе вернуться домой, но сначала ты должна рассказать мне больше о магии твоего народа.

Мечница нахмурилась и потянулась за нетронутой кружкой собеседницы.

– Я Ваша, дочь Ханигарда...

Лириэль стукнула кулаками по столу.

– Я знаю, кто ты, ради любви Ллос! Просто перейди к сути!

– Некоторые воины Русов знают рунную магию. Моя семья не из них, – сказала мечница прямо. – Мы презираем магию и тех, кто предпочитает её, а не честное оружие. Даже меч, который я ношу, передали мне после славной смерти Ханигарда, королеве рейдеров ледяной воды...

– Что. О. Мече? – процедила Лириэль сквозь сжатые зубы.

– Он уничтожает магию, как ты видела. Это все руны, которые я знаю, или хочу знать.

Дроу тяжело опустилась на стул. Всё получилось не вполне так, как она ожидала. В обмен на знания о рунной магии, она предложила Ваше прогулку по Скуллпорту. Варварка признала, что гид может оказаться полезным, но она была непреклонна в отношении очерёдности дел: сначала поиски этого Тоса, а потом уж магические секреты.

– Давай обсудим это ещё раз, – устало сказала Лириэль. – Почему ты уверена, что твой заклинатель рун в Скуллпорте? И почему ты обещаешь мне рунные знания, если тебе нечего предложить?

Ваша полезла в сапог – единственная одежда, достаточно большая для хранения чего бы то ни было – и вытащила два предмета. Один был небольшой книгой в кожаном переплёте, другой осколком плоского камня со сложной резной разметкой. Лириэль схватила книгу и посмотрела на её сливочный пергамент с чувством близким к почтению. Это была древняя книга заклинаний, но страницы были такими белыми, а руны столь чёткими и ясными, как если бы они были вписаны вчера.

– Это написано Тосом, – сказала Ваша, – и книга станет твоей, слово Ваши, дочери Ханигарда и так далее. По словам заклинателя рун, который послал меня сюда, Тос бежал в далёкое место, кишашее злобными разбойниками и жестокой магией, где ему подобные могут ходить открыто и привлекать не более внимания, чем помёт медведя в лесу.

– Действительно, это точное описание Скуллпорта, – согласилась Лириэль, пряча драгоценную книгу в сумку. – Но из этого не следует, что Тос именно здесь.

Варварка подняла кусок камня и передала его Лириэль. Осколок был горяч, как тлеющий уголь; дроу выругалась и бросила его на стол. Она посмотрела на Вашу и подула на пульсирующие болью пальцы.

– Чем ближе заклинатель рун, тем теплее камень, – объяснила мечница. – Это фрагмент монеты времени, один из излишков, что побудили короля Хротгара осудить Тоса, к бесконечному сожалению. С этим камнем гнусный заклинатель рун может путешествовать во времени.

– Но как? – требовательно спросила Лириэль, и в её глазах загорелись жадные огоньки. Дроу всегда стремилась узнать о волшебстве что-то новое, а эта монета времени была во сто крат лучше любого заклинания путешествия, которые она знала.

Ваша пожала плечами.

– Секрет в каменной монете и её рунах. Как это делается, я не знаю, и знать не хочу. Зато точно могу сказать: левая половина монеты хранится у Тоса, чтобы он смог возвратиться. Половина второго фрагмента остаётся в зале суда клана Красного Медведя. Последнюю часть ты видишь перед собой. Как только я поймаю Тоса и верну его половину монеты, я смогу вернуться в своё время. Когда монета времени вновь станет целой, порядочные заклинатели рун проследят, чтоб её уничтожили раз и навсегда.

Дроу проглотила это молча. Её пугала мысль, что такое чудесное волшебство может быть потеряно, но Лириэль отложила свою тревогу, сосредоточившись на более актуальных проблемах.

– Тогда что мешает Тосу уйти из Скуллпорта в другое место и время, оставляя после себя осколки монеты?

Челюсть варварки отвисла, когда она подумала о такой возможности.

– Это возможно, – выдавила она, задумчиво глядя на Лириэль. – Может быть, боги не ошиблись, отправив меня к тебе. В конце концов, ни один честный воин не сможет понять изворотливый ум тёмного эльфа. Ты сможешь привести меня к негодяю Тосу.

– Не думай, что я не наслаждаюсь этой лестью, – сказала Лириэль сухо, – но если мы собираемся найти беглого заклинателя рун прежде, чем он уйдёт куда-то или в «когда-то», лучше приступить к работе.

Варварка кивнула, выпила остаток напитка и поднялась на ноги. Её стул опрокинулся и с шумом покатился по полу. Клиент, только что вошедший в таверну, оказался на его пути.

Лириэль видела приближающееся столкновения, но ничего не могла сделать, чтобы его предотвратить. Времени, прежде чем кресло врезалось в облачённого в фиолетовую мантию иллитида, хватило только чтобы съёжиться. Существо суматошно замахало руками, пытаясь сохранить равновесие, а четыре щупальца, свисавшие с нижней части его лица, заметались в воздухе, словно ища за что ухватиться. Но ничего подходящего поблизости не оказалось, и иллидид позорно плюхнулся на пол.

Таверну накрыла тишина и отступила, поскольку все поспешно вернулись к своим делам. Иллитида, также известного как пожиратель разума, уважали (и вообще старались избегать) за его странные псионические способности и пристрастие к поеданию человеческих и эльфийских мозгов. Иллидид неловко поднялся на ноги и скользнул к варварской женщине, которая, не обращая внимания на опасность, шагала к дверям из таверны.

К Ваше подтянулось существо чуть меньше взрослого человека. Взгляд её льдистых глаз остановился на иллитиде, рассматривая сутулое, деформированное тело, лысую голову лавандового оттенка, белые глаза без зрачков и извивающиеся щупальца, которые росли из уродливого лица. Всё это женщина оглядела с лёгким любопытством. Но когда взгляд упал на магические знаки, вышитые на робе существа, её губы скривились от презрения.

– С дороги, презренный заклинатель рун, если ценишь свою жизнь, – повелела Ваша, кладя руку на эфес меча.

Дроу знала иллитидов, как сыр знает крыс, поэтому Лириэль, понимая что должно случиться, с предостерегающим криком вскочила из-за стола. Слишком поздно: пожиратель разума выпустил волну силы, которая отбросила каштановые косы Ваши ей за спину. Мечница стояла беспомощная – её глаза расширились от удивления, а мощные мышцы не подчинялись приказам, – иллидид приблизился, собираясь перекусить. Одно фиолетовое щупальце взвилось вверх и смахнуло в сторону рогатый шлем женщины. В тишине таверны стук удара бронзы о каменный пол показался ударом грома.

Но боевой клич Ваши заглушил этот шум. Силой воли воительница поборола псионические тиски пожирателя разума. Её меч скользнул из ножен, разбивая ментальное нападение, и отсек щупальце. Фиолетовый отросток отлетел, разбрызгивая ихор, и иллидид попятился назад. Его белёсые глаза странно выпучились.

Не удовлетворившись, Ваша набросилась на существо повалила на пол. Она быстро придавила корчившегося пожирателя разума и, сидя верхом на его груди, аккуратно заплела три оставшихся щупальца в косу.

Вся нелепость этого действия заставила остолбеневшую дроу действовать. Лириэль бросилась к варварке и потащила от упавшего иллитида, пока тот не

пришёл в себя. Она толкнула большую женщину к выходу, желая уйти до того, как ошеломлённый пожиратель мыслей пожалуетя тем, кто следит за законом в Скуллпорте.

В дверях Лириэль остановилась и оглянулась на всё ещё молчавшую таверну.

– Она новенькая в городе, – объявила дроу, словно извиняясь, а затем скользнула в темноту.

Покрытая ихором, но торжественно улыбающаяся Ваша последовала за тёмной эльфийкой на улицы Скуллпорта.

Подземный порт располагался в пещере Г-образной формы, которая лежала многими футами ниже уровня моря. Как и следовало ожидать, место было сырым, тёмным и чрезвычайно туманным. Большую часть света обеспечивали фосфоресцирующие грибы и лишайники, росшие на влажных каменных и деревянных стенах зданий, располагавшихся хаотично и в страшной тесноте. Некоторые из этих светящихся грибов могли двигаться, вязкие шарики медленно двигались вдоль проходов, пока их не раздавливали в светящиеся зелёные лужи прохожие. Туман клубился возле фонарей, которые слабо освещали извилистые узкие улочки. В воздухе висел тяжёлый запах морской соли и смрад города. Путешественники и купцы трёх дюжин рас, большинство из которых не приветствовалось на улицах других городов, шлёпали через лужи и ручьи, о содержимом которых лучше было не задумываться.

С каждым шагом меховые ботинки Ваши становились всё грязней, лицо всё мрачней и суровей. Но она уверенно шла вперёд, сжимая в руке каменную монету и ориентируясь благодаря испускаемому ею теплу.

Возможно, Лириэль восхитилась бы целеустремлённым рвением женщины, если б не тот факт, что их обеих скорее всего убьют. Дроу медленно шла вслед за Вашей, внимательно осматривая многолюдные улицы и тёмные закоулки, выискивая опасности, которые словно не замечала. Вообще если б у Лириэль было время присесть и спокойно подумать, она бы пришла к выводу, что человека менее подходящего для жизни в Скуллпорте, чем Ваша Красная, просто невозможно вообразить.

Воительница встречала напасти Скуллпорта лицом к лицу с мечом в руке. И в этом не было ничего хорошего. Многослойные интриги города – хотя и приглушённые политикой "безопасной земли", что делала торговлю между врагами возможной – были осложнены странными магическими явлениями, наследием основателя города – одного чрезвычайно сумасшедшего волшебника. Рунный клинок Ваши, возможно, и был выкован для рассеивания магических атак, но вероятно у него были и ограничения, и Лириэль не жаждала узнать какие именно.

Ваша небрежно пробиралась через толпу торгующихся кобольдов. Её движения разбросали купцов с крысьими хвостами, и позволили предмету их обсуждения – красивой рабыне хафлингу – сбежать в сомнительную безопасность ближайшего борделя. Обманутые кобольды вопили и грозили маленькими кулаками уходящей

варварке. Ваша нехотя пощадила гоблиноподобных существ и исчезла в маленьком тёмном переулке.

Лириэль узнала этот туннель – особенно тёмный и опасный коридор, который вился через твёрдые породы к порту. Она пробормотала проклятие, бросила горсть монет, чтобы успокоить тараторящих кобольдов и бросилась в погоню.

Дроу мчалась по туннелю, надеясь на своё эльфийское зрение, которое позволяло разглядеть дорогу даже в темноте. Не сбавляя скорости, она ринулась за крутой поворот, только чтобы уткнуться лицом в густой мех медвежьего плаща Ваши.

Столкновение, похоже, не доставило варварке ни малейших неудобств. Зато ошеломлённую Лириэль оно опрокинуло на спину. Из такой неподобающей её статусу позиции, молодая дроу смогла рассмотреть магическое явление, которое не только дало Скуллпорту его название, но и заставило Вашу Красную резко остановиться.

В воздухе плавно покачались три черепа – не живых, но и уж точно не мёртвых, – светящихся слабым розовым светом. Лириэль никогда не видела Черепов, но достаточно слышала о них в тавернах, чтобы понимать, что они из себя представляют. Остатки обороны безумного волшебника, Черепа появлялись случайно, чтобы дать прохожим абсурдные задания или наказать тех, кто нарушил и без того шаткий мир в городе. По общему мнению, с теми глупцами, кто не обращал на них внимания, происходили плохие вещи. И судя по всему, Ваша была не в настроении вести себя как-то иначе. Меч был обнажён, мышцы напряжены, варварка оценила нового противника.

Центральный череп из странного трио подлетел к воительнице ближе.

– Незнакомец из другого времени и места, вы не принадлежите этим туннелям, – сообщил он Вам с сухим шёпотом. Челюсти слабо клацали при каждом слове.

– В моей земле, голоса из могил говорят ценные речи! – провозгласила воин. Она подняла меч и пренебрежительно ткнула им парящий череп. – Скажи мне то, чего я не знаю, или исчезни!

– Гм, Ваша... – начала Лириэль, у которой возникло очень нехорошее подозрение, относительно того, что должно произойти. Из кабацких историй она знала, что указывать Черепам не самая лучшая идея. Действительно, костяной призрак засветился ярче, а его зубы застучали с очевидным возбуждением.

– В наказание за высокомерие и нарушение правил безопасной земли, наши поручения будут долгими и каверзными, – постановили Черепа. – Во-первых, вы должны поймать тысячу летучих мышей и ухаживать за ними. Сбирать их выпавшую шерсть и свить из неё мягкие нити, разделить на две равные части и окрасить в чёрный и красный. Сотките из нитей маленький чёрный гобелен, украшенный тремя малиновыми черепами и повесьте его в таверне, где вы убили иллитида.

Ваша засмеялась. Верная своей натуре, она обратила внимание на единственную фразу из всего сказанного.

– Кальмар умер от таких ничтожных ран? Ба!

– Далее, вы должны найти компанию гоблинов, пригласить их в таверну и обслуживать их пищей и питьём, – продолжал Череп.

– Ваша Красная, обсуживающая гоблинов, как кабацкая девка? Я скорее пересплю с орком!

– Я как раз собирался к этому перейти, – в сухом голосе появилось злорадство.

Лириэль вскочила на ноги и потянула за меховую накидку варварки.

– Соглашайся на всё, и давай выбираться отсюда! – быстро прошептала она. – И ради всех Богов, не подкидывай этой штуке идей!

– О, я дам ему о чём подумать, – пообещала мечница мрачно. – Никто, живой или мёртвый, не смеет приказывать Ваше Красной!

Ваша занесла руку меч, между делом снова повалив Лириэль на пол, и приготовилась сражаться с Черепами. Клинок понёсся и раздробил все три парящих головы в пыль и осколки. Обломки костей посыпались на каменный пол со звонким стуком и снопом быстро гаснущих розовых искр. В тот же миг осколки снова поднялись в воздух и сформировали один большой череп. Призрак на мгновение завис в воздухе, сияя интенсивным яростно-багровым светом, а затем исчез.

Лириэль поднялась на ноги, её лицо побледнело от страха и ярости.

– Проклятье, Ваша, ты можешь не сносить всё на своём пути! – завопила дроу.

– Не вижу для этого причин.

– О, ты увидишь, – пробормотала Лириэль, заметив слабое свечения в том месте, где только что парил Череп. Она отпрыгнула на безопасное расстояние, как только мерцание взорвалось, став огромным радужным вихрем.

Из магического туннеля вышел волшебник – длиннобородый мужчина, облачённый в остроконечную шляпу и развевающуюся поношенную мантию. Если верить болтовне в тавернах, то этот человек сильно напоминал некоего мудреца, живущего сейчас в далёкой Долине Теней. Ручаться за это Лириэль не могла, так же как не могла не заметить, что волосы этого волшебника, одежда и кожа имели ярко-изумрудный оттенок.

Ваша Красная, встретила теневого волшебника. Зелёного.

Юмор этого, несомненно, опасного столкновения мелькнул в сознании дроу и был тут же забыт. Она лихорадочно припоминала свой магический арсенал, но по слухам силы теневых волшебников во много раз превосходили возможности большинства смертных, и Лириэль сомневалась, что любое из её заклинаний возымеет хоть какой-то эффект.

Ваша, естественно, решила действовать в лоб. Воин нанесла смертельный удар по шее зелёного волшебника, но меч просвистел через мужчину, не обезглавив его, как предполагалось. Когда варварка потянула клинок обратно, он снова прошёл сквозь, казалось бы, материального волшебника, не срезав даже волоска с зелёной бороды.

Ваша отступила на шаг и бросила вопросительный взгляд на Лириэль. Дроу, однако, была столь же озадачена. Согласно рассказам в кабаках, магическое оружие могло нанести теневому волшебнику реальный ущерб. Но меч Ваши, который до сих пор резал магию, как нож масло, не пролил ни капли зелёной крови. Хуже того, изумрудные пальцы заплясали, производя магические пасы.

Вдруг Лириэль поняла, почему клинок оказался бесполезен. Меч уничтожал волшебство, но сам не был зачарован. Строго говоря, он не был магическим. Но у

дроу было оружие, которое могло помочь – странные устройства, пропитанные уникальной магией Подземья.

Лириэль выхватила предмет в форме паука из мешка на поясе, и метнула его в призрачного заклинателя. Брошенный паук, вращаясь, пролетел между жестикулирующими зелёными руками, и его острые лапки глубоко вонзились в живот волшебника. Мужчина вскрикнул, вырвал оружие и швырнул его в сторону, а затем нырнул обратно в вихрь. Водоворот цветов всосался сам в себя и исчез.

Ваша спрятала меч и посмотрела на Лириэль с одобрением.

– Видишь? Магия не может противостоять честной стали, – она нагнулась, чтобы лучше разглядеть метательного паука. – Даже когда ей придали такую странную форму, – задумчиво добавила варварка.

Дроу решила не тратить время на объяснения. Она забрала своё магическое оружие у женщины и вернула его в сумку.

– Пойдём, – призвала Лириэль, зная, что приказы Черепа невозможно долго игнорировать. – Либо мы найдём заклинателя рун и выведем тебя из города к концу дня, либо тебе придётся всю оставшуюся жизнь ухаживать за летучими мышами.

– Я лучше пересплю с сатиром, – мрачно пробормотала Ваша.

– Ну, конечно. Кто поступил бы иначе? – согласилась дроу и решительно толкнула варварку в туннель.

Мечница, которая всё больше привыкала к чувству юмора тёмной эльфийки, бросила презрительный взгляд через плечо. Но выражение сосредоточенности и серьёзности, появившееся на лице Лириэль, остудило пыл варварки и поубавило её уверенность.

– Это действительно странное место, – заметила она.

Лириэль одобрительно кивнула.

– Слава Тёмной Госпоже. Ты, наконец-то, поняла.

Но понимание Ваши Красной оказалось мимолётным. Воительница продолжала встречать препятствия обнажённым мечом и презрением. К тому времени, когда наступил час ужина, они были не ближе к обнаружению неуловимого Тоса, чем в начале своих поисков. Зато Ваша разрубила разумное желе на дрожащие шарики, вызвала на смертный бой грубого эттина, хирургическим путём охладила пыл нескольких пиратов к гулянкам на берегу, и отрезала крылья у небольшой, но агрессивной виверны, после чего посоветовала ошеломлённому волшебнику, хозяину существа, чтобы он содрал с любимца шкуру и сделал из неё достойную пару сапог. Короче говоря, только невероятный коктейль из удачи и грубой силы позволил ей и Лириэль пережить этот день.

Окончательно потеряв терпение, дроу потащила спутницу в «Горящего Тролля». Таверна была дорогой, но еда была хороша, слуги-хафлинги расторопны, и посетители могли рассчитывать на развлекательную ссору. Как только они сели, Лириэль заказала жареную птицу, хлеб, вино и миску холодной воды. Она вырвала каменную монету из рук Ваши и бросила её в миску. Горячий камень погрузился в

воду с протестующим шипением, а затем утих. Лириэль было жаль, что с людьми нельзя поступать также.

– Забудь о монете на время, – настаивала дроу. – Ты не можешь продолжать бегать по Скуллпорту, следуя указаниям куска камня и убивать всех, кто тебе не нравится.

– Почему нет? Последние несколько часов я вела себя именно так.

– И мы так многого этим добились, – заметила Лириэль с кислым сарказмом.

Варварке нечего было возразить.

– Ну и? – сказала она сердито.

– Я знаю волшебников, – убеждённо сказала дроу. – А этот Тос, кажется, особенно скользкий тип. Его поимку мы должны спланировать, тонко и вероломно. Я знаю некоторых людей, которые по разумной цене...

Её голос замер, поскольку стало ясно, что мечница уже её не слушает. Опасно сузив глаза, Ваша внимательно смотрела на чашу, в которой охлаждалась монета. Вода кипела. Пар клубами поднимался от чаши, а каменный осколок подскакивал в бурлящей воде.

– Мы *должны*? – взревела варварка, указывая рукой на вход в таверну. – Мне нужен только меч. Вот Тос, сын Алфгара!

Лириэль обернулась. Невольная улыбка тронула её губы, потому что стоящий в дверях был во многом подобен Ваше: высокий, мускулистый, с пламенными волосами, и одет не скромнее, чем воительница. Дроу с одобрением отметила, что он прекрасно смотрится. Хотя ей и было любопытно, где он прячет компоненты для заклинаний.

Заклинателя рун вовсе не испугало зрелище разъярённой Ваши. Он двинулся прямо к их столику. С наглой непринуждённостью он вызвал третий стул и сел.

– Благодаря какой презренной магии ты меня нашёл? – потребовала воин. Её лицо и голос были столь же свирепыми, как обычно, но Лириэль подозревала, что Ваша смущена и расстроена тем, что её застали врасплох. Дроу это тоже не радовало. Она провела весь день с Вашей, слишком озабоченная спасением своей жизни, чтобы понять, что заклинатель рун направляет их в этой весёлой погоне. Очевидно, он был хитёр и изворотлив, а эти качества тёмные эльфы ценили.

– Приветствую, Ваша Красная, – дружелюбно сказал Тос. – Я слышал, ты появилась в городе, и предположил, что ты ищешь меня, поэтому отправился по следу разрушений к их источнику.

– Если ты так стремишься к бою, то начнём, – огрызнулась мечница. – Я вызываю тебя на состязание честной стали!

Тос бросил косой взгляд на Лириэль.

– Заметь, она не предлагает состязаться в остроумии. Наша Ваша может быть нетерпелива и упорна, но даже она не будет участвовать в бою, не имея шанса на победу.

Оскорбление заставило Вашу вскочить на ноги. Стол перевернулся с грохотом, прозвучал слабый одобрительный возглас от посетителей таверны. Пока что вечер на их вкус был слишком тихим.

Воин размахнулась своим мечом; Тос создал идентичный клинок из пустого воздуха. Оружие скрестилось с громким лязгом, и бой начался.

Бойцы состязались с мрачной серьёзностью, и в течение нескольких минут посетители таверны с удовольствием наблюдали за схваткой, делая ставки. Но что-то витавшее в воздухе тянуло их к насилию, как пчёл к клеверу. Небольшие стычки вспыхивали то здесь, то там. Те, кто имели клинки, использовали их. Другие довольствовались более простым оружием: люди и полуорки дрались кулаками и ногами, гоблины и ведьмы закидывали друг друга кружками и хлебом, монгрелмены бросали визжавших слуг-хафлингов в огров, которые тут же открывали ответный огонь мебелью. В один момент таверну захлестнул кураж драки.

Лириэль пробралась в угол комнаты, обходя сильных бойцов и ныряя под летающих хафлингов. Несмотря на естественный иммунитет к магии, который был наследием дроу, она чувствовала соблазнительную тягу к бою – следствие некоего неизвестного. Этот Тос был хорош.

Но как бы хорош он ни был, заклинатель рун недооценил Вашу, считая, что масштабная заварушка в таверне может отвлечь её. Правда, кружки, бросаемые гоблинами, не раз обливали женщину элем, а растущие груды тел заставляли интенсивнее работать ногами в танце битвы, но мечница, казалось, не обращала на это внимания. На лице варварки застыло восторженное выражение, пока она наносила удары долгожданной добыче. Лириэль, внимательно следящую за сражением, весьма впечатлило, что Тос мог противостоять такому напору. Но волшебников дроу обучали и владению оружием, и тёмная эльфийка знала, что фехтование не сильно мешает творить магию.

Заклинания, как правило, в этой таверне осуждались, но внимание других клиентов было поглощено собственными боями. Таким образом, дроу была единственной, кто увидел, как забытый кусок камня, лежавший в луже воды на полу, полетел в руки заклинателя рун и соединился с полукруглым камнем, который тот держал. Только она увидела, как Тос положил монету времени в свою скудную набедренную повязку, как шевелятся его губы, как он беззвучно произносит магическую формулу. Мгновение Лириэль смотрела на красивого заклинателя рун и жалела, что плохо следила за карманником-хафлингом, который пытается «научить её торговле». Но сейчас было не время для сожалений. Дроу сплела собственное заклинание и замерла в ожидании, чётко понимая, что сейчас произойдёт.

Тос исчез, как и ожидалось.

И с ним исчезло заклинание жажды битвы. Большинство бойцов вдруг замолчали, глупо мигая и рассматривая свои поднятые кулаки или обнажённые клинки. Один огр, поднявший над головой хафлинга и занёсший руку для броска, замер так резко, что несчастный слуга улетел назад вместо того, чтобы врезаться во вражеские ряды. Его крик, громкий и пронзительный во внезапной тишине, указывал на то, что он не считает эту участь более приятной. Хафлинг пробил ногами деревянную дверь таверны. Одна половина его тела осталась в помещении, тогда как другая висела на улице. Слуга тихо постанывал.

В едином порыве посетители устремились к украшенному хафлингом выходу. Все, кто могли оставить таверну, так и сделали, поскольку за участие в драке такого масштаба, как правило, награждали ночью в темницах Скуллпорта. В считанные мгновения Ваша и Лириэль остались единственными здоровыми людьми в опустевшем помещении.

Ревя от разочарования, варварка крушила оставшуюся посуду

– Трус! Нарушитель Клятвы! Подлый заклинающий руны сын дикой свиньи! – вопила Ваша, размахивая мечом от неконтролируемой ярости.

– Ты должна была увидеть, что к этому идёт, – спокойно сказала дроу.

– Как могла я, Ваша Красная, честный воин, предвидеть такое предательство? Я сражалась с честью! Вот я стою, облитая кровью моего врага...

– Это эль, – поправила Лириэль.

Ваша резко замолчала. Она осмотрела свою промокшую одежду и убедилась в истинности замечания. Это поубавило задор и гордость в глазах варварки. Она спрятала меч, скрестила руки на могучей груди и надулась.

– Кровь, эль. Всё равно. Имеет значение только то, что Тос сбежал туда, где только дочери наших дочерей смогут его найти!

– О, я так не думаю, – сказала дроу удовлетворённым тоном. Она протянула ладонь. В ней лежала каменная монета, почти целая за исключением небольшого куска.

Глаза Ваши расширились от удивления.

– Это монета времени! Но как?

– Типичная тактика дроу. Я украла её у Тоса, используя простые заклинания. Иногда магия является наиболее прямым подходом, в конце концов.

Груды расщеплённой древесины и раненых посетителей, подтверждали точку зрения Лириэль. Ваша кивнула, признавая это.

– Магия восторжествовала там, где сила не смогла, – смиренно признала она. – Но где же Тос, если он не может путешествовать во времени?

– Волшебник достаточно сильный, чтобы сотворить временной портал, может быть практически где угодно, – сказала Лириэль. – Я думаю, однако, что он где-то в Скуллпорте. Чрезвычайно опасно путешествовать в места, которые никогда прежде не видел. Кроме того, поняв, что монеты нет, он вернётся.

От этих слов лицо Ваши просияло.

– Тогда мы всё ещё можем его выследить!

Лириэль кинулась к собравшейся уходить варварке и вцепилась в край медвежьего плаща.

– Довольно! У меня есть другая идея, но ты должна согласиться на использование магии.

Мечница утихла, смиренно склоняя голову.

– Как же мне не согласиться? Ваша Красная потерпела поражение. Я склоняюсь перед мудростью дроу.

Лириэль подняла книгу заклинателя рун.

– Тут говорится, как использовать монету. Мы шагнём назад во времени, к моменту перед тем, как Тос зашёл в таверну. И на сей раз, мы будем готовы.

Ваша согласилась. Она стояла на страже, пока Лириэль изучала и сплетала сложные заклинания. И варварка сумела сдержать удивление, внезапно оказавшись за столом напротив Лириэль в ещё целой таверне. Но вид небольшого фрагмента монеты на дне чаши с водой заставил её тяжело сглотнуть.

– Мы потерпели неудачу! Половина монеты всё ещё у Тоса; он может бежать!

– Зачем ему это? – возразила Лириэль. Она вытащила нож из ботинка и использовала его, чтобы выловить камень из быстро нагревающейся воды. – Он придёт сюда в поисках нас, помнишь? Он не знает, что я украла его половину монеты.

Говоря это, дроу изящными пальцами вытащила из рукава мешочек, где спрятала практически целую монету, которая отправилась в прошлое вместе с ней. Лириэль не поняла, как это произошло, и не имела никаких соображений на тот счёт, что монета может существовать одновременно в их прошлом и в настоящем. Но она не видела причин говорить об этом, эльфийка была уверена, что от её молчания не будет вреда. Скоро Ваша поймает своего заклинателя рун и вернёт его на суд к древним Русам, и всё будет хорошо.

Ваша ещё выглядела озадаченной, но она позволила дроу поставить себя возле двери таверны, на виду всех входящих. Лириэль заняла место ближе к входу.

– Тос будет искать тебя, таким образом, у меня будет больше шансов ударить первой, – объяснилась дроу. – Если я промахнусь, не стесняйся мне помочь.

Варварка покачала головой.

– Я не сомневаюсь в твоём успехе. Что ты будешь делать – поймаешь заклинателя рун каким-то таинственным заклинанием тёмных эльфов?

– Нечто вроде этого, – рассеянно кивнула Лириэль. Она ушла в себя, ища врождённую магию, что текла в крови всех дроу. Призвав природную способность к левитации, она поднялась высоко над дверным проёмом.

Это действие было достаточно лёгким для Лириэль, нечто, что могли сделать все дроу. Но сейчас она была не в Подземье, а такие силы обычно исчезали задолго до того, когда тёмный эльф приближался к землям света. Поэтому зрелище парящей дроу было достаточно необычным для того, чтобы привлечь внимание посетителей таверны. Даже Ваша смотрела вытаращив от удивления глаза.

Таким образом, когда Тос вошёл в трактир и отметил общее потрясение, он инстинктивно проследил направление взглядов посетителей. Когда волшебник поднял голову, Лириэль была готова атаковать – не заклинанием, поскольку она не знала, какую магическую защиту наложил на себя этот могущественный заклинатель рун. На этот раз дроу предпочла последовать примеру Ваши: она ударила беднягу эфесом кинжала точно между глаз.

Могучий Тос пал. Лириэль легко опустилась на пол и присела рядом с лежащим заклинателем рун. Она обыскала волшебника и, обнаружив его половину монеты, приложила к ней меньший фрагмент. Каменные обломки слились воедино, как две капли воды.

Дроу передала восстановленную монету Ваше.

– Как бы я ни хотела её себе, но ты должна вернуться домой, прежде чем за тобой придут Черепя.

– Спасибо Лириэль, дочь Сосдриэль, дочери Мелефисент, – серьёзно сказала варварка. – Я буду помнить твою мудрость и никогда больше не приношу силу магии и важность хитрости!

Лириэль пожала плечами.

– Только не увлекайся. Хотя я никогда не думала, что признаю это – особенно после сегодняшнего дня – есть моменты, когда лучшим является самый прямой подход. Даже если он заключается в точном и быстром ударе.

Мечница кивнула, размышляя над этими словами, будто их изрёк оракул.

– Сложность действительно является мудростью дроу, – восхищённо заключила она. – Хотя проживи я сто лет, мне всего этого не понять. И всё же, – добавила варварка уже куда менее благоговейным голосом. – Есть некоторые вещи, которым могут научиться даже такие как я.

Клинок Ваши мелькнул снова, и блестящий наконечник упёрся в горло Лириэль.

– Вторая монета времени, – решительно сказала мечница. – Та, которую ты принесла с собой. Дай её мне.

На мгновение Лириэль решила попытаться блефовать. Затем, со вздохом, она отдала артефакт.

– Но как ты узнала?

Ваша тонко улыбнулась.

– Ты хочешь узнать о Русах. Какой способ может быть проще, чем вернуться назад во времени? Ты так легко отказалась от монеты, что я сразу поняла, что должна быть другая.

С этими словами варварка вскинула бессознательного заклинателя рун на плечо, подняла одну из одинаковых монет времени и произнесла команду, открывшую портал в её время и землю.

Осторожное молчание последовало за исчезновением Ваши, посетители таверны затаили дыхание, ожидая, что произойдёт дальше. Лириэль вспомнила впечатляющую драку и, не дрогнув, повернулась к враждебным взглядам.

– Поверьте, всё могло кончиться куда хуже, – огрызнулась она.

И это, решила она гораздо позднее вечером, было отличным резюме для дневных приключений. Её встреча с Вашей могла окончиться смертью в тысяче различных форм.

Правда, Лириэль не получила способность путешествовать во времени, но она приобрела новую книгу рунных знаний. И она узнала ещё одну, очень важную вещь:

Основная проблема прямого подхода – магического или нет – заключается в том, что он чертовски предсказуем.

ТАЙНЫ КРОВИ, ДУШИ МОРЯ

Первоначально был издан в антологии «Королевства Тайн» под редакцией Брайана М. Томсона и Дж. Роберта Кинга.

Есть одна вещь, которая мне больше всего нравится при написании коротких рассказов, – это возможность попробовать что-то новое. Это метарассказ – история в истории, как бы обращение рассказчика-велика к своим похитителям-эльфам. Кто эти эльфы и зачем они охотятся на велика, не раскрывается. Полагаю, у них для этого были веские причины. Но велик так не думает и упрекает их за это, связывая причины своего похищения с легендой о сотворении расы сахуагинов.

Это – мрачный рассказ, и, возможно, событий, о которых повествуется в нем, могло и не быть на самом деле – то есть, я подразумеваю, не могло быть в Забытых Королевствах, конечно же. Но как, однажды, сказал профессор Индиана Джонс на своих курсах археологии, есть разница между «фактами» и «истиной».

Эй, ты там! Ты, эльф с запятнанными чернилами пальцами и глазами цвета дождя. Приблизься. Я не смогу причинить тебе вреда, даже если бы захотел. Ваши сети сильнее меня.

Ты – вождь этого охотничьего отряда, не так ли? Да. Так я и думал. У моего народа тоже так. Сказители и говорящие с духами – вожди среди великов.

Ты удивляешься, эльф? Мы, львиный народ, не дикари из сказок. О, мы охотники и воины – вы не ошибаетесь в этом, – но велики также знакомы с музыкой и магией, сочиняют сказки и легенды.

Не сомневайся: я Шаноссо Кин Тари, второй О (или «внук», как вы, двуногий народ, определяете это родство) великого Канджира, и я – сказитель племени великов Тари. Освободи меня из этой сети, и я расскажу тебе историю, давно забытую, историю об ужасной магии и страшных существах, которых никогда не видел ни один живой велик в этой степи, кроме как в ночных кошмарах, посланных им в качестве дурных предзнаменований.

Да, я знал, что это предложение заинтересует тебя! Из всех двуногих, только эльфы имеют самое острое любопытство. Вижу, у тебя пергамент и перо уже наготове. Прежде чем мы начнем, прикажи своим родичам, чтобы они положили свои копья. Даю тебе слово, что я не воспользуюсь ни когтем, ни клинком против каждого из вас, пока не закончу повествование. И тогда я стану сражаться, и то, если буду вынужден защитить себя от твоего недовольства.

Что? Ты бы никогда не напал на барда, чья история тебе не понравилась? Хммм! Как бы сказал мой дедушка: «никогда не говори заранее, пока история не рассказана до конца». Но так как ты продолжаешь заверять меня в этом, то пообещай мне следующее: поклянись записывать все слово в слово так, как я говорю, и положи потом свиток в такое место, где многие смогут прочесть эту историю и запомнить ее.

Хорошо. У меня есть твоя клятва, у тебя есть моя. И теперь у тебя будет еще и история, рассказанная так же, как рассказали ее мне.

В далекие времена, когда эльфы и драконы сражались между собой за господство в, еще молодом, мире, жил темный эльф – волшебник, не имеющий себе равных по силе, за исключением, быть может, только его огромной гордыни.

Ка'Нарлист был архимагом Аторрнаша, некогда могущественного города, чьи тайны веками были скрыты в джунглях глубоко под землей – тайны, которые до сих пор еще спрятаны под сотней морей.

Высокая крепость из черного камня, возвышавшаяся на вершине, выдававшейся в море, скалы, была пристанищем для темного эльфа. Из этой крепости, Ка'Нарлист мог видеть Залив Банши, огромное копьё с морской водой, вонзившееся глубоко в Южный Фаэрун. Далеко внизу, под его замком гремело, пело и выло море – печальная, нескончаемая музыка, которая днем омрачала мысли волшебника, ночью же ввергала его в задумчивость.

Убери свои карты, эльф. Эта бухта давно исчезла – потеряна тогда, когда земля была разрушена и рассеяна могущественной, но забытой магией. Не удивляйся, что я знаю такие вещи. Наши легенды такие же древние, как и ваши, зато более правдивые.

Ну что, продолжим?

С годами Ка'Нарлист все больше всматривался в бурные воды морского залива. Он много размышлял над тем, что может скрываться под ними, как в этой бухте, так и во всех безбрежных морях. Хотя и будучи ученым, он не хотел просто знать: он собирался обладать этим.

Такие амбиции не были редкостью среди его народа. Илителири, темные эльфы юга, были жестоки и воинственны, они грабили, завоевывали и поработали тысячи племен. Даже их сородичи, светлокожие эльфы, не были в безопасности во время таких набегов! Ка'Нарлист стал богаче после этих рейдов, доставив, к тому же, кучу рабов из многих земель, чтобы они работали у него в замке и тешили его гордость. Одним из таких пленников был Мбугуа, шаман-велик. О нем я расскажу позже.

Несмотря на всю свою власть, илителири редко испытывали удовлетворение. Ка'Нарлист обладал огромным богатством, магическими заклинаниями, назначением которых не могли понять самые могущественные маги, и пользовался большим уважением у своего народа. И все же, наблюдая за этим водным царством, единственным местом, где темные эльфы точно не могли претендовать на свое господство, он думал о своей славе, которая напоминала ему скалистый берег: даже самые твердые камни со временем стирались в песок постоянно бьющимся о них морем. И он позавидовал вечной силе богов. Он стремился обрести такое же могущество.

Поскольку Ка'Нарлист был ученым, он знал много легенд, где говорилось о расах, созданных лишь для того, чтобы служить своим создателям. Если у Груумша Одноглазого были орки, а у Матери-Земли ее Левиафан, то почему бы и волшебнику,

достигшему громадного величия, не создать расу собственных существ, которые молились бы ему, что, несомненно, увеличивало его силу и господство. У волшебника не было сомнений, какими они должны быть: он хотел контролировать морские глубины. После долгих размышлений он решил создать морских людей, жестокую расу, которую пошлет завоевывать все новые и новые водные пространства – во имя Ка'Нарлиста, конечно. Чтобы его «дети» никогда не восстали против него, он решил не даровать им магию. Скорость и скрытность в сочетании с ненасытным голодом – вот и все их оружие.

Очень просто решить, что нужно сделать; гораздо труднее это выполнить. Но в целом не скучно. По крайней мере, не скучно для такого, как Ка'Нарлист...

– Поддай мне кривой нож, – рассеянно пробормотал Ка'Нарлист. Его внимание было полностью сосредоточено на мучениях несчастного кодинггобольда, привязанного к его столу; он не удосужился даже поднять свои багровые глаза на вемика, который стоял у его локтя.

У Мбугуа был уже заготовлен инструмент, еще до того, как эти слова были произнесены – он слишком часто помогал своему господину, чтобы не понять, что ему нужно, – и он вложил гладкую ручку в протянутую ладонь волшебника.

Вемику очень хотелось перевернуть нож лезвием вперед и загнать его глубоко между парой хрупких эльфийских ребер или, на худой конец, отрезать несколько черных пальцев. Долгий и болезненный опыт доказал всю бессмысленность таких действий. Каждый раз, когда Мбугуа нападал на колдуна-илийтири, наносимая тому рана появлялась не на эльфе, а на собственном теле вемика.

Много раз гордый Мбугуа пытался обрести свободу; много раз он просыпался на своем тюфяке, с колотящейся об него головой и жуткими воспоминаниями об ужасных ритуалах, восстанавливавших его искалеченное тело. Однажды, только однажды, ему удалось нанести смертельный удар, сбежав от Ка'Нарлиста в Царство Смерти. Но ужасный бог колдуна, Гонадор, вырвал вемика из загробной жизни, вернув его снова в этот гнусный плен. Даже спустя много лет, воспоминания об этом опыте заставляют Мбугуа кричать во сне. Зло, бывшее Гонадором, и сила, в лице Ка'Нарлиста, слились в одно целое в голове Мбугуа.

После своей очень короткой смерти Мбугуа, судя по всему, служил своему хозяину без жалоб и вопросов. Он исправно все выполнял, помогая Ка'Нарлисту даже в таких делах, как эта – делах, которые выворачивали всю душу охотника наизнанку и заставляли чувства благородного вемика буквально вопить о том, что будет праведно, запустить копьё в это существо, которое позволяло себе систематически причинять боль живому созданию.

Не то, чтобы Мбугуа жалел кодинггобольдов. Это были неприятные, дурнопахнущие, похожие на крыс существа – уродливые твари о четырех ногах, имеющие собачье тело, которое увенчивалось тощей человекообразной грудью и хитрой, серой мордой. Имея серые кожу и души, они, казалось, не обладали ни совестью, ни гордостью. Кодингобольды жили исключительно на том, что могли украсть. Они были трусами и сражались только в том случае, когда чувствовали, что

сильнее, и превосходили числом своих жертв. И они особенно любили мясо молодых вемиков. В последние годы, много детенышей путешествующих и странствующих вемиков стали жертвами беспорядочного нападения кодингобольдов, которые бороздили просторы степи. Собственно племя Мбугуа уже почти истребило этих жестоких и вороватых существ, и вемики не оплакивали их потери. Пусть даже так, но взгляд, брошенный на визжащего и извивающегося кодингобольда, граничил с сочувствием.

Он сам испытал подобные эксперименты, хотя и с большей стойкостью. Мбугуа был одним из первых, кто испытал на себе всю жестокость властолюбивого Ка'Нарлиста. Тело вемика исследовали, резали и отбирали образцы до тех пор, пока, наконец, колдун не был удовлетворен, тогда он получил ответ, который искал. Это – кровь, – говаривал Ка'Нарлист, – тайна жизни – в крови.

Мбугуа был шаманом, и народ и магия его племени говорили другое, но что он мог возразить, видя ужасные успехи колдуна? Ка'Нарлист использовал кровь своего раба-вемика в качестве ингредиента в какой-то темной магии, конечным результатом которой стало рождение двух новых существ – злобного зверя, который имел такую же густую черную гриву, как у Мбугуа, а также человекоподобного младенца с темной золотистой кожей вемика и кошачьими глазами.

Насколько радовался Ка'Нарлист, настолько же ужасался Мбугуа. Для колдуна это выглядело, как успешное «разделение» вемика на его важные составные части: человека и льва. Для вемика это было зверством, которого он не мог постигнуть. Ликующий Ка'Нарлист не заметил возмущения и мрачной целеустремленности на лице своего раба. Если бы он присмотрелся к нему внимательней, то сразу понял бы, что Мбугуа поклялся покарать его.

Хотя знание этого не имело никакого значения. Ка'Нарлист был уверен в своей власти и силе. Мрачные мысли вечного раба ничего не значили для него. Его собственное божественное дело и существа, которые в конечном итоге получились: это и только это имело значение для Ка'Нарлиста.

И так на протяжении многих лет, в то время, как львиные существа, порожденные из похищенной крови Мбугуа, вырастали и образовывали прайды, а почти человеческие дети становились лишь одними из таких же слуг, которые трудились в замке колдуна, Ка'Нарлист захватывал или покупал все новых и новых существ для изучения. Темный маг искал тайну крови, которая делала каждую расу уникальной – великую тайну самой жизни. Хотя уже все залы, конюшни и подземелья замка были переполнены странными существами, рожденными от его магических экспериментов, колдун все еще был недоволен.

– Вы создали уже много кобольдов и выпустили достаточно динго-псов в холмы, подвергая опасности стада и табуны ваших соплеменников, – заметил Мбугуа, возвышая голос, пытаясь перекрыть мучительные визги кодингобольда. – Что еще вы надеетесь получить от этого жалкого существа?

На мгновение нож колдуна прервал свою ужасную работу.

– Не все эксперименты прошли так, как планировалось, – мрачно пробормотал Ка'Нарлист. – У меня должна быть абсолютная уверенность в успехе, прежде чем я начну финальную стадию.

Финальную стадию!

Для вемика эти слова звучали кощунственно. Среди его народа дети оберегались всем племенем, и рождение каждого здорового детеныша было поводом для пиршества и веселья. То, что творил Ка'Нарлист просто не укладывалось у него в голове: темный эльф пытался создать ужасных детей, используя свою кровь, детей, которые в лучшем случае были бы рабами, или же безжалостно брошены на произвол судьбы, если бы они не стали выполнять обещания, данные «умному и самоуверенному» Ка'Нарлисту.

Внезапный сдавленный крик прервал размышления Мбугуа. Неуклонно растущее напряжение кодинггобольда, создаваемое систематическим причинением Ка'Нарлистом невыносимой боли каждой кости и сухожилию существа, внезапно прекратилось. Маленькое создание напряглось, его тельце выгнулось назад, словно тугой охотничий лук. Мбугуа понял, что конец близок, и потянулся за следующим инструментом.

Низкий, жуткий и пронзительный звук заполнил комнату, он напомнил Мбугуа звук растущего шторма. Странно было слышать этот дерзкий и неуклонно возрастающий крик исходящим из горла хрупкого и трусливого существа. Но Мбугуа услышал в этом крике напоминание о том, что даже в самом маленьком существе сила жизни была огромной. Каждая защитная функция, которую природа вложила в тело кодинггобольда, сражалась с приближением смерти с неистовством берсеркера. Его жизненная сила была столь же интенсивной, как полуденное солнце, направляющее свой последний луч, готовясь уйти с небосвода. В этот последний момент смертной жизни кодинггобольд был не просто жалким изгоем дикого собачьего народа: он воплотил в себе саму суть всей его расы.

Мбугуа передал своему хозяину окровавленную чашу.

Натренированной рукой Ка'Нарлист легкими взмахами ножа вскрыл жесткие, проходящие вдоль горла вены существа, протянул чашу и поймал пульсирующую кровь, не пролив при этом ни капли. И все это время он повторял слова темного заклинания, которое узнал (так он утверждал) у ног своего страшного бога.

Когда, наконец, кодинггобольд затих и все закончилось, колдун удовлетворенно кивнул.

– Избавься от трупа, а затем приходи ко мне в комнату заклинаний.

– Как прикажете, владыка.

Ка'Нарлист услышал замешательство в голосе своего раба. Мгновение он был озадачен: некогда мятежный Мбугуа был теперь самым послушным и надежным из всех слуг архимага. Потом пришли воспоминания, а вместе с ними понимание. Ка'Нарлист повернулся к вемику.

– Ах, я так понимаю, ты хочешь сначала, спеть духу существа?

– Если мой хозяин позволит, – сказал Мбугуа жестко. У себя в племени шаман пользовался народным уважением. Презрение колдуна-илийтири к их духовной магии ударяло по гордости вемика и разжигало его гнев.

– Скажи-ка мне, – начал Ка'Нарлист голосом, который обычно используют, чтобы дразнить глупого, угрюмого ребенка, – как ты думаешь, если бы ты не предавался этим странным играм и ритуалам, стали бы мы тогда спотыкаться о мстительных духов на каждой лестнице?

Мбугуа встретил прямым взглядом насмешки темного эльфа.

– Вы действительно хотите знать это?

Улыбка мага понемногу угасала, потом исчезла совсем. Он отвернулся, пренебрежительно щелкнув пальцами.

– Делай все, что захочешь с этой падалью. Все равно это не имеет никакого значения.

После того, как тихие шаги Ка'Нарлиста перестали слышаться, Мбугуа снял мертвого кодингобольда со стола и закинул тело на плечо. Вемик спустился по извилистой лестнице, ведущей из магической башни вниз в большой зал.

Ошеломляющее разнообразие всяких монстров заполняло огромную комнату, вызывая определенные эмоции, порождая страх. Стая крылатых эльфов, с искрящимися легкой магией, кончиками пальцев, порхали высоко над головой, когда он проходил со своей ношей мимо длинных и узких окон, во множестве окружавших зал, каждый из которых был бесценным произведением искусства, инкрустированный разноцветными драгоценными камнями. Несколько четырехруких огриц, бывших кухонными рабами, прокладывали себе путь по направлению к темницам, неся еду для тех несчастных созданий, которые ожидали особого внимания Ка'Нарлиста. Множество миниатюрных красных драконов метались туда-сюда, зажигая свечи и масляные лампы небольшими вспышками их пламенного дыхания. Орда рабов-гоблинов усердно натирала, покрытый замысловатой мозаикой, пол. Возможно, это было бы обычным явлением, но, повинаясь редко посещавшему его вдохновению, Ка'Нарлист развел гоблинов с красивыми цветными шкурами: солнечно-желтыми, цвета синего топаза и ярко-розовыми. И для Мбугуа, зал выглядел, как луг, заполненный отвратительными, двуногими цветами.

Пока вемик шествовал через большой зал своими бесшумными массивными лапами, все расступались, освобождая ему дорогу. В зале не было никого, кто не испытал на себе темные опыты колдуна, и они боялись, похожего на льва, помощника Ка'Нарлиста почти так же, как и его самого.

Массивная парадная дверь была загорожена парой охранников-минотавров, огромными зверями, вооруженными ужасными ятаганами и неестественно длинными рогами. Не успел Мбугуа прорычать команду, как мужчины-быки уже вскочили. Они подняли решетку, а затем общим своим весом навалились на деревянный засов, запирающий наружную дверь. Засов со скрипом отошел в сторону, и двери распахнулись наружу.

Мбугуа выскочил во двор, с благоговением наполняя легкие прохладным вечерним воздухом. Замок колдуна всегда был заполнен дымом из жаровен, вонючими испарениями, исходящими из дюжин гнусных магических смесей, и вездесущим запахом смерти.

Вемик продолжил свой путь вниз по крутой тропинке к, усыпанному галькой, побережью. Там была небольшая бухта, окруженная большими камнями. Он мог делать здесь все, что хотел, потому что бухта не просматривалась из окон замка и со двора. Слуги колдуна слишком сильно боялись Мбугуа, чтобы следовать за ним сюда; сам колдун был очень гордым, чтобы представить, что простой раб мог совершить что-нибудь вредное или важное. Повиновение и верность

поддерживались могущественными магическими путями: Ка'Нарлист верил своей собственной магии.

Эта самая убежденность, эта гордость и эта магия обернется, как верил Мбугуа, против темного эльфа. Это было единственное оружие, которое было у него, способное победить колдуна.

Вемик бросил тело кодинггобольда на утрамбованную почву. Наклонившись, он вытащил небольшой, идеально круглый черный предмет, который был скрыт из виду среди камней. Затем, закрыв глаза и подняв руки, он начал медленно и ритмично дышать, очищая свой разум и подготавливая его к тому, чтобы увидеть и услышать то, что ведал только шаман.

Через мгновение Мбугуа почувствовал душу кодинггобольда, невидимо присутствовавшую здесь, но скрывающуюся в тени. Вемик начал свой танец, сначала медленно кружа вокруг убитого кодинггобольда, затем стремительно поворачиваясь и прыгая, словно играющий львенок. Его человеческие руки плели мистический узор, сливаясь в контрапункте с ритмом лап, магически указывая путь, которым должна была следовать изумленная душа кодинггобольда. Она тоже пела – низкий, рокошущий напев, который взлетел над сумрачным морем и слился с магией танца.

Вемик совершил уже множество таких шаманских обрядов, но на этот раз он был немного не похож на другие. Когда, наконец, Мбугуа закончил, его рыжевато-белое тело блестело от пота, он посмотрел со смешанным чувством триумфа и ужаса на, лежащую у него в руке, черную жемчужину, вибрирующую от тихой песни, которую мог слышать только шаман. Самоцвет был магическим предметом, изобретением Ка'Нарлиста, созданный для того, чтобы поглощать магию его врагов. В арсенале у Ка'Нарлиста хранилась куча таких же голодных драгоценных камней. Вемик украл парочку и приспособил эти страшные устройства для собственных целей.

В жемчужине, лежащей на его ладони, находилась захваченная душа кодинггобольда.

– Прости меня, – пробормотал Мбугуа, чья гордость боролась с извинениями, которые требовала его честь. Но он не пожалел о том, что сделал. У Ка'Нарлиста была своя работа, а у Мбугуа была своя.

Вемик вытащил другую спрятанную жемчужину и начал ритуал заново – на этот раз его песня была бесконечно печальней и более притягательней. На этот раз Мбугуа собирался воспользоваться магией, которая бы заманила в ловушку душу живого существа.

Твои родичи – благодарные слушатели, эльф. Посмотри, как они наклонились в мою сторону, прислушиваясь к рассказу! Похоже, они обеспокоены поведением вемика. Я слышал, что эльфы не побеспокоят останки даже своих врагов. Это говорит о многом, и я хвалю вас, если это правда. Я также слышал, что эльфы всегда оказывают честь бардам, но все же ни один из вас не предложил мне воды или вина, чтобы я мог смочить горло и ускорить рассказ.

Ах, спасибо. Вы – самый радушный хозяин. Да, теперь я чувствую себя вполне освеженным. Да, я буду рад продолжить.

– Ты не искал меня уже много лун, – заметила Сатара. В ее спокойном, мелодичном голосе не было даже намека на то, что это был вопрос, и ее золотистое лицо оставалось спокойным, пока она передавала своему «отцу» чашку с чаем.

Но проницательный Мбугуа услышал невысказанный упрек в этих словах.

– Колдун все больше становится одержим своими деяниями. У меня совсем не было времени, посетить тебя.

– Итак, ты здесь, и у тебя должна быть какая-то причина для этого, – прямо сказала девушка. – Иначе, я бы тебя и не увидела.

Вемик вздохнул.

– Я сделал все, что мог, Сатара. Я дал тебе имя в честь своей матери. Я пытался научить тебя гордости. Но это оказалось сложно. Это... это не та жизнь, которую я бы выбрал для тебя.

– И не то тело.

Вемик не мог оспорить эти слова или винить ее за горечь, с которой она произнесла их. Сатара была одной из «детей», созданных из его крови, и поэтому он был обязан дать ей ту любовь, которая была нужна ребенку. Но это было сложно. Трудно было даже смотреть на нее.

Сатара была прекрасна – даже вемик не мог отрицать этого, – но не была похожа на людей-львов. У нее была пара длинных ног, не четыре, стройные человеческие ноги, а не лапы, и грациозное, соблазнительное тело. Даже лицо Сатары было более своеобразным, совсем не похожим на лицо вемика, с тонкими чертами и без намека на кошачий нос, который часто проявлялся на детях, родившихся от украденной крови Мбугуа. Несколько сохранившихся намеков на вемическое происхождение только делали ее еще более экзотичней: шелковистые черные волосы были пышными и густыми, как и грива у Мбугуа, кожа имела золотистый, солнечный оттенок, а большие миндалевидные глаза были, как у кошки, янтарного цвета. Да, она была очень красивой и почти созрела для спаривания. Ни то, ни другое долго не останется без внимания ее хозяина.

– Ну так почему ты пришел? – тихо повторила Сатара.

Вемик встретился с ней глазами.

– Ты еще не была в постели с Ка'Нарлистом?

Сатара с яростью посмотрела на него.

– Колдун все еще жив? Я еще жива? Ответь на эти вопросы, и ты ответишь на свой!

Ее жестокий тон и пылающие глаза поразили Мбугуа и только укрепили его цель. Узы крови сильны: хоть Сатара и не была похожа на его ребенка, но он увидел что-то от себя в ее неукротимой гордыне. Она была свободна, независимо от условий ее жизни.

– Ты не сможешь убить колдуна, не причинив вред себе, – предупредил он ее.

Девушка скривилась.

– Это я уже знаю.

Она подняла копну тяжелых волос и показала ему множество длинных, багровых полос, покрывавших ее шею и плечи. Мбугуа признал в них отметины от ногтей и с гордостью понял, что Сатара использует в битве свои руки так же, как и

любая женщина-вемик свои передние лапы. Он только пожалел, что такие же раны не остались на теле Ка'Нарлиста, который так заслуживал их!

– Разыскав тебя однажды, – мрачно заметил вемик, – он будет делать это снова.

– И когда у него это получится, я буду сражаться! – прорычала она. – Я погасила его пыл кровью и снова сделаю это. Я сохраню свою честь или получу смерть. Это не так важно.

Мбугуа начал было уговаривать ее не делать этого, но что-то в глазах Сатары заставило его придержать язык. Он не мог – он не *стал* бы – поручать этой свирепой девушке время от времени подчиняться колдуну. И он снял с себя, сделанное им, ожерелье – изящную раковину, разукрашенную символами его клана вемиков и подвешенную на нитку с, нанизанным на нее, пресноводным жемчугом – и вручил его ей.

Сатара с радостью приняла безделушку, ухватив ее жадными пальцами. На мгновение лицо девушки засветилось от удовольствия, шутка ли, получить прекрасный подарок из рук своего отца, и эльфийский колдун был совершенно забыт. Но затем ее глаза – глаза, которые повидали почти столько же, сколько видел сам шаман – остановились на беспокойном лице Мбугуа.

– Как это связано с колдуном? – потребовала она ответа, добравшись до сути дела.

Мбугуа решил ответить напрямик.

– В раковине есть жемчужина. Одень его, когда он пошлет за тобой. Это украдет часть его души.

Девушка задумчиво кивнула. В ее глазах не было и намека на страх, пока она обдумывала план нападения на своего могущественного хозяина.

– Но как это можно сделать, чтобы он не заметил?

– Посмотри на небо, – посоветовал Мбугуа. – Разве его сапфировый оттенок тускнеет от твоего дыхания? Или звезды приближаются, сметаемые северными ветрами? Небо не может уменьшаться. Так же и с душой: это нечто без начала и конца. Колдун даже не заметит, как часть его души будет втянута в жемчужину.

Скупая улыбка промелькнула на лице Сатары, и она быстро перекинула ожерелье через голову.

– Я сделаю это с удовольствием. Жалко только, что это не причинит колдуну никакой боли!

– У меня есть еще одно дело для тебя, – нерешительно произнес Мбугуа, – но сначала я должен рассказать тебе немного больше о планах Ка'Нарлиста, чем ты могла слышать.

Когда девушка согласно кивнула, он рассказал ей о решимости колдуна создать расу морских существ из собственной крови, порочную расу, которая будет покорять и контролировать моря.

– Скоро будет рождение его первого кровного ребенка, – закончил Мбугуа. – Я хочу, чтобы моя кровь смешалась с Ка'Нарлистом в теле этого монстра, и, связав это существо кровными узами с кланом вемиков, я повернул бы его против колдуна. Это не легко сделать, и мне понадобится твоя помощь. Мне нужна твоя кровь.

Сатара пристально смотрела на него, с сомнением слушая его рассуждения.

– Почему бы тебе не воспользоваться собственной кровью?

– Ты думаешь, Ка'Нарлист дурак и не придаст значения тому, что его существо родится с четырьмя ногами и мехом? – возразил Мбугуа. – Хоть ты и носишь в себе кровь клана вемиков, но твое тело больше похоже на эльфийское. Это тоже рискованно, но в меньшей степени.

Девушка пожала плечами.

– Что же, я не боюсь риска, но пока не понимаю, почему существо колдуна пойдет против него.

Опять Мбугуа услышал невысказанный вопрос в ее словах. Он не осмелился рассказать ей вторую половину своего плана – о решимости вселить в существо собственную ненасытную душу Ка'Нарлиста, с воинственным стремлением колдуна к завоеваниям. Самая притягательная, но в то же время смутная надежда Мбугуа заключалась в том, что существо будет желать впечатляющее богатство Ка'Нарлиста и найдет способ овладеть им. Это не первый случай, когда сын изгоняет своего отца, и, наверно, не последний. Кроме того, у существа не будет той магии, которая была у Ка'Нарлиста, и его, в свою очередь, тоже можно будет свергнуть. Мбугуа не стал рассказывать об этом Сатаре, опасаясь, что колдун каким-то образом сможет прочесть это в ее мыслях. Он расскажет ей все, что можно, и помолится о том, что, если она его дочь, этого будет достаточно для нее, чтобы понять обо всем.

– Почему это существо не будет мстить, – сказал Мбугуа, – видя, как волшебник порабощает многих его родичей-вемиков? Узы крови сильны в клане. Разве ты не знаешь об этом?

Пальцы Сатары сжали дар отца и нащупали руну, которую он выгравировал на безделушке – руну, провозгласившую ее, ужасную тварь, порожденную колдовством мага, членом гордого клана вемиков. Ее глаза стали ясными, но в то же время свирепыми, когда они обратились к Мбугуа.

– Узы крови сильны. Я сделаю все, что ты просишь.

Вемик погладил ее щеку своей массивной рукой и глубоко опечалился, поняв, что это была первая ласка, он никогда раньше не предлагал ее своему, похожему на эльфа, ребенку.

Сатара крепко сжала руку своего отца. Затем она отступила назад, расправив плечи, словно готовясь к битве, ожидающей ее впереди.

Этот бурдюк пуст? Сказительство – занятие вызывающее жажду. У слушания тоже есть свойство иссушать горло, ты и твои близкие умеете хорошо слушать. Более благодарной аудитории, я редко встречал!

Моя уловка? Какая? Конечно же, группу эльфийских охотников-воинов сложно сравнить с одним вемиком-сказителем, даже если пьет он или нет. Такие подозрения не делают тебе чести, эльф. Как сказал бы мой дедушка: вор никогда не забудет запереть собственную дверь.

И разве я не дал клятву, что не буду сражаться, пока не расскажу всю историю?

О, очень хорошо, эльф! Ты обращаешь мою собственную насмешку против меня – ловкий прием! Да, я тоже обещал поведать вам всю историю, и я сделаю это.

Этой ночью обитатели замка колдуна вздрогнули, когда услышали песню шамана-вемика, принесенную им заунывным ветром.

Этот звук был им знаком. Они хорошо знали, что это означало: умерла еще одна жертва Ка'Нарлиста. И уверенность в том, что их очередь также может прийти в любой момент, закаляла их, пока они слушали ритмическое пение вемика. Но сегодня голос шамана казался каким-то бесконечно грустным и подрагивающим от сдерживаемого гнева.

Далеко под слушающим замком, Мбугуа пел душе Сатары, находящейся на пути к той гордой загробной жизни, которую ожидает каждый вемический воин. Но сначала он забрал с ее тела две вещи: пузырек с кровью, взятой из одной из ее многочисленных ран, и черную жемчужину, вибрирующую от души, столь злобной, настолько амбициозной и мерзкой, что это могла быть только душа Ка'Нарлиста. В этом шаман-вемик был уверен, так же, как уверен и в том, что истинная дочь его крови и ее душа лежала мертвой перед ним.

Это был успех. Позже, возможно, Мбугуа будет очень доволен. Но теперь было только глубокое горе, глубже, чем он ожидал.

Когда ритуал был закончен, и Сатара действительно ушла, вемик взревел, разметав всю свою ярость и тоску над равнодушным морем.

И далеко над ветреным берегом жители замка Ка'Нарлиста задрожали от страшного звука. У них было много поводов бояться колдуна; и тот факт, что он сам не боялся вемика, был самым главным среди них.

В родильной камере, стоны морской эльфийки смешивались с гулким пением шамана-вемика. Мбугуа присел рядом с неглубоким бассейном, где мучилась эльфийская женщина, мурлыкая и тихо напевая, помогая ребенку внутри нее появиться на свет.

Тело морской эльфийки напряглось, когда очередная сильная схватка, сжала ее округлый живот. Она изогнулась, ее рот раскрылся в вопле мучительного страдания. Мбугуа потянулся к воде и поймал младенца, выскользнувшего из ее чрева.

Сразу же вемик увидел, что он преуспел в формировании магического порождения Ка'Нарлиста. Младенец вовсе не был таким, каким его задумывал колдун. Этот ребенок был мальчиком, совершенно сформировавшимся морским эльфом, от его мягко заостренных ушей до тонких перепонки между пальцами на его, сжатых в кулачки руках. Но чувства шамана Мбугуа, тонко настроенные на новую жизнь у него на руках, ощущали кровные узы его собственного клана, связывающие его с ребенком. Шаман-вемик продолжал петь, но на этот раз песню приветствия, поскольку он должен был заботиться о ребенке и измученной морской эльфийке, родившей его.

Глаза женщины улавливали каждое движение вемика и медленно в них полное отчаяние сменилось на удивление – и зародилась сильнейшая материнская любовь. Но Мбугуа отрицательно покачал головой, когда она протянула жаждущие руки к прекрасному ребенку. Даже если ее кровь и участвовала в рождении младенца, даже если она зачала и выносила его в полном соответствии с законами природы, даже

если ребенок казался никем иным, как идеальным морским эльфом, все же новорожденный не принадлежал ей. Мбугуа чувствовал еще не сформировавшуюся душу ребенка. Он точно был родным Ка'Нарлисту.

В этот момент колдун вошел в комнату и всмотрелся в младенца на руках у Мбугуа. Его темное лицо исказилось от ярости и разочарования.

– Снова неудача, – пробормотал он и отвернулся. – Избавься от него.

– Как прикажете, владыка, – с почтением произнес Мбугуа вслед уходящему колдуну. Одной массивной лапой он отбросил в сторону протянутые руки эльфийки и выбежал прочь из камеры с обреченным младенцем на руках. Другие рабы будут заботиться и утешать самку, потому что она еще понадобится – морская эльфийка была проверенным производителем, родившая трех собственных живых детей. Ка'Нарлист не будет тратить много времени на восстановление этой рабыни: Мбугуа был уверен, что до того, как полумесяц станет полной луной, еще один извращенный потомок темного эльфа будет волшебным образом помещен в ее живот.

Вемика понес новорожденного к краю моря, игнорируя его слабые, возмущенные крики. Он шел в свою тайную бухту, и от его диких рыков замирали те, кто был в замке над ним.

Они слышали его, но не понимали.

В ответ на призыв Мбугуа, эльфийская женщина вышла из волн на берег. Она приняла малыша из рук вемика, затем развернула влажное одеяльце, в которое он был запеленат, и рассмотрела крошечные пальцы рук и ног.

– Ребенок прекрасен, – произнесла она, наконец. – Вы уверены в его сущности?

– Так же, как я уверен в самом себе, – резко ответил Мбугуа. – Воспитайте его, как мы договаривались, и он в свое время отомстит колдуну за ваших украденных соплеменников, но не доверяйте ему! Ка'Нарлист вложил в него насилие и ненависть.

– Я запомню это и буду осторожна, – согласилась эльфийка. – И я расскажу ему о могуществе и богатстве колдуна, и пусть он узнает, что оно могло принадлежать и ему, если бы его отец не выбросил его.

Вемика кивнул.

– И еще одно: всякий раз, как вы услышите мой голос, вознесенный в ритуальной песне, доставьте ребенка поближе к берегу, чтобы он мог смотреть и учиться. Пусть он видит, как я отпеваю души жертв Ка'Нарлиста. Пусть он научится ненавидеть своего отца-колдуна за зло, которое он делает. И когда он усвоит урок, – мягко сказал Мбугуа, – тогда я научу его сражаться!

Прошел почти год, и вновь Мбугуа присел у родильного бассейна, чтобы помочь той же самой морской эльфийке. На этот раз мягкий плеск очищающего фонтана и пение шамана были единственными звуками в камере. Эльфийская женщина безвольно лежала, равнодушная ко всему, пока природа следовала своим предопределенным путем, и, наконец, ребенок вырвался из ее тела.

На этот раз сам Ка'Нарлист присутствовал при его рождении. Он наблюдал за происходящим с большим интересом, и когда его раб-вемик поднял ребенка из бассейна, улыбка торжества появилась на его темном лице.

– Наконец-то, успех! – воскликнул архимаг.

Мбугуа уставился на ужас у него в руках. Младенец был отвратительным, чудовищным. Он уже был силен: мог поднять голову и целенаправленно царапал вемика крошечными когтями, оставляя кровавые полосы на руках и запястьях Мбугуа. Несмотря на то, что существо имело эльфийское количество и расположение конечностей, оно тем не менее было покрыто темно-зелеными чешуйками. Маленькие черные плавники выросли из головы и тела. На голове не было ни волос, ни ушей, и на лице преобладали пара огромных черных глаз, да длинная прорезь рта. Ему еще надо было дышать и плакать; Мбугуа надеялся, что этого никогда не случится.

Проворчав проклятья, Ка'Нарлист вырвал младенца из рук ошеломленного вемика. Он бросил крошечного монстра назад в бассейн. Пузыри поднялись из воды, вместе с жутким, пронзительным криком, от которого мурашки побежали по позвоночнику Мбугуа. Для чувствительных ушей шамана этот крик был предвестником смерти многих невинных обитателей моря.

– Перережь пуповину и прижми ребенка к ее груди, – прикрикнул Ка'Нарлист. – Ты здесь акушерка, а не я! Действуй!

Мбугуа выловил младенца из бассейна, быстро исполнил то, что требовалось, и поместил его в слабые руки эльфийской женщины. Ее ошеломленные, пустые глаза расширились от внезапного ужаса, и ее апатия сменилась истерическими криками. Слишком поздно вемик понял, почему.

Рот ребенка был широко распахнут, невероятно широко. В нем ровными рядами располагались крошечные, треугольные клыки, похожие на акулы. Младенец сжал их, и Мбугуа услышал ужасный звук, который издают зубы, скрежещущие об кость. Он мельком увидел оголенные ребра морской эльфийки, прежде чем кровавый поток не перекрасил воду в родильном бассейне в темно-багровый цвет.

Ка'Нарлист нахмурился и щелкнул пальцами: крики умирающей эльфийки внезапно прекратились. Колдун задумчиво кивнул, наблюдая, как младенец грызет и глотает свою первую еду.

– Как лучше научить их охотиться на морских эльфов, наверно дать им насладиться вкусом эльфийской крови с их первым вздохом? – задумался он.

Он повернулся к Мбугуа.

– Приведи всех плененных самок морских эльфов, затем отправляйся на невольничьи рынки и купи их все, сколько есть. Нам понадобится столько инкубационных тел, сколько мы сможем приобрести, поскольку оказалось, что их можно использовать только один раз.

Архимаг улыбнулся, похоже, забавляясь ошеломленным выражением на лице вемика.

– Ну, теперь-то – что говорит твоя надоедливая совесть! Сегодня просто замечательный день. Когда моря станут принадлежать мне, ты сможешь похвастаться тем, что был свидетелем рождения расы сахуагинов!

Прошли годы, и огороженные пруды в поместье Ка'Нарлиста, как и заполненные водой подземелья замка, кишели сахуагинами.

Даже Мбугуа признавал, что это были удивительные существа. Они достигали зрелости за год, и, в отличие от большинства других творений колдуна, могли размножаться. Они делали это с поразительной плодовитостью. Через три года Ка'Нарлист прекратил магически разводить сахуагинов, предоставив им это делать самим. И за десять лет у Ка'Нарлиста появилось собственное племя.

Сахуагин обучался почти так же быстро, как и размножался. Он мог плавать с момента рождения и мог ходить уже на вторую луну своей жизни. По мере того, как у них получалось держать оружие, их начинали учить драться на суше и в воде. Через двадцать лет у Ка'Нарлиста была своя армия.

На протяжении всех этих лет Мбугуа проводил большую часть своего времени в бассейнах или тренировочных загонах, наблюдая за тем, как илителирские налетчики – сами бывшие рабами колдуна – обучали сахуагинов боевым искусствам темных эльфов.

Эти существа оказались свирепыми бойцами, не давая и не прося пощады в битвах друг против друга и испытывая безжалостный восторг от убийства морских эльфов, которых время от времени бросали в их бассейны. Но никогда – ни разу – ни один из них не обращал свои зубы, или когти, или оружие против своих наставников – темных эльфов.

С момента рождения каждому сахуагину внушали относиться к темным эльфам, как к богам, а к Ка'Нарлисту, как к главному из них. Он просто был их Создателем. Ни один сахуагин, никогда не видел Ка'Нарлиста, но их учили бояться, повиноваться и почитать его.

Наконец, настал день, в который нужно было выпускать сахуагинов в море. Они были впервые приведены в большой зал замка, и все они были в восторге от чудесной демонстрации музыки, света и магии, которую никто из них не видел вблизи, и это казалось им истинным проявлением могущественного Бога. В разгар церемонии появился сам Ка'Нарлист, парящий над собранием, его тело было магически увеличено до огромных размеров и затенено жутким, танцующим светом.

– Настало время исполнить ваше предназначение, – объявил колдун голосом, от которого зазвенели все окна в зале. – Сахуагины станут великим народом. Вы будете покорять обитателей моря, разграблять их сокровища и познаете огромное богатство и власть! Это ваше право и ваша судьба, как сотворенных детей Ка'Нарлиста. Во всем прославляйте имя вашего Господа Бога!

– Ка'Нарлист! – сахуагины ответили хозяину восторженным громовым ревом.

Колдун благожелательно улыбнулся и протянул руки. Черный жемчуг стекал с них и сыпался в цепкие когти его детей.

– Вы знаете, что это такое, и обучены как их использовать. После каждого убитого вами морского эльфа, вы вернете одну из этих жемчужин мне – конечно, с захваченной магией эльфа внутри. Магия предназначена только для богов. Считайте

смерть каждого богохульного морского эльфа актом поклонения, а жемчужины доказательством преданности мне! Ибо разве я не дал вам жизнь для того, чтобы править миром, и оружие, с помощью которого можно покорить его?

Сахуагины страстно кивали, ведь рассуждения их повелителя были наиболее приятны для них. Кроме того, их учили при помощи боли, что то, что подарил им великий Ка'Нарлист, он также мог забрать обратно! Те сахуагины, которых заподозрили в малейших намеках на восстание или ересь, умерли ужасно, таинственно, на виду у их чешуйчатых соплеменников. Ясно, в таком случае, что было глупо противостоять их темному владыке и лучше честно служить кому-то одному, но могущественному.

Ка'Нарлист произнес еще несколько слов напутствия, а затем, наконец, выпустил сахуагинов искать море. Они вырвались из зала и бросились вниз к обрыву, крича и сыпая проклятиями против своих врагов – морских эльфов.

Когда все стихло, архимаг опустился на мраморный пол и улыбнулся своему рабу-вемику. Из всех слуг Ка'Нарлиста только Мбугуа был удостоен чести присутствовать на этой церемонии. Действительно, колдун держал стареющего вемика у себя под боком почти постоянно – свидетеля его славы и слушателя рассказней о его пока еще невыполненных честолюбивых замыслах.

– Мир в морских глубинах – это только начало, – провозгласил колдун. – Скоро весь мир узнает о Ка'Нарлисте! Я буду не просто магом, а Богом!

– Дурная слава не способствует добру. Если бы это было так, то куртизанка Ксорниба давно была бы уже королевой всех богов, а не просто дорогой человеческой шлюхой, – заметил Мбугуа с откровенностью, которая уже стала для него привычкой.

А почему бы и нет? Его жизненная задача была уже выполнена и выполнена хорошо. Ее завершит тот, кто гораздо лучше подходит для этого, чем он. Вемика больше не заботился о том, примет ли колдун его замечания за смертельные оскорбления или нет.

Но Ка'Нарлист просто улыбнулся.

– Разве дурную славу делает сам бог, а не его магия?

Маг поднял одну из своих жемчужин.

– Магия волшебников морских эльфов почти так же сильна, как и моя собственная. Подумай об этом: кем я стану, когда у меня будет сотня таких жемчужин, наполненных их магией? Тысяча? Когда украденная магия тысячи тысяч морских эльфов будет вплетена в мою единственную магию силы? – И снова лицо Ка'Нарлиста осветилось ликующей улыбкой. – Видя такую силу боги сами придут ко мне. Не сомневайся: я действительно стану богом.

Мбугуа не сомневался.

Однажды, много лет назад, бог темных эльфов Гонадор выполнил просьбу Ка'Нарлиста и вырвал вемика из загробной жизни. Шаман почувствовал тогда странную партнерскую связь между архимагом и богом. Если Ка'Нарлисту действительно удастся украсть магию морских эльфов, он вполне сможет тогда

обладать магией достаточной для того, чтобы вступить в пантеон своих темных богов. В это было не трудно поверить: они были очень схожи, Гонадор и Ка'Нарлист. И Мбугуа станет свидетелем всего этого. Он был привязан к архимагу нерушимыми веревками магии: если бы Ка'Нарлист достиг божественности, бессмертия, он бы, наверно, забавлялся тем, что сохранял душу Мбугуа в течение многих последующих лет.

Вемик поспешил к своей бухте, гораздо более напуганный, чем он был даже в тот давний день своего пленения. Он давно знал о жемчужинах Ка'Нарлиста, но считал их не более чем сосудом для хранения магии, которой было накоплено в изобилии у мага. Мбугуа никогда не приходило в голову, что Ка'Нарлист предназначал их для систематического грабежа магии морских эльфов. Потеря магии серьезно ослабила бы защиту этого народа от орды сахуагинов и, возможно привела бы их к полной гибели.

Перспективы были ужасающими: исчезновение чудесного эльфийского народа, возвышение власти сахуагинов в море, возможность того, что зло, в лице Ка'Нарлиста, могло стать бессмертным. Во что бы то ни стало, надо остановить чудищ темного эльфа.

На берегу Мбугуа выкрикнул сигнал, который призовет его морского эльфа из волн.

Маленти, так назвал его шаман в честь легендарного воина вемиков. До сих пор Маленти во всем соответствовал этому имени. Он получил все, чему хотел научить его Мбугуа, с поразительной скоростью: все боевые стили, известные вемикам, все тактики, которым были обучены сахуагины, даже стратегии засады, используемые вымершими кодингболями и ныне усовершенствованные. Чтобы исполнить то, что должен, Маленти понадобятся они все.

Морской эльф быстро откликнулся на призыв Мбугуа, выйдя на сушу, чтобы обменяться воинским приветствием с вемиком. На этот раз Мбугуа уже не задумывался о странности перепончатой руки, которая сжимала его запястье: он с благоговением оценил силу в хватке эльфа и отметил отточенные в битвах мышцы, перекачивающиеся под зеленой, пятнистой кожей.

– Сахуагины уже разоряют море, – доложил Маленти без обиняков. – Они убили множество морских эльфов и осадили город эльфов, расположенный недалеко от берега. Они поклялись убить каждого эльфа, живущего в нем.

– Ты должен остановить их, – взмолился Мбугуа. – Если ты не сможешь убить их всех, по крайней мере, не дай им вернуться к Ка'Нарлисту с черными жемчужинами!
– Он быстро поведал ему страшный план колдуна.

Слишком поздно ему пришло в голову, что такие знания могли быть опасны в руках такого же амбициозного Маленти.

– Мне не нужна магия, – спокойно сказал Маленти, словно угадав мысли вемика, – но вы правы в том, что эти жемчужины не должны попасть к Ка'Нарлисту. Если он станет таким могущественным, каким желает, как я смогу свергнуть его и претендовать на его королевство как на свое?

От этих черствых слов дрожь прошла по всему телу Мбугуа. Она начиналась от верха его позвоночника и спустилась вниз по всей длине его львиного тела. Конечно,

именно на это он и надеялся, что честолюбие Маленти может проявиться; однако та легкость, с которой молодой морской эльф говорил о смерти своего отца, пугала.

Маленти уже отвернулся. В его руке был кинжал, когда он прыгнул в море, как будто не мог дождаться, когда сможет пролить кровь сахуагина.

И так было на протяжении многих лет. Полчища сахуагинов возвращались к Ка'Нарлисту с каждой темной луной, как они и обязались делать. Но они приносили с собой не груды черных жемчужин, а рассказы о жестоких битвах и засадах, и о могучем вожде морских эльфов, который поднял против них всех обитателей морских глубин.

Его звали Маленти. Маленти Гроза Сахуагинов.

Когда Мбугуа слушал рассказы о своем сыне – морском эльфе, он изо всех сил старался стереть улыбку гордости со своего лица.

Ка'Нарлист, однако, не был настолько стоек.

– Тысяча копий и моя высочайшая милость к тому сахуагину, который доставит ко мне этого Маленти! – пообещал, объятый яростью, колдун, когда последняя церемония темной луны подошла к концу. – Приведите его живым, и я увеличу награду еще на тысячу трезубцев!

За такую награду, любой сахуагин мог с радостью убить ближайшего родственника. Монстры вышли в море с еще большей жестокостью, каждый из них решил выиграть обещанную награду и милость своего господина.

Несмотря на это, прошло почти три года, прежде чем сахуагины захватили своего врага. Они притащили Маленти в крепость, запутавшегося в сетях и с множеством кровоточащих мелких ран на его теле, и бросили в большом зале, дожидаясь награды своего владыки.

Несмотря на кажущуюся серьезность ситуации, на сердце Мбугуа было спокойно, пока он пробирался в зал, подчиняясь призыву колдуна. По всем сведениям, Маленти сколотил огромную армию морского народа. Несомненно, его армия была собрана у края берега даже сейчас, ожидая только команды Маленти нанести удар. Снова и снова морские эльфы преодолевали нападения воинов-сахуагинов: велик был уверен, что они и теперь сделают это, и что, жестокое господство Ка'Нарлиста, его грязная магия и страдания, наконец-то закончатся.

Когда зал был заполнен, а громкая речь сахуагинов стихла до нескольких отдельных щелкающих звуков, появился колдун. Магически усилив голос, он произнес обвинения против Маленти, а затем предоставил ему право выступить до вынесения приговора.

– Убери сети, – смело отозвался Маленти. – Когда я предстану перед тобой, когда посмотрю тебе в лицо, только тогда я буду говорить.

С жестокой улыбкой, архимаг поднял руки. Линии пламени выскочили из его пальцев и спалили спутанные сети, нанеся при этом узнику лишь незначительный ущерб.

Лишившись большей части своих волос, с покрасневшей и покрытой волдырями кожей, в обуглившейся одежде, висевшей на нем клочьями, Маленти, тем не менее, гордо поднялся на ноги и встретился взглядом с могущественным магом.

– Наконец-то мы встретились... Отец, – сказал он громким голосом, который несся в каждый уголок большого зала. Он сделал паузу, очевидно наслаждаясь ошеломленным выражением лица Ка'Нарлиста и приглушенным ропотом толпы сахуагинов.

– О да, я первый из твоих детей-сахуагинов, которого ты выбросил, когда обнаружил, что я выгляжу неподобающе. Я Маленти, Гроза Сахуагинов. Гроза Сахуагинов, – подчеркнул он, – ибо таков я и есть на самом деле. Не имея преимуществ в обучении и вооружении, которыми ты наделял других, я побеждаю их. – Он сделал паузу, подняв руки, как бы приглашая колдуна осмотреть его. Велик напрягся, уверенный, что сигнал к наступлению сейчас поступит. Проходили минуты, но этого не происходило. Мбугуа поймал себя на мысли, что маг внимательно изучает Маленти и он не казался недовольным увиденным.

Морской эльф сбросил остатки своей обугленной одежды, под ней обнаружилась невероятно тонкая кольчуга, в которую были вплетены тысячи маленьких черных жемчужин. Шаман Мбугуа уловил тонкую, тихую песню захваченной магии; он с ужасом понял, что каждая жемчужина содержала украденную магию морского эльфа.

«Но Маленти не может использовать магию, – подумал Мбугуа, внезапно испугавшись, что его подопечный собирается атаковать колдуна – и потерпит неудачу. – У него нет дара, и он не обучен! Что он собирается делать?»

Словно услышав эти вопросы, Маленти повернулся, всмотревшись прямо в золотистые глаза велика.

– Ты хорошо меня учил, – насмешливо сказал он. – И теперь я обращаю твою собственную истину против тебя: глубочайшие тайны жизни не в крови, а в душе. Кровные узы действительно очень сильны, но душа легко побеждает зов крови!

Глаза Ка'Нарлиста зажглись яростным пламенем, когда он осознал роль Мбугуа во всем этом. Он набросился на него.

– Ты должен был уничтожить этого первого сахуагина!

– Ты будешь радоваться, что он этого не сделал, – возразил Маленти. Он ловко стянул кольчугу с магией через голову и взмахнул ею. – Это жемчужины, которые я забирал у ваших слуг за все эти годы, а также сотни других, которые я добыл сам. Я – сахуагин, – говорил он дальше, его глаза обводили собравшихся перед ним, выискивая того, кто посмеет оспорить этот факт. – Я ненавижу морских эльфов так же, как и любой из вас, но они доверяли мне, и поэтому мне было легче их убивать.

Эльф, то есть сахуагин, поднял кольчугу с жемчужинами высоко над головой.

– Это мое подношение великому Ка'Нарлисту, первая моя дань, среди многих! Отправьте меня в море, и я продолжу убивать морских эльфов, пока живу. – Он потряс кольчугой так, что, вплетенные в нее черные жемчужины, засверкали.

Ка'Нарлист криво усмехнулся, поняв, как он считал, душу своего сына.

– И что ты желаешь, в обмен на ту дань, которую предлагаешь?

– Только то, что мне причитается: высокое положение и власть в армии сахуагинов, большая доля богатств моря и полное уничтожение морских эльфов! Я

уже знаю, к чему ты стремишься и в моих интересах увидеть, как ты достигнешь этого. – Он тихо добавил так, чтоб его слова донеслись только до мага-темного эльфа и ошеломленного вемика, сидящего рядом. – Я хочу быть известен как перворожденный сын Бога!

– Сделка состоялась, – начал Ка'Нарлист, но Маленти прервал его, подняв руку.

– Я хочу еще одну вещь: жизнь вемика, который предал тебя. О, я не хочу просто его убить! Как научил меня гордый Мбугуа, именно в душе скрыты тайны жизни! Помести его в одну из этих жемчужин, и я буду носить ее до дня моей смерти. А дальше, пусть его дух вечно ревет свои песни и сказания посреди морских волн, и то, что было совершено в этом месте, останется в памяти всех народов до тех пор, пока они слышат голос моря!

С тяжелым сердцем Мбугуа слушал свой приговор, провозглашенный его кровным сыном, и одобренный темным эльфом, которого он надеялся свергнуть. Пока Ка'Нарлист произносил слова заклинания, а предатель Маленти приставил кинжал к горлу Мбугуа, велик молился с тихим рвением, надеясь, что кто-то когда-нибудь разберет голос вемика среди звуков волн и ветров и найдет способ отпеть его душу, чтобы она смогла обрести вечный покой.

Так появились сахуагины. И так повелось с того дня, что сахуагины время от времени рождали детей, похожих на морских эльфов во всем, кроме их кровожадной натуры. Их называют «маленти» в честь своего предка. Иногда сахуагины воспитывают и обучают таких детей жить среди морских эльфов в качестве шпионов; чаще их убивают при рождении. Сахуагины понимают всю разумность таких действий – маленти считаются опасными даже среди их порочных соплеменников, поскольку в них живет душа самого Ка'Нарлиста.

Что же касается Мбугуа, то некоторые говорят, что его душа была выпущена и обрела покой много веков назад. И все же рассказывают также, что в бурную ночь все еще можно услышать рев отчаяния вемика, среди множества голосов моря.

Итак, мой эльфийский похититель, у вас есть история, переданная мне моим дедом, который, в свое время, получил ее от своего.

Зачем люди-львы рассказывают такую историю, спросите вы? Возможно, потому что эльфы не будут. Да, говорить о такой магии опасно. Это правда, что на каждого мудрого вемика, который слышит предупреждение в этой легенде, найдется один дурак, который увидит в нем сверкающую изнанку драконьих сокровищ. Так что считайте ее просто мифом, если так вам нравится. И действительно, может этой истории и не было на самом деле.

Но запомни одну вещь, эльф, и запиши это в своем свитке: часто в легенде гораздо больше правды, чем в факте.

ВЕЛИКАЯ ОХОТА

Впервые издано в журнале «Dragon» №246, апрель 1998 г., составитель Дэйв Гросс

Читатели часто замечают, что Элайт редко проявляет магические способности, которые позволили бы ему развить игровые характеристики. Для этого есть причина. Он подлец, и мне кажется, что он просто преуменьшает свои магические способности и использует заклинания, как еще одно скрытое оружие. В этой истории, однако, Элайт задействует магию довольно высокого уровня, когда он и Эрилин Лунный Клинок сталкиваются с сектой поклоняющихся Малару.

Сумерки в северных лесах тянулись долго, и небольшой компании охотников казалось, что само солнце не желает покидать день столь славной резни.

Но ночь была неизбежна, и с наступлением темноты охота на время прекратилась. Трое охотников в последний раз окинули жадным взглядом ставшую уже невидимой тропу и наконец остановились, чтобы разбить лагерь и дожждаться восхода луны.

Костер понемногу разгорался, и тонкая дымка потянулась по извилистой тропе под густым лесным навесом, как будто желая встречи с дымом от других костров. Той ночью их в лесу было множество, и Когти Малара громко распевали свои хвастливые песни, празднуя первый день священной охоты.

Младший из этих охотников, молодой полуорк, в тот день впервые пролил чужую кровь. Его звали Дром и, как и все верные последователи Владыки Зверей Малара, он вышел на Великую Охоту. Все существо Дрома еще звенело славой и яростью недавней бойни.

Он подобрался ближе к костру, чтобы в неверном свете разглядеть свои первые трофеи. К ужасу Дрома, увиденное заставило его сглотнуть и отвернуться. Отчего-то вид трех порванных и окровавленных эльфийских ушей на ладони заставил желудок судорожно сжаться. Даже во время самой битвы он не испытал ничего подобного.

Гримлиш, огромный орк с уродливым зеленоватым лицом, что-то одобрительно проворчал, взглянув на уши. Именно благодаря ему Дром смог их раздобыть. Гримлиш был могучим охотником и пользовался в своем племени заслуженной славой. Он был именно таким, каким мечтал стать Дром. Шею орка охватывал кожаный шнурок, украшенный множеством лоскутов высохшей плоти, происхождение которых было очевидно даже несмотря на покрывавшую их красную краску.

Дром мечтал о таком же ожерелье и теперь взялся его мастерить. Он снял со своего пояса небольшой винный мех со смесью дубильной кислоты и ягодного сока

и опустил туда все три уха. Сделав это, Дром счел, что начало предстоящей работе положено.

Между тем огромный орк уселся перед костром и расстегнул ремешок на своем шлеме. Шлем был еще одним предметом зависти Дрома; однажды он надеялся найти такой же и для себя. Шлем был сделан из кожи, покрыт металлическими лентами и украшен лосиными рогами, каждый из которых был заточен до бритвенной остроты и ежедневно обмазывался свежей кровью. Это был прекрасный шлем - знак почитания одной из ипостасей бога Малара, которую тот иногда принимал чтобы лично пройти по здешним лесам.

Но при всем своем желании Дром понимал, что никогда в жизни не сможет носить подобное великолепие. Гримлиш был двух метров высотой и обладал невероятной силой. На его плечи могло лечь копье, а шея была достаточно сильна не только для того, чтобы носить тяжелые рога, но и для того, чтобы использовать их в бою.

Сам Дром не был слабаком и, несмотря на свой юный возраст, он мог похвастаться высоким ростом и удивительной силой. Однако от человека в нем было больше, чем от орка. Его лицо было безбородым, но светлый пушок на подбородке свидетельствовал, что вскоре он обзаведется свойственной северянам бородой. Полуорочью породу юноши выдавали лишь его крупное тело да выглядывавшие из-за нижней губы клыки.

Дром скользнул взглядом на орка, который был занят своими трофеями. - Хорошая охота, - заметил он.

- Пять, - похвастался орк, - держа в руках доказательства убийств. - И еще два до восхода солнца.

Юноша-полуорк кивнул. Днем Когти Малара разгромили эльфийское поселение, вырезав большинство жителей в отчаянной битве. Когда луна поднимется, охота примет иной оборот. Орда разделилась на небольшие группы, которым было легче выследить оставшихся в живых эльфов.

В отряде было три Когтя, все из племени предателя - Снежного Волка. Третьим членом команды был человек средних лет по имени Барсук. Его рельефные мускулистые руки и грудь покрывали татуировки, а голова была побрита наголо. Барсук относился к делу убийства с весельем и свирепостью, что беспокоило и иногда даже пугало остальных членов племени. И это, по признанию Дрома, играло не последнюю роль. В конце концов, все они были последователями Великого Волка, такие же лютые, как и их четвероногие братья.

Дром родился на севере, в небольшом племени Снежных Волков, члены которого фанатично чтили своего тотемного зверя. Время от времени ряды Снежных Волков пополняли орки, охотившиеся в тундре рядом с племенем и поклонявшиеся тому же животному, а также случайные бродяги. Барсук был одним из них - изгой своего народа, выживший лишь потому, что был осторожнее и яростней остальных. Несмотря на свой небольшой рост и приближающуюся старость вид Барсук являл устрашающий. На его подбородке, прямо под губой, была нанесена золотистая татуировка в форме орочьего клыка. Щека с другой стороны лица была украшена знаком Малара - звериной лапой с капающей с когтей кровью.

Зловещие трофеи свисали с пояса мужчины - несколько маленьких черепов, клыки огромных хищников и хвост серебряного волка.

Все они носили волчий мех, в той или иной форме. Дром носил шкуру, обернув ее вокруг шеи, как мантию, а Гримлиш приделал хвост к задней части своего шлема. Это были не трофеи, а дань уважения волкам. Они были последователями Малара, но по-прежнему почитали волков, и носили шкуры в честь этих хитрых охотников.

Сам Дром просил у волка воодушевления и руководства. С самого детства волк жил в его мечтах и незримо присутствовал в каждой мысли. Теплое прикосновение лежавшей на плечах волчьей шкуры казалось объятием братской руки. Тот волк, которому когда-то принадлежала эта шкура, был для Дрома неизмеримо ближе, чем любой из его двуногих соплеменников.

Дром был еще почти ребенком, когда ему впервые случилось увидеть ценную серебряную волчицу. Проследить за осторожной самкой до самого логова оказалось делом непростым, но в конце концов Дром оказался около норы под небольшим каменистым холмиком. Все последующие недели он провел около логова, ожидая, когда щенки наконец-то выйдут в мир. Завороженный, он следил за тремя волчатами, за тем, как они играли, боролись и исследовали окрестности. Когда Дром услышал их первый детский вой, ему пришлось прикрыть рот рукой, чтобы сдержать восхищенный смешок. Подросток видел, как волчата превращаются в охотников, и учился их повадкам, выбрав "своим" самого свирепого из выводка. И в конце концов он сделал то, что должен был сделать каждый мужчина племени - вызвал на бой и одолел своего брата-волка.

Дром поднял руку и погладил серебристый мех, охватывавший его плечи. Он не сомневался, что дух умершего волка не питает к нему никакой вражды. Таков был закон стаи: славу дарил либо достойный противник, либо честно добытая жертва. Разве после трудной охоты те же волки не воспевали равно охотника и жертву?

И словно эхом его мыслей в ночи раздался долгий жуткий вопль; он постепенно набрал силу и затем смолк.

Огромный орк одобрительно хрюкнул: - Поющая смерть. Хороший знак. Охота будет доброй.

- Охота на баб, - с отвращением произнес Барсук. Но вместе с этими словами он вытащил из-за пояса свой длинный нож и голодным взглядом окинул кровь, запятнавшую лезвие.

Дром его понял. Эльфийка осталась жива, и старого охотника злило, что он вынужден спокойно сидеть у костра, пока ее кровь высыхает на его клинке. И хотя в голосе Барсука звучало презрение, Дром никогда в жизни еще не видел, чтобы женщина сражалась так яростно и умело. Уже одно то, что Барсук смог пробиться к ней и оставить свою метку, было в глазах Дрома лучшим доказательством воинских умений старого бойца.

- Ее крови искали многие. Сегодня ночью их будут клевать вороны, - заметил Дром.

Барсук обиделся, не уловив скрытый комплимент.

- Ты, наверно, хочешь умереть от старости?

Это было самым грубым оскорблением, которое один Коготь Малара мог нанести другому. Но, несмотря на молодость Дрома, он был слишком мудр, чтобы ответить на вызов человека.

- Если я доживу до твоих лет и сравняюсь с тобой в количестве убийств, то буду считать себя настоящим охотником, - сказал он спокойно.

На лице Барсука появилось удивление, сменившееся довольным выражением: - Может быть тот эльф достанется тебе.

Из уст человека это была высшая похвала.

- Я буду хорошо охотиться, - пообещал Дром.

Трое из них расположились вокруг костра, чтобы рассказывать истории о былой славе и дожидаться появления луны.

Нападение на эльфийскую деревню было внезапным и ужасным. Они ворвались в поселение со всех сторон, подобно стае волков, обкладывая одинокого оленя. В считанные мгновения, которых элфу хватило бы на то, чтобы надеть сапоги или поцеловать любимую, веселье весенней ярмарки вдруг превратилось в кровавый ужасающий кошмар.

Никто из эльфов и на секунду не усомнился, что бой идет за саму жизнь. То был не случайный набег банды грабителей, польстившихся на деревенские сокровища. Символ Малара - окровавленная звериная лапа - красноречиво свидетельствовал о намерениях орков и северян, заполонивших деревню, а равно и о доле, ожидающей эльфов и торговый караван, случайно очутившийся на пути Великой Охоты.

Однако в караване оказалось немало опытных бойцов, чьи мечи были оплачены золотом, а преданность - подкреплена мрачной репутацией их нанимателя. Элайт Кроулнобар, лорд лунных эльфов, сражался среди своих наемников, превосходя умением многих из них.

Уже больше двух десятков орочьих и человеческих псов пало под лезвиями его мечей. Элайт убивал животных с губительной эффективностью, хотя в другое время он предпочел бы, чтобы его противник умер медленной смертью, а еще лучше - остался бы изуродованным и обреченным на долгую бесславную жизнь без малейшей надежды на новую охоту.

Но времени для этих игр у Элайта не было. Эльфы безнадежно уступали в численности своим противникам и, несмотря на все свое мужество, умирали быстро и ужасно. Уже спустя несколько мгновений после начала схватки Элайт знал, что она проиграна. На древнем языке он выкрикнул приказ эльфийским воинам - отступить к лесу, рассеяться и уходить.

Ему подчинились - все, кроме одной. Эта женщина-полуэльф стояла спиной к спине с наемницей - широкоплечей северянкой, сражавшейся яростно и умело. Женщины сообща прикрывали подножие огромного кедра, сдерживая сужающийся круг охотников Малара и тем самым давая шанс нескольким раненым подняться в безопасность древесной кроны.

Уже позже, после боя, Элайт понял, что ничего другого ожидать и не приходилось. В делах чести и отваги немногие могли сравняться с Эрилин, и никому

другому он не доверил бы защищать свою спину с большей радостью. И ни к кому другому он не питал большей верности.

И он пришел к ней на помощь. Выхватив из сапога нож, Элайт метнул его. Блестящее лезвие крутнулось в воздухе и вошло глубоко между плеч орка, наседавшего на Эрилин. Элайт не стал ждать, пока тот упадет.

Он вновь обнажил мечи и ринулся на кольцо воинов, расчищая путь к женщинам. Почти добравшись до полуэльфийки, Элайт резко присел и умелым взмахом подрезал коленные сухожилия воинов, теснившихся с другой стороны от женщин. Падающие тела на мгновение прикрыли эльфа, он вогнал мечи в ножны и бросился к Эрилин. Уйдя от удара орочьего топора, Элайт нырнул под взмах меча полуэльфийки и с размаху ударил Эрилин кулаком в скулу. На бегу взвалив оглушенную женщину на плечо, он помчался прочь с зажатыми в кулак ингредиентами заклятья Облака пыли.

Последнее, что он успел увидеть убегая, было копье, летящее в наемницу, сражавшуюся бок о бок с Эрилин. Северянка была настоящим воином и даже не вскрикнула, а лишь коротко хрюкнула, как свинья под ножом, когда лезвие вонзилось ей между ребер.

Эрилин дернулась, услышав этот звук, но Элайт сдержал ее порыв, который в другое время наверняка был бы сопровожден отчаянной эльфийской бранью. Однако в этот раз Эрилин смолчала и не стала сопротивляться, так что вскоре они с Элайтом оказались в безопасности.

И теперь, пока луна еще не взошла и безопасное укрытие дало возможность эльфу передохнуть, он обнаружил подлинную причину столь несвойственной Эрилин покорности. Он опоздал на считанное мгновение, на полудара сердца - полуэльфийку ранили. Ее рука была вся в крови, обильно струившейся из длинной и глубокой раны, тянувшейся от плеча и почти до локтя. Кровь была и на лбу - когда беспомощная Эрилин лежала на плече Элайта, кто-то из орков нанес скользящий удар ей по голове. На лице набухал лиловый синяк. Лунный эльф захолопотал над Эрилин, попутно проклиная себя, богов в целом и Малара в частности.

Эрилин отложила меч, который все еще сжимала в руке (рана должна была быть много хуже, чтобы заставить ее бросить оружие), и позволила Элайту уложить себя на упавшее дерево. Голубые с золотом глаза горели гневом на ее чересчур бледном лице.

- Простите, что ударил вас, принцесса. Я прежде всего думал о вашей безопасности и не нашел другого способа вас оттуда увести.

Она нетерпеливо отмахнулась: - Ты бросил своих наемников на смерть.

Эльф пренебрежительно пожал плечами. - Они люди.

- И я тоже наполовину человек, - резко ответила Эрилин.

- Ты сейчас только наполовину жива, - заметил Элайт. И хотя это прозвучало мрачной шуткой, правды в словах было больше, чем Элайт привык себе позволять. Он положил на плечо упрямой воительницы руку, чтобы не дать ей встать, и опустил перед ней на колени. Вытащив нож из ножен на запястье, эльф аккуратно срезал пропитанную кровью ткань рубахи.

Когда Элайт осмотрел рану, невидимый кулак, который сжимал его сердце начал расслабляться. - Все не так плохо, как я опасался. Важные кровеносные сосуды

не повреждены, и, кажется, серьезных повреждений мышц тоже нет. Тем не менее, я очищу и зашью рану.

Эрилин кивнула, отмахнувшись от куска кожи, который Элайт предложил ей, чтобы сдержать стоны. Плотно сомкнув зубы, женщина пристально следила за лесом, пока эльф обрабатывал рану.

- Вон там - ручей. Можно пройти по нему, затем перебежка - и на деревья, а после снова к ручью. Повторим это два-три раза, сделаем несколько цепочек следов и уйдем по ручью до какого-нибудь из его рукавов - тогда даже малариты не смогут выследить нас.

План был хорошим, и при более благоприятных обстоятельствах он может бы сработал. - Но как долго ты сможешь продержаться в таком темпе?

Эрилин повернулась и встретила его глаза. - Столько сколько придется.

Элайт не сомневался, что она попытается. - И если нас догонят, ты будешь сражаться?

Она подняла плечи, как будто предлагая ему говорить по существу.

Лунный эльф вздохнул. Пускай она и была лишь полуэльфийкой, Эрилин в полной мере унаследовала решительность и упрямство от своей матери, принцессы эльфов. Элайт был верен ей и как эльфийский лорд дочери принцессы, и как эльф эльфу. И все же временами - такими, как сейчас - ему хотелось просто задушить Эрилин. Элайт считал, что именно такой вот традиционный эльфийский подход к жизни уже привел к упадку расы, а его с Эрилин приведет к смерти.

Пришло время для новой тактики.

Острые глаза Элайта пристально разглядывали лес. Ниже по течению, лань опустила морду в темную воду.

Медленная, хитрая улыбка изогнула губы эльфа. - К ручью, быстро, - согласился он. - Охота начнется всерьез с восходом луны.

Вой все нарастал, наполняя жуткой музыкой окрестные леса. Гримлиш поднялся и принялся осматривать рогатый шлем и снаряжение. То же сделали и остальные. Вскоре луна должна была подняться, и волчья песнь возвещала ее приход столь же ясно, как крик петуха - зарю.

Внезапно Барсук замер. Он глухо восхищенно выругался и потянулся к самому длинному из своих ножей. Дром проследил за взглядом мужчины. В тени молодой сосны стоял крупный серебряный волк. Янтарные глаза следили за охотниками с напряженным интересом.

Забыв о своем месте в этой стае, Дром придержал руку старого охотника. - Он не станет нападать.

Но даже говоря это, Дром чувствовал сомнение. Волки были существами непредсказуемыми, и поведение их было слишком загадочным и сложным, чтобы его мог понять кто-то из людей. Для робких, словно овцы, деревенских жителей волк был жадным чудовищем. Лесничие, друиды и прочие подобные им дураки впадали в другую крайность - они романтизировали волка с его благородным сердцем, не тронутым проклятьем рода человеческого - жадностью и непостоянством. Волк,

утверждали они, бескорыстно улучшает породу своих жертв, вырезая слабых, старых и немощных. Дром с презрением относился к обеим точкам зрения, и вовсе не потому, что они были полностью ложны - крупица правды была в каждой - но потому, что и та, и другая были неспособны объяснить подлинный дух волка - или Волчьего народа, искавшего и находившего вдохновение в Поющей Смерти. Четыре зимы тому все оленята в деревенском стаде попросту исчезли, хотя еще весной телки были стельны и поздних заморозков не случилось. Всё объяснили волчьи следы - на протяжении многих недель стая питалась почти одной лишь оленьиной. И даже несмотря на это убили они гораздо больше животных, чем могли съесть. Дром, как и все жители деревни, страдал всю следующую зиму от недостатка пищи, однако вместе с тем он узнал, что даже самым практичным северным волкам не чуждо чистое торжество охоты и радость убийства.

Короче говоря, кто мог знать, что таинственные цели скрывались за янтарными глазами волка?

Барсук отбросил руку полуорка. - Нападет? Конечно не нападет. Волки очень умные. Он один, а нас - трое. Поэтому он убежит. Но если бы мы смогли поймать его, это было бы прекрасное убийство.

- У нас другая добыча, - отметил Гримлиш. - Давайте отправляться.

Охотники быстро включились в ритм ходьбы большого орка. Идти по следу было до нелепости легко - женщина оставляла за собой заметную кровавую дорожку. Дром представлял себе эльфийку со странной смесью предвкушения от встречи и благоговейного страха. Вот это будет действительно прекрасное убийство!

Она была высокой, с дикой копной черных волос и горевшими голубым пламенем глазами. Многие из Когтей Малара пали под ударами ее меча. И даже когда стало ясно, что сопротивлению конец и смерть близка, полуэльфийка не ушла с поля боя. Так бы она и билась там, если бы не вмешался серебряновласый эльф с неистовым соколиным взглядом. Пущенное им заклинание - вспышка света и облако жалящей пыли - заставило Когтей на миг отступить, и это дало эльфам возможность уйти с поля боя, но следов их волшебство скрыть не смогло.

Кровавый след становился все незаметней, но Когти не теряли его из виду. То багровый мазок на ветке с молодыми листьями, то - глубокий отпечаток мужского сапога во мху. Обычно эльфы оставляли после себя гораздо менее заметные следы, но этот мужчина вынужден был по-прежнему нести спутницу на себе.

И все это время за охотниками следовал большой волк, чей серебристый мех отражал свет луны. Барсук поглядывал на него все более нетерпеливо, однако Гримлиш не позволил бы мужчине напасть.

- Волк - это знак, - настойчиво повторял орк, - а может даже наш дух-проводник.

Барсук сплюнул. - Волк - это волк. Кто может сказать, что он нас не испытывает?

В словах мужчины была своя правда. Волки часто испытывали свои жертвы - в течение долгих часов преследовали их, устраивая пробные выпады и отступая, если противник казался слишком опасным. Пожалуй, лишь одно из пятидесяти волчьих нападений заканчивалось смертью жертвы.

- Нас трое, а волк один. Может, это ты собираешься умереть от старости, - холодно сказал Гримлиш. Его презрительный взгляд, брошенный на человека, заставил Барсука угрюмо замолкнуть.

Тропа уводила их все глубже в лес, мимо упавшего дерева к весело бежавшему ручью. Здесь эльфы остановились - вероятно, чтобы остановить предательское кровотечение. Отпечатков мужских сапог больше не было, что означало, что эльф снова пошел налегке. Женщина же заметно ослабела и шла шатаясь. На ветках и листьях были заметны следы крови, оставить которые мог лишь эльф, окончательно потерявший осторожность из-за боли.

Она не ушла далеко. Всего лишь в сотне шагов женщина рухнула в кустарник - сломанные ветки красноречиво свидетельствовали об этом. И снова кровь.

- Рана открылась, - пробормотал Дром.

Но Барсук не был так уверен. - В одиночку мужчина мог бы выжить. Но оставаться с женщиной означало неминуемую смерть. Но достаточно ли он умён, чтобы знать это, и достаточно ли безжалостен, чтобы воспользоваться этим знанием?

- Похоже, что нет, - сказал, опустившись чуть поодаль на колени, Гримлиш. Он разгреб полуистлевшую прошлогоднюю листву и под ней, на влажной весенней почве обнаружил четкий отпечаток эльфийского сапога. Мужчина снова взвалил на себя свою ношу.

Следы вели к воде - уловка была столь примитивной, что даже не слишком опытный в таких делах Дром презрительно фыркнул. В нескольких шагах вниз по течению след заканчивался. Рядом с ручьем возвышался древний дуб с обнаженными корнями, земля из-под которых была вымыта поднимавшейся водой. Видно было, что кто-то поспешно разрыл здесь землю, а затем засыпал яму.

Барсук сплюнул: - Эльфийский могильник. Нет больше бабы.

Дром не разделял его уверенности. Он стал обходить окрестности ручья в поисках продолжения следов. Едва заметные, они вскоре нашлись - влажный контур эльфийского сапога на сухом камне. - Здесь они продолжают. Но тут прошел только один эльф. Однако второй мог пойти дальше по деревьям. Может быть этот могильник - обманка. Может, оба эльфа живы и собираются дать нам бой: один - напасть открыто, а второй - с тыла. Да, обычно эльфы так не поступают, но план стоящий.

Дром хотел продолжать, но замолчал при виде приблизившейся к ним серебристой тени. Припав брюхом к земле и прижав к голове уши, волк настороженно подкрался к охотникам настолько близко, что любой из них мог его ударить. Только теперь Дрон заметил выступающие ребра зверя и его покорную позу. Волк был голоден и охотился один. Всем своим видом он умолял более сильных, человеческих членов стаи дать ему разрешение поесть.

Юноша отступил назад и жестом предложил спутника сделать то же. Поняв, что на учуянное им мясо никто не претендует, волк принялся разрывать землю у корней дуба.

- Остался один эльф, - заключил Гримлиш, развернувшись, чтобы вновь идти по следам.

Преследование было очень долгим. Эльф шел хитро - то ручьем, то по земле, то поднимался на деревья, то спускался с них. Причудливый узор его следов не раз заставлял охотников кружить по лесу. Они шли ночь напролет, пока луна наконец не зашла и лес стали наполнять первые проблески зари.

Волк догнал охотников уже поутру. Серебристая шерсть его морды была вымазана в крови. Сытый и довольный, он мягко трусил за людьми, как полноправный член этой стаи, все своим видом выражая желание принять участие в убийстве новой жертвы. Это определенно забавляло Барсука, не вспомнившего больше о шкуре зверя.

Дрому же, к его собственному удивлению, этот волк по-прежнему не давал покоя. Всю свою сознательную жизнь он почитал волчью породу, считая одним из главных ее достоинств умение приспосабливаться. Дром считал, что понимает животных не хуже, чем любой другой орк или человек, однако в янтарном взоре этого зверя скрывались такие тайны, саму природу которых юноша понять не мог.

Но мысли эти отступили, когда следы наконец закончились. Три Когтя замерли в изумлении при виде своей жертвы.

На лесной поляне стояла изготавившаяся к схватке одинокая фигура. И это была женщина, а не сребряновласый эльф. Раненая рука перевязана, а на лбу - еле заметный шрам, которого совсем недавно еще не было: явный знак мощной лечебной магии. Эльфийка извлекла свой меч и со свистом рассекла им воздух. Стремительность и мастерство движения свидетельствовали о ее готовности сражаться лучше любых слов.

Барсук выругался, извлекая из-за пояса клинок - тот самый длинный нож, которым он сумел пометить эльфийку. Чуть присев, он начал обходить женщину, не вступая в пределы досягаемости ее меча. Он испытывал своего противника, делал выпады, чтобы оценить размах ударов, их силу и скорость. Прочие Когти выжидали, давая Барсуку возможность измотать эльфийку. Волк тоже замер, усевшись чуть поодаль.

Однако Гримлишу смотреть на эти игры быстро надоело. Он опустил свое копье и пошел в атаку. Эльфийка изо всех сил ударила мечом по древку оружия. Сила удара была такова, что копье орка ушло вниз и вонзилось в землю. Однако Гримлиш уже не мог остановить свой разбег - и древко согнулось в его руках как лук. Орк отпустил свое оружие за мгновение до того, как изогнувшийся шест поднял бы его в воздух над эльфийкой. Копье подпрыгнуло, дрожа как деревце в грозу - а Гримлиш упал навзничь, и все же меч эльфийки успел глубоко полоснуть его грудь.

Барсук нанес стремительный и смертельный удар. Эльфийка с невероятной скоростью развернулась и отбила его. Ударом сапога под ребра она заставила охотника согнуться вдвое, и прежде, чем Барсук успел опомниться, над ним взлетел меч. Украшенная татуировками лысая голова охотника покатилась в лес, а тело рухнуло на влажную землю.

Но эта победа обернулась для эльфийки поражением. После такого мощного удара ее рана вновь раскрылась, и ткань повязки стала такой же багровой, как уши на ожерелье Гримлиша. Почувяв скорую победу, раненый орк выхватил пару длинных ножей и стал приближаться к женщине, шипя на Дрома, чтобы тот отошел и отдал это убийство ему.

Внезапно Гримлиш дернулся, мощная спина изогнулась, а руки разлетелись в стороны. Свет утра заиграл на драгоценных камнях, усеивавших рукоять ножа, вошедшего глубоко между лопаток орка. Эльфийка сделала шаг вперед и провела лезвием своего меча по горлу Гримлиша.

В этот момент Дром вдруг понял причину не оставлявшего его чувства неуверенности. Его с товарищами провели.

Приведшие их к могильнику следы крови были фальшивкой, и они могли раскрыть этот обман, если бы не волк. Эльф действительно нес что-то на себе, а потом закопал свою ношу под деревом - но это было отнюдь не тело эльфийки.

- Это была лань, - в раздавшемся за спиной Дрома мелодичном эльфийском голосе сквозил черный юмор. Прежде еще, чем юноша успел пошевелиться, сильная рука схватила его за волосы, а на горло плотно легло отточенное лезвие ножа.

Дром понял, что умрет быстро, как того и заслужил. Однажды он надел на себя мех убитого им волка в знак уважения к животному, в знак своего желания стать на него похожим. Эльф смог уподобиться животному гораздо лучше. Зная секреты волшебства, он навел на Дрома с товарищами морок, представ перед ними в виде волка, и доказал тем самым свое превосходство как охотника.

- Постой, Элайт, - произнесла эльфийка, баюкая раненую руку и с неодобрением глядя на подкравшегося к противнику со спины эльфа. - Он же еще мальчишка.

Мужчина холодно возразил: - Мальчишка? Этот мальчишка убил деревенского старейшину и срезал у него ухо. Если его возраст не мешает убивать других, то и нам он не помешает убить этого орочьего ублюдка.

И все же эльфийка колебалась: - Но сзади, из-за спины? Такой поступок не в правилах эльфов.

- Это в правилах волков, - вмешался Дром, и продолжил ровным голосом - Я оказался слабее и готов умереть.

Взгляд эльфийки скользнул по лицу Дрома и вернулся к эльфу, стоявшему у него за спиной. Взор голубых глаз светился мудростью.

- Он хочет умереть, - сказала она мягко. - Остальные не примут его назад.

Воцарилось молчание. Мужчина не ослабил своей хватки и не убрал ножа от горла Дрома. Юноша всем нутром ощущал его нерешительность и разочарование.

Затем нож поднялся от горла и опустился к его правой руке. Эльф глубоко рассек ее, повторив рану, нанесенную Барсуком эльфийке - но только эта была гораздо глубже, лезвие прошло по мышцам. Подобные увечья оставались навсегда. Дром не издал ни звука и тогда, когда эльфийский нож вспорол его левый сапог, разрезая плоть ноги над лодыжкой. Юноша осел на землю, утратив возможность стоять и навсегда лишенный возможности охотиться.

Глаза эльфийки полыхнули яростью. - Ты хоть представляешь, что с ним сделал? Да большим благом было бы убить его на месте!

Элайт обернулся и с удовлетворением взглянул на поверженного охотника своими по-волчьи желтыми глазами. - Пожалуй, ты права, - произнес он мягко, а затем вновь развернулся и растворился между деревьями.

Женщина медлила, а затем потянулась к сумочке у пояса и подошла к Дрому. На землю рядом с ним легла лечебная мазь и моток ткани с торчащей из него костяной

иглой. Благодаря всему этому Дром мог залатать свои раны и - кто знает? - даже остаться в живых.

Но нужно ли было ему это?

- Умнейшие из волков, хитрейшие из охотников умеют устанавливать для себя новые правила, - сказала эльфийка. Эти слова прозвучали с нажимом, и что-то в низком голосе женщины заставило Дрома поднять на нее глаза. - И если они очень захотят, то могут найти для себя новую и лучшую стаю.

В течение одного долгого момента полуорк с полуэльфийкой, охотник с жертвой смотрели друг на друга со взаимопониманием и уважением.

А потом женщина ушла вслед за по-волчьи хитрым эльфом.

И тут молодой охотник издал отчаянный вой, рожденной болью ран и окончательной утратой того единственного образа жизни, который он знал. Зловещий звук разнесся по всему лесу и долго затихал в утреннем тумане. Когда наконец он полностью затих, Дром вдруг обнаружил, что спокоен, и что глубинное это его спокойствие - прекрасно.

Подчиняясь не до конца еще осознанному порыву, Дром опустил руку в свою сумку, извлек мех с дубильной жидкостью и отшвырнул добытые трофеи в кустарник. Что-то в зарослях привлекло его внимание, и юноша подполз поближе.

Там, где эльфийка вступила в лес, Дром увидел сломанный сучок. А чуть поодаль - еще один. Женщина оставила за собой след - столь явный, что даже раненый неопытный мальчишка мог без труда пойти по нему. Пойти - и вновь найти ее.

Новые правила, новая стая? Неужели это было возможно?

Кончики губ Дрома изогнулись в улыбке, когда он потянулся за иглой и мотком ткани. Может и нет, но эта охота обещала быть достойной.

РАЗГОВАРИВАЯ С МЁРТВЫМИ

Первое издание в антологии «Королевства Тайн», отредактировано Филипом Этансом, июнь 1998 г.

Позвольте мне сказать вам, что нелегко скрыть тайну в мире, где секреты уступают заклинаниям, а трупы, как правило, сидят и указывают холодными, серыми пальцами на своих убийц. Жрецы могут вызвать души мертвых и заставить их ответить на три вопроса, и одним из непреложных вселенских законов является то, что мертвые не могут лгать.

Когда нашли тело трактирщика-гнома и обнаружили кинжал Элайта Кроулнобара, проткнувший его сердце, жена гнома, жрица, провела краткий, но очень публичный сеанс с духом мужа. Результаты не выглядят благоприятными для Элайта, и задача доказать его невиновность, по крайней мере, в этом конкретном случае, ложится на плечи Даниле Танну.

Солнце начало исчезать за высокими, густыми соснами Леса Плаща. Дымчато-пурпурные и розовато-золотистые цвета осеннего заката раскрасили небо над Прибрежным Трактом.

Несмотря на усталость от длительного путешествия, караван, направляющийся на юг, ускорил движение. Пока величественно едущие верхом торговцы подстегивали своих коней, а погонщики щелкали хлыстами над спинами вялых, тянущих телеги лошадей, наемники охраны вытащили свое оружие и сосредоточились на удлиняющихся тенях. Торговый путь был опасен в любое время, но ночью вдвойне. Правда, говорят, однако, что большинство караванщиков были в большем страхе от их собственного владельца, чем от какого-нибудь случайно повстречавшего чудовища или банды разбойников. Элайт Кроулнобар не был тем эльфом, к кому можно было бы относиться несерьезно. Он заявил, что они достигнут крепости к сумеркам.

- Последний холм! Крепость прямо впереди! – крикнул один из разведчиков. Новость шепотом, подобно ряби на воде, распространилась среди людей, принеся облегчение.

Данила Танн ехал позади каравана. Он наклонился и шепнул слова ободрения, в уши, повернутые назад, своей уставшей лошади. Повернутые уши были плохим знаком для животного, которое могло быть также упрямо, как и повозка с мулами. Все уже было позади, когда они, наконец, взобрались на вершину последнего холма. Завидев потенциальную конюшню, лошадь ускорила настолько, насколько это было возможно для любящего отдохнуть животного. Она была, к тому же, красива, с гладкой блестящей шкурой цвета зрелой пшеницы. У Данилы были предложения от купцов, жаждущих приобрести это впечатляющее животное, поэтому он не обращал внимания на подтрунивания других наемников. Дан чувствовал особое родство с этой лошадью. «Прелестный пони», как насмешливо звали его наемники, был не тем, чем казался на первый взгляд. Он без сомнения был умнее самого сообразительного коня, с которым Данила сталкивался, и совершенно бесстрашен в бою. Его семенящая поступь могла заменить биение сердца во время пыла страшной битвы. По мнению Дана, лошадь была достойна седока-паладина, если бы не эта преданная натура и эта непреклонное упрямство – обе эти черты Дан понимал очень хорошо.

Он похлопал лошадь по спине и повернулся к своему спутнику последних четырех лет, высокая, стройная фигура которого была завернута в темный плащ, такой же какой носят крестьяне. Он ехал верхом на костлявой, серой в яблоках кобыле. Рост всадника, его седло и поношенные ботинки предполагали молодого человека незнатного происхождения, привыкшего к дороге. Это была тщательно созданная иллюзия, как знал Дан. Возможно, эта иллюзия и была необходима, но он все больше уставал от нее.

Данила поравнялся со своим товарищем и сдернул капюшон его плаща. Свет заката упал на утонченное эльфийское лицо с длинным подбородком, черными кудрявыми волосами и большими голубыми глазами, миндалевидной формы, с золотыми прожилками. Эти удивительные глаза опасно сузились, как только остановились на нем. Эрилин была полуэльфом и вся его, - или Даниле нравилось так думать. К тому же она была взбешена его последней глупостью. Данила, давно привыкший к такой реакции, нежно улыбнулся.

Эрилин резко вернула капюшон на место.

- Что, во имя Девяти Кругов Ада, это было? – спросила она низким и злым, но музыкальным, голосом со всем возможным презрением.

- Это похоже на дни, когда я первый раз увидел тебя. Мы почти у Дружественной Руки, – сказал Данила. Он непристойно улыбнулся – Название предполагает возможности, не так ли?

Полуэльф шмыгнула носом.

- Ты забываешь разницу между нами. Бард из знатной торговой семьи может путешествовать, где бы он ни пожелал, привлекая внимание, но не вызывая подозрение. Но здесь известно, кто я!

Он прервал ее быстрым небрежным щелчком пальцев.

- Во Вратах Балдура меры предосторожности, несомненно, были обоснованы. Но я слышал гномы, которые владеют этой крепостью, восхитительные маленькие парни – беспечный народец, который накрывает отличный стол и занимается своими собственными делами. И Дружественная Рука – это, возможно, по-настоящему нейтральное место за десятидневный переход. Ничего не случится за стенами крепости, так почему бы нам не отдохнуть и не провести хорошо время?

- У нас есть дела, которыми надо заняться, – напомнила она ему.

- Я ценю, что вы отнеслись к ответственности за караван серьезно – произнес новый голос, немного ниже, но более музыкальный, чем у Эрилин, и богатый мрачным, ироничным юмором. Товарищи повернулись лицом к сереброволосому эльфу, как раз когда он в шаге от кобылы Эрилин осадил свою скачущую легким галопом лошадь. Никто из них не слышал его приближения.

Без сомнения, зачарованные подковы, подумал Данила. Он знал, что Элайт Кроулнобар питал нежность к магическим предметам, и получал страшное удовольствие в накоплении вокруг себя подобной защиты. Кроме того, эльф ценил информацию. Хотя Элайт, вероятно, дал бы Эрилин все, что бы она не попросила, Данила подозревал, что у эльфа были свои мотивы для разрешения представителям торгового дома Таннов путешествовать с его караваном. Элайт знал, что и Данила и Эрилин были Арфистами, и что члены этой секретной организации в большинстве случаев имели обязанности гораздо более сложные, чем охрана караванов.

Эрилин изобразила слабую эльфийскую улыбку и добродушным тоном сказала:

- Я исполняю все свои обязанности серьезно, – сказала она, – Очень серьезно, если даже Данила поверил этому.

В ответ на это Элайт приподнял одну бровь и прошептал фразу на эльфийском, совершенно нелестное замечание, которое не поддавалось точному переводу на Общий Торговый язык. Его губы дрогнули в изумлении, когда и Эрилин и Данила лопнули со смеху. После этого он уныло улыбнулся и пожал плечами.

- Так, бард, ты понимаешь Высокий Эльфийский. Я признаю, что тебе удалось удивить меня.

- А если бы ты знал, ты бы выбирал слова более тактично? – спросил Данила, ухмыляясь.

Элайт вновь пожал плечами.

- Скорее всего, нет.

Все трое несколько минут ехали в молчании. Что-то, что лучше всего может быть названо дружбой, начало произрастать между эльфом и Арфистами, но Данила никогда не упускал того факта, что это была очень хрупкая дружба. Они были очень разные, чтобы было иначе. Элайт Кроулнобар был Лунный эльф - искатель приключений, землевладелец и торговец. У него были разнообразные интересы, из которых только некоторые - полностью легальные, и вполне заслуженная репутация предателя, бессердечного, отважного в битве и смертельно опасного. Эрилин была полуэльфом, дочерью потерянной эльфийской любви Элайта. Она сосредоточилась на выполнении обязанностей паладина, и Данила подозревал, что она бы не позволила, чтобы их общая история и наследие остановили ее руку, если бы Элайт встал за границу закона и чести. Данила, в целом, был более гибкий в таких вещах. Он путешествовал с Элайтом, когда обстоятельства заставили их сотрудничать, и их отношения развились в осторожное взаимное уважение. Но Данила не доверял эльфу. Между ними было так много опасных секретов, так много обменов смертельными оскорблениями, обидами, что предательство просто откладывалось.

В этот момент они достигли вершины холма, и перед их взором возникла крепость. Уютно устроившаяся в широкой долине к востоку от торгового пути, это была стойкая и укрепленная твердыня из гранита. Высокая, толстая стена окружала строгий замок, достаточно большой двор и множества других строений. Эта твердыня, которая когда-то была цитаделью волшебников, была сейчас придорожным постоянным двором, а содержали и управляли ею клан гномов.

Массивная опускная решетка поднялась с механическим скрипом - верный знак изобретения гномов, заметил Данила. Большая часть крепости была заселена простым народом, главным образом, занятым содержанием замка. Пару лет назад несколько гномов с острова Лантан поселились в Дружественной Руке, принеся с собой поклонение Гонду Чудотворцу и соответственно любовь к механическим изобретениям, которые часто были забавными и изредка полезными.

В этот момент поднимающая цепь заскользила, и острая железная решетка начала опускаться вниз. Один из людей приблизился к воротам, завопил и упал со своей лошади. Он уткнулся носом в землю и откатился в сторону как раз, когда решетка резко остановилась, всего в нескольких дюймах от его макушки. Это вызвало смех и грубые жесты у других членов каравана, но Данила заметил, что они все проехали через ворота с большей осторожностью, чем обычно.

Внутри крепостных стен царил хаос. Твердыня была домом более трех-четырех десятков гномов. Любящий холмы маленький народец спокойно проходил под брюхом высокой лошади Данилы. Большинство гномов, казалось, были заняты погрузкой товаров на подводы, отводили лошадей в длинные, низкие конюшни, направляли телеги под навесы, или суетились внутри и снаружи маленьких строений, теснящихся вокруг нескольких узких аллей, которые заполняли покрытый травой внутренний двор Дружественной Руки.

Данила воспользовался случаем понаблюдать за этим необычным кланом с близкого расстояния. Они были немного похожи на dwarфов, хотя несколько ниже и значительно менее грубые, чем их живущие в горах родственники. Мужчины-гномы носили короткие, опрятно подстриженные бороды, а женские лица, непохожие на

бородатые лица дварфских женщин, были гладкими и розовощеками. У всех гномов были маленькие голубые глаза, крохотные уши, чрезвычайно длинные носы, и кожа, которая подражала всем коричневым краскам леса, от серо-коричневого цвета сумеречного дерева до выветренного оттенка старого кедра. Они предпочитали оттенки леса и в своей одежде. Большинство из них носили одежду, окрашенную в коричневатые и зеленоватые цвета с добавлением цветов осени.

Они были, несомненно, трудолюбивым народом. Во дворе каждый шаг был занят или лошадью или телегой, но гномы управляли кажущимся хаосом с легкостью, порожденной долгой практикой. Направляющийся на север караван прибыл не задолго до каравана Элайта и южане еще были заняты защитой своих товаров перед наступлением ночи. Купцы выкрикивали приказы своим слугам на полудюжине южных диалектов. Несколько смуглых наемников слонялись без дела, или стояли, прислоняясь к стенам, и определяли количество вновь прибывших на предмет развлечения вечером. По опыту Данилы, это всегда было так. Дорога была долгой, и путешественники всегда были охочи до новой истории или песни, некоторые соревновались в метании дротиков или играли в кости, или состязались на оружии, или просто болтали. Большинство наемников из обоих караванов уже ушли в большой холл таверны замка, шум, доносящийся из открытых дверей, был вполне красноречивым.

- Мы присоединимся к веселью? – спросил Данила товарищей. Он передал поводья своей лошади мальчику-гному, вместе с пригоршней медных монет – и затем скользнул рукой вокруг талии Эрилин.

Она отступила от его случайного объятия и послала ему предостерегающий взгляд из-под своего капюшона.

- Предполагается, что я твой слуга, помнишь? – напомнила она – Узнай, что сможешь, в большом холле, пока я поговорю с главным конюхом.

Молодой бард разочарованно вздохнул, но у него не было аргументов против логики Эрилин. Он кивнул и отошел на шаг в сторону, как раз преградив дорогу неустойчиво шагающему коренастому темноволосому мужчине. Времени вернуться не было – они столкнулись с глухим звуком.

Тяжелый, насыщенный аромат нескольких незнакомых ликеров волной исходил от человека. Данила поймал его за плечи, поставив прямо, затем оттолкнул на длину руки – после всего, он мог не быть таким осторожным. Человек был незнаком ему: несомненно, южанин с напоминающим клюв носом под кажущейся единой длинной бровью, огромными усами и почти такой же коричневой кожей как у гномов. Он казался достаточно безобидным. Видимого оружия у него не было, а его богатая одежда наводила на мысль, что это скучающий купец, чья мысль была только о том, как смыть пыль долгой дороги с изобилием крепких спиртных напитков.

- С вами все в порядке? – вежливо спросил Данила – Может, вызвать вашего слугу, чтобы он помог вам дойти до вашей комнаты?

Мужчина пробормотал что-то нечленораздельное и вырвался. Дан проследил за его шатанием, затем мельком взглянул на Эрилин и был удивлен ее реакцией. Она спряталась в тени между двумя маленькими зданиями и припала на одно колено. Ее

рука в перчатке сжимала метательный нож, держа его за кончик и приготовившись к броску.

- Я знаю этого человека, - объяснила она, убирая нож обратно в сапог, - Еще хуже то, что он знает меня. Он был вместе со мной в гильдии убийц в Зазесспуре.

Данила горячо выругался и увлек Эрилин в тень. Вместе они вжались в узкую, по размеру гномов, аллею.

- Хорошо, по крайней мере, это подтверждает, что мы на правильном пути, - сказал он негромким мрачным голосом. - Я предпочел бы, что это скорее случайное совпадение, что наемный убийца из Зазесспура появился в такое особенное время, но мой опыт подсказывает, что совпадения это редкая вещь - конечно, если это не селгаунтская опера.

Эрилин согласно кивнула и сказала:

- Я найду, кто послал его.

Данила проглотил протест, который был первым его порывом. Как Арфисты, они играли различные роли, и они хорошо работали вместе. Он, может быть, ненавидел идею Эрилин действовать против тренированного убийцы, но он не видел другого способа, кроме этого. Она провела много месяцев в роли убийцы в Тезире. Конкуренция между рангами были жестокими и смертельными даже в лучшие времена, и она покинула гильдию не при благоприятных условиях. Это было преимущество Эрилин - выбрать время и место для неизбежного боя. И она была права: они должны были знать, чем вызвано присутствие убийцы в нейтральной крепости. Даже если цель убийцы была не той же, что у Арфистов, никто не нарушит мир Дружественной Руки, в том числе из-за крупной выгоды или необходимости в подстроенной трагедии. Сделать так, значило бы закрыть двери крепости перед обидчиком на всю вековую память гномов. Это было строгое наказание в этих беспокойных землях, которые в течение многих лет заявляли о себе как о действительно нейтральном месте.

Однако изменения витали в воздухе. Казалось, бесконечные гражданские войны внутри Тезира шли к концу. Заранду Стар провозгласили королевой в городах Зазесспура, и она была на пути к утверждению своей власти по всей стране. С этой целью, она готовилась к браку по расчету с последним известным наследником королевского дома Тетира. Но существовала фракция, которая пользовалась контролируемым хаосом с пользой и которая не была предрасположена к миру в этих землях. Когда Арфисты узнали, что возможен поединок за трон Заранды, далекой родственницы будущего короля и, таким образом, возможной невесты, они предвидели беду. Данила и Эрилин были посланы найти молодую женщину и доставить ее в безопасные южные земли до того как кто-нибудь еще сделает ее пешкой в возобновленной борьбе... кто-нибудь, кто может послать убийцу вернуть или избавиться от ни о чем не подозревающей девушки.

Да, заключил Дан угрюмо, у Эрилин нет выбора, кроме как встретиться лицом к лицу с убийцей.

- Будь осторожна - прошептал он. До того, как она могла запротестовать, он нежно, кончиками пальцев приподнял ее лицо для долгого и глубокого поцелуя.

- Ты знаешь как лучше отвлечь меня перед боем, - сказала она, попытавшись изобразить строгость, но не вполне преуспев в этом.

Данила тихо засмеялся.

- Я приму это как комплимент.

Он повернулся и быстрым шагом направился в замок, его поведение было гораздо более беззаботным, чем его настроение. Перспектива комфортного вечера и беседы была мало притягательна, но это была роль, которую он играл, и он заботился о своей части не менее четко, чем Эрилин.

Поскольку это был его первый визит в Дружественную Руку, он с интересом рассматривал все вокруг. Большой холл был отделан как таверна. Длинные столы и прочные деревянные стулья были в беспорядке расставлены вокруг, некоторые из них - размером с гномов, другие предназначались для удобства более высоких путешественников. Дикий кабан жарился на вертеле в гигантском очаге, а выпускающий пар чайник и пахнущее травами и овощами блюдо из тушеного мяса грелись на тлеющих углях вдоль обеих сторон очага. Воздух был густой от благоухания свежего хлеба и хорошего, кислого эля. Несколько молодых девушек медленно двигались по комнате, переноса подносы и пивные кружки.

Следуя скорее привычке, чем предпочтению, Данила заскользил оценивающим взглядом по ближайшей официантке. Она была молода, не многим больше двадцати, и боги одарили ее пышными волосами и, несомненно, впечатляющими формами. Первые были распущены и ниже подчеркивались туго затянутым алым корсетом поверх сорочки, спадающей с плеч. Ее юбка заканчивалась на несколько кокетливых дюймов выше лодыжек, а черные глаза осматривали комнату. Они засветились алчным блеском, когда остановились на богато одетом новоприбывшем посетителе.

Официантка непринужденно продолжала движение в сторону Данилы. Проходя мимо торговца, она в подходящий момент столкнулась с Арфистом, изобразила извиняющуюся улыбку, затем наклонила свою голову и косо посмотрела на него сквозь опущенные ресницы.

- Что вам принести, милорд?

- Убила, весьма правдоподобно, - сказал он спокойно, размышляя, попадет ли ему от полуэльфийки, которая кралась в тених за пределами ярко-освещенного холла, если он ответит на этот флирт. – Или, как минимум, серьезно ранила.

Официантка изобразила удивление, вызвав улыбку на его губах.

- Вина, будь так добра, - продолжил он, - Бутылку лучшего красного Харлуанского, и несколько бокалов.

Когда она ушла передать заказ другой официантке, Данила отыскал столик, где сидели старшины каравана с юга. До того, как он смог к ним подойти, он обнаружил, что его путь перекрыт крепким, строгим лицом белобородого гнома, чья темно-красная куртка была подобрана в тон чрезвычайно красного носа картошкой.

- Бентли Мирроршейд, - заявил гном.

Данила кивнул.

- А, да – владелец этого милого заведения. Разрешите мне

- Я знаю, кто ты, - Бентли внезапно сорвался на грубый тон, - Слухи ходят. Здесь не сражаются ни оружием ни магией. Оставь оружие у двери. Софи завяжет узел мира на твой левый палец и твою португую.

Данила содрогнулся.

- Кажется, я никогда не искуплю то происшествие в Сталварт Клубе.

- Никогда не слышал о таком, - гном кивнул на девушку, которая встретила Данилу ранее. Она выудила тонкую полоску кожи из своего кармана и ловко закрепила ее на руке барда. Пока она работала, Данила осматривал комнату и заметил, что он был не единственным объектом такой меры предосторожности: все известные маги были с узлами мира, и каждый обязательно оставлял оружие у двери.

Данила подошел к столу капитанов-торговцев. После представления, он налил первую из нескольких бутылок хорошо-выдержанного вина, и стал слушать течение беседы. Хотя купцы говорили очень много, они мало говорили о деле.

С наступлением ночи, Данила обнаружил, что его глаза с возрастающей частотой обращаются к двери. Его товарищи путешественники медленно входили небольшими группами, как только их обязанности были закончены, и караван и его товары были защищены. Элайт был одним из запоздавших. Данила с интересом заметил, что эльф завязал узел мира. Немного людей знали о значительных магических способностях лунного эльфа. Эти гномы, несомненно, достигли желаемого результата – хотя Дан подозревал, что у Элайта было много скрытого оружия. Проницательность гномов была не так уж удивительна. Дан слышал, что Бентли Мирроршейд был очень даровитым магом, специализирующимся на искусстве иллюзий.

Вечер прошел, и холл начал пустеть, гномы и их гости пытались найти свои кровати. Когда терпение Данилы достигло предела, он покинул холл в поисках своей спутницы.

Он нашел Эрилин в конюшне, чистящей свою кобылу. Она искала что-то, когда он вошел в стойло. Ее лицо под капюшоном было бледным и мрачным. Бой прошел легко для полуэльфийки. Данила никогда не видел никого, кто мог держать меч также хорошо – но убивать – нет. Каждый раз Данила чувствовал, что это ложится на нее тяжелым грузом.

- Это заняло много времени, - начал он.

- Я поджидала, пока Йозеф не остался один, - сказала Эрилин яростным тоном. - У него была встреча. С Элайтом Кроулнобаром.

Данила прошипел проклятие сквозь стиснутые зубы.

- Почему я не удивлен? Ты слышала, о чем они говорили?

- Нет, не слышала. Должно быть, он проговорил заклинание тишины или что-нибудь вроде этого.

- Несомненно. Что теперь? – Дан задумался с выражением искреннего разочарования на лице, запустив руку в волосы. У него были сведения о цели Элайта в этой поездке, которая была якобы в покупке экзотических товаров из далекой Мазтики для рынков Амна. Эльф получил бы неплохую прибыль, продавая кофе, какао и сушеные овощи торговцам Глубоководья, но он также приобретал товары, которые были ограничены или совершенно запрещены: дикая магия, магические драгоценные камни, возможно даже рабов. Данила считал планы Элайта неоспоримо злыми, но он был неискривим.

- А убийца? Что он сказал о себе?

- Йозеф не был создан для беседы, - сказала Эрилин кратко.

- И он умер, я полагаю?

- Да. У него было несколько вещей, которые могут помочь, – Эрилин полезла в сумку, которая висела у нее на поясе и взяла оттуда несколько блестящих объектов. Первый, который бросился Даниле в глаза, был тонкой работы золотой медальон на тяжелой золотой цепочке. Очень хороший искрящийся аметист размером с большой палец, глубокого розового оттенка был врезан спереди медальона, внутри которого лежал пучок тонких, черных волос.

- Амулет поиска, - предположил он, коснувшись пальцами нежного локона. – Такие мягкие волосы могут принадлежать только эльфу или ребенку. Предполагаю, что последнему. Так у нас есть не только предположение, кого убийца пришел искать, но также, кто послал его – пусть боги проклянут женщину, которая так использует своего собственного ребенка!

До того как он смог уточнить, душераздирающий женский крик прорезал ночь. Это был ужасный звук, бессловесная песня скорби. Это говорило о смерти более ясно, чем панегирик клирика и гораздо более мучительно.

Эрилин пулей вылетела из стойла, Данила последовал за ней. Они мчались через пустые холлы, по направлению к комнате, откуда слышалось бормотание голосов гномов. Широкая грудь гнома перекрыла им путь. Это был странно-выглядящий парень с волосами и кожей сочетающийся по цвету с серой грифельной доской. Данила признал в нем по описанию Гарита Хунтерстока, партнера Бентли, несмотря на то, что предводитель гномов непреклонно не пускал их, Арфисты были достаточно высокими, чтобы видеть над головами толпы.

По ту сторону комнаты Бентли Мирроршейд лежал в разливающейся луже крови. Рукоять отделанного драгоценными камнями кинжала торчала из его груди.

- Никого не впускать, никого не выпускать, - стиснул зубы гном. Он повысил голос и начал раздавать приказы. - Опустить решетку и запереть ворота! Лучники, на стены! Стрелять в любого, кто попытается покинуть крепость до того, как убийца будет найден.

Позже этой ночью Данила и его «слуга» присутствовали на мрачном собрании в холле замка. Тело Бентли Мирроршейда лежало на покрытом черным сукном столе. Свечи выстроились по линии стен, отбрасывая мрачный, золотой свет.

Толпа, расступившись, дала возможность пройти одетым в зеленые одеяния женщинам-гномам. Почтительное молчание наполнило комнату, когда Геллана Мирроршейд, высшая жрица Гарла Глиттерголда и вдова Бентли Мирроршейда, проследовала к гробу своего мужа. Она несла себя с поразительным достоинством. Ее бледное коричневое лицо было каменным, но глаза были спокойными и сухими.

Жрица прервала молчание.

- Вы собрались здесь, чтобы увидеть торжество справедливости. Не такая простая вещь, говорить с покойником, но совершенное зло не должно остаться безнаказанным.

Геллана начала говорить слова и выполнять жесты замысловатого ритуала. Данила наблюдал вблизи, заклинание не было знакомым для него. Он изучал магию с двенадцати лет у учителя не более, не менее, как у самого архимага Хелбена

Арунсуна, но магия волшебников и жрецов очень разные вещи. Несомненно, жрица была сдержана и набожна, так как полупрозрачное изображение Бентли Мирроршейда медленно обретало форму в воздухе над телом.

- Умерший должен говорить правду, - сказала Геллана мягко, - и в жизни или в смерти, Бентли Мирроршейд не сказал бы прямой лжи. Скажи нам, муж мой, кто ответственен за твою смерть.

Глаза привидения не обращали внимание на собрание. Его толстый, прозрачный палец поднялся, сместился влево и остановился на Элайте Кроулнобаре резким обвиняющим тычком.

Со времени их знакомства, Данила впервые увидел, как спокойствие покинуло эльфа. Лицо Элайта изменилось и стало пепельно-серым, янтарные глаза расширились в недоумении и неверии.

- Что это за вздор? – запротестовал он, когда смог, наконец, собраться, чтобы вымолвить хоть слово. – Я невиновен в этом!

- Молчать! – потребовала Геллана. Она взяла украшенный драгоценными камнями кинжал для освидетельствования гномом. – Этим оружием?

Призрачная голова медленно кивнула. Несмотря на серьезность случая, в котором Данила не мог помочь, он наблюдал за тем, что у духа гнома поразительные способности разыгрывать трагедию.

- А чей это кинжал? – продолжала Геллана.

- Это принадлежит эльфу, - объявил дух, - Это кинжал Элайта Кроулнобара.

Глаза Гелланы Мирроршейд жестко осматривали собрание.

- Вы слышали достаточно? Могу я освободить моего мужа и его именем приказать умертвить этого вероломного эльфа?

Раздался шепот, приведший собрание в бешенство и неистовство. Обвиненный эльф стоял один в разгневанном круге гномов, снося удары шторма обвинений и требований возмездия. Глаза Элайта смотрели ровно и спокойно, а его подбородок поднялся с эльфийской заносчивостью, как будто он смотрел в лицо смерти.

Этот жест, чисто эльфийское смешение гордости, мужества и презрения были его спасением. Данила никогда не понимал всех этих эльфийских штучек и этот момент не был исключением. Он вздохнул и быстро проговорил заклинание, чтобы добавить мощи и убедительности своему голосу.

- Подождите, - объявил он.

Единственное слово прогудело через большой холл подобно трубной ноте, и гномы неожиданно замолчали. Гарит Хунтерсток застыл с мечом, не успев убить эльфа. Данила подошел и мягко отвел клинок от горла Элайта Кроулнобара.

- Эльф заявляет о невинности, - сказал Арфист, - Мы должны, по крайней мере, выслушать его и обсудить возможность, что он говорит правду.

- Бентли Мирроршейд сам обвинил эльфа, - крикнул пронзительный голос гнома из толпы.

- Мертвец не лжет – добавил другой слабый голос.

- Это верно, - согласился Дан примирительно, - но может быть так, что другое разъяснение может объяснить обе правды. Воздействие магии закончилось, и он взглянул на Эрилин. Она стояла в задней части комнаты, с трудом различимая в тенях. - Ранее этим вечером Элайт Кроулнобар встречался с известным вором и

убийцей. Возможно, что этот человек своровал кинжал и использовал его, чтобы убить гнома?

- Это невозможно, - сказала Эрилин решительно, - Убийца был мертв до убийства Бентли Мирроршейда.

- Мертв?- спросил Гарит Хунтерсток, повернув свирепый взгляд в ее направлении, - От чьей руки?

Арфист не вздрогнула.

- От моей, - сказала она просто, - Он напал на меня, я защищалась. Вы найдете его тело за коптильной.

- А кто ты такая? - потребовал гном.

Полуэльф сняла свой капюшон и вступила в круг света, отбрасываемый камином. До того, как она смогла что-либо сказать, молодой гном, одетый в костюм цвета лесной зелени, удивленно воскликнул.

- Я знаю ее! Она Арфист, которая сражалась вместе с эльфами Тетирского леса. Если она сказала, что произошедшее жестокое убийство за коптильной было необходимо, этого для меня вполне достаточно. Если она говорит за того эльфа, я говорю, что призываю внимательно обдумать наши действия.

Дюжины выжидающих лиц повернулись в сторону Эрилин. Данила увидел промелькнувшее в ее глазах сожаление, когда она встретила пристальный взгляд Элайта, и он уже знал, что она ответит.

- Я не могу, - сказала она резко, - С другой стороны, не будет вредно подумать над этим. Лорд Танн очевидно вызвался стать адвокатом Элайта Кроулнобара. Дайте им время – два дня, например – доказать заявление эльфа о невиновности. Я знаю Бентли Мирроршейда и не слышала никаких предположений, что он хотел, чтобы кто-нибудь отказывался от честного слушания дела.

Тихое, сердитое бормотание встретило ее слова, но никто не мог опровергнуть их. Гарит Хунтерсток приказал увести эльфа и заключить в тюрьму. Остальные также покинули помещение в молчании, оставляя Геллану Мирроршейд с ее мертвецом.

Когда солнце показалось над восточными стенами крепости, Данила подошел к спиральной лестнице, ведущей к главной башне. Это было сырое, темное место, освещенное только случайным неверным светом факела в ржавой петле.

Элайт был единственным заключенным, и его камеру было несложно найти. Данила следовал за слабым светом в дальнем углу главной башни. Камера эльфа была маленькая, потолок был слишком низкий, чтобы стоять прямо. Единственной мебелью был соломенный тюфяк. Элайт был одет только в свои рейтузы и блузу, а его большие пальцы были засунуты в разные концы металлической трубы, разновидность приспособления гномов, чтобы сделать произнесение заклинаний невозможным. Он был лишен оружия, брони и магических предметов. Это все лежало во впечатляющей куче, за пределами досягаемости камеры.

Данила пристально посмотрел на блестящий запас.

- Ты действительно носишь все это оружие? Чудо, что ты можешь ходить без лязга, - восхитился он.

Ярость эльфа, пылающая в его янтарных глазах, напомнила Даниле попавшего в капкан ястреба.

- Пришел позлорадствовать?

- Может быть позже, - сказал он мягко, - Сейчас, тем не менее, я предпочел бы услышать, что у тебя есть сказать.

- И ты поверил бы мне, я полагаю?

- Я бы выслушал. Это место кажется подходящим.

Эльф долго молчал.

- Я не убивал гнома.

- Ты, конечно, знаешь, как трудно солгать мертвому, - указал Данила, - Дух Бентли Мирроршейда назвал тебя убийцей. Оружие, которым был нанесен смертельный удар – твое. Доказательства против тебя внушительные.

- И все-таки я невиновен, - настаивал Элайт. Внезапно свирепый свет вспыхнул в его глазах, - Я невиновен и ты должен найти доказательство!

- Конечно, прямо сейчас, - возразил Дан, поднимая одну бровь в гримасе, - У меня ведь есть полных два дня, в которые я мог бы решить более легкую задачку? Может быть, сворую любимую трубку Эльминстера, или обману иллитида в карты, или уговорю Эрилин потанцевать на столе в таверне?

Эльф проигнорировал очевидную иронию.

- Когда ты соглашался на условия путешествия с моим караваном, ты обещал поддержку и помощь в экспедиции.

- Только в тех пределах, в которых цель законна и праведна, - уточнил Данила.

- Что есть лучший способ выполнить это обещание, чем освободить невиновного, несправедливо обвиненного? И почему ты заступился за меня в таверне, если у тебя не было стремления доводить это до конца?

Арфист задумался над этим.

-Хороший вопрос. Ладно, давай примем аргумент, что я возьмусь за эту задачу. Обсудим мою дилемму. Даже в лучшем случае, «невиновный» не первое слово, которое приходит в голову, когда упоминается твое имя.

- Возможно, жрица гномов ошибается.

- Маловероятная возможность, но я ее уже обдумывал. Геллана Мирроршейд позволила мне проверить орудие убийства самому, - сказал Арфист – Я проговорил нужное заклинание не один, а три раза. Каждый раз результат был тот же. Кинжал, бесспорно, твой, и он действительно был использован для смертельного удара. Я, конечно, понимаю, что большинство людей едва ли считают, что мои магические способности достаточны для такой задачи.

- Помолчи, - сказал Элайт резко – Я видел, на что ты способен. Твои магические способности превышают мои. Если тебе нравится изображать глупца и дурачиться с министрелями, то это твое дело.

- Достаточно. Давай обсудим орудие убийства. Кинжал всегда был у тебя? Ты давал его кому-нибудь? Проигрывал его в кости или еще во что-нибудь?

Элайт помедлил, затем тряхнул головой.

- Я даже не заметил его отсутствия, - сказал он уныло. С мрачной ухмылкой он кивнул на кучу оружия недалеко от его камеры. – Я носил их несколько, сам видишь.

Арфист скрестил руки.

- Ситуация безрадостная, не обманывайся на этот счет. Но тебе может быть интересно, что я тоже, кажется, лишился вещи или двух. Получается, что здесь

работает очень талантливый карманник. Я столкнулся с убийцей, которого убила Эрилин, и ты с ним встречался. Ты что-нибудь соизволишь рассказать мне об этом?

- Нет

- Я не спрашиваю, - заметил Данила, - Я говорю, что этот убийца был бы моим первым подозреваемым. И, возможно, что у него был партнер.

- С этого стоит начать, - согласился эльф, - Что ты будешь делать затем? Ты исполнишь свое обещание?

- Хорошо, раз ты так выражаешься..., - сказал Данила сухо, - Но не надейся слишком. Эрилин купила для нас время, но не более.

Пристальный взгляд Элайта заколебался.

- Она верит, что я ответственен за преступление.

Арфист не отрицал. Эрилин высказала ему многое о том, что Данила защищает мерзавца эльфа. Его уши пылали от жара ее аргументов.

- Моя леди иногда более эльфийка, чем она осознает, - сказал он сухо.

Это вызвало небольшую, кривую улыбку на лице Элайта.

- Если она не могла меня поддержать, по крайней мере, она справедлива. Более, чем справедлива. Я не думаю, что мои другие наемники последуют ее примеру.

- Наемники каравана уже забрали свои доли у интенданта, и планируют выломать ворота города. Прости меня, но сложившаяся ситуация указывает на то, что справедливость может сильно опоздать.

Эльф помолчал минуту.

- Я вполне осознаю иронию моего положения, - сказал он, наконец, - но я настаиваю, что я невиновен в этом убийстве. Теперь иди и докажи это!

В это утро, позавтракав хлебом, сыром и свежим сидром, Данила завязал беседу с Эрилин.

- У меня есть два дня, чтобы совершить чудо, - пожаловался он в заключение, - Ты не могла попросить десять дней?

Полуэльфийка вздохнула и отрезала кусочек сыра столовым ножом.

- Сомневаюсь, что тебе бы это помогло. Ты знаешь Элайта лучше, чем кто-нибудь, ты знаешь, что он мог убить этого гнома. Он почти убил тебя однажды.

- Трижды, на самом деле, но к чему увертки?

Эрилин закатила глаза:

- Почему ты упорствуешь?

- Две вещи заставляют меня не отказываться: мое обещание помочь Элайту и задача, которая привела нас сюда, - сказал он спокойно.

Его спутница кивнула, соглашаясь с доводом.

- Что ты предлагаешь делать?

- Ты так не станешь действовать, - предупредил Данила, - но мы можем попросить жрицу поговорить с духом мертвого убийцы. Мы должны знать, на кого он работал и с кем он работал.

Губы Эрилин растянулись в улыбке.

- Ты знаешь, эльфы не верят, что мертвеца можно беспокоить.

- Но гномы верят. Геллана Мирроршейд может насильно отговорить нас от этого, учитывая, что она вызвала дух ее собственного мужа. Каким другим путем мы можем пойти?

- Какой-нибудь другой был бы предпочтительнее, - проворчала полуэльфийка, но Данила прочел в ее глазах и тоне капитуляцию. Он бросил несколько серебряных монет на стол в плату за трапезу и вышел из таверны вслед за Эрилин. Одна из темноволосых официанток скользнула к столу, вытерла его и прикарманила монеты. Официантки были работающими девушками, заметил Данила, узнав несколько знакомых с предыдущей ночи лиц.

Отыскать тело убийцы оказалось легким делом. Гномы просто бросили его в тележку с мусором рядом с остатками дикого кабана, который жарился для гостей прошлым вечером, несколькими куриными костями и испорченной ножкой оленины. Гномы регулярно перевозили отбросы в лес, подкармливая животных, живущих там, и возвращали свою щедрость земле. Мертвому убийце они отдали не больше уважения и не меньше.

Данила сморщил нос и взвалил на плечи мертвое тело.

- Я вижу, почему Геллана не хотела совершать ритуал на месте. Эта оленина должна была быть предана земле давным-давно.

- То же самое можно сказать о Йозефе, - возразила Эрилин, - но это другое дело. Тебе не кажется странным, что Геллана Мирроршейд сказала нам принести тело в храм?

Ее спутник тот час ухватился за эту мысль.

- Если вдуматься, да, - согласился он, останавливаясь на шаг.- Геллана Мирроршейд вызывала дух своего мужа в таверне. Почему она предоставляет большую честь человеку-убийце? Может быть, она испугалась, что чудной высокий народ, который собрался в предыдущую ночь, чувствовал бы себя неудобно в Церкви Карлика.

Губы Эрилин вздрогнули.

- Гномы назвали это Собор Мудрости. Но, возможно, размер храма объяснит причину.

Но нет. Собор Мудрости был явно работы гномов – любопытное, асимметричное здание, сложенное из камней лесного оттенка, мрамора и украшенное странными статуями и драгоценными камнями, но своды его были сделаны с учетом человеческого роста. Фактически, храм был достаточно большим, чтобы вместить всех, кто был свидетелем священного ритуала в таверне прошлой ночью. Это озадачило Данилу. Он внимательно смотрел на жрицу гномов, когда она говорила слова заклинания.

Влажный сырой туман собирался в зале и образовывал человека, который столкнулся с Данилой прошлой ночью.

- Начиная, - сказала Геллана кратко – Тщательно подбирай слова, мертвец скажет тебе не больше, чем будет вынужден.

Данила кивнул и повернулся к призраку.

- Кого ты был послан найти?

- Молодую женщину, - сказал дух неохотно.

- Какое имя дано было ей при рождении, и под каким именем она известна сейчас?

- Она звалась Изэбиа Тион. Я не знаю, как ее зовут сейчас.

Эрилин и Данила обменялись взглядами, в которых смешался триумф и беспокойство. Это действительно была девушка, которую они были посланы найти, а их противник был так близко от ее следа.

- Кто послал тебя, - спросил Данила – Если ты не знаешь имя, опиши эту личность или человека.

- Их было двое: толстый человек, который чересчур много улыбается и маленькая женщина. Она выглядела как одна из старой знати Тетира: утонченные черты, темные глаза, и изогнутый нос. Одета была в пурпурный цвет, в старом стиле.

Данила узнал Люцию Тион, агентку Рыцарей Щита, недавно изгнанную из Глубоководья за вероломство против тайных лордов, которые правили городом. Она никогда не проходила судебного разбирательства, это было торжеством частной справедливости. Она была выдана Лорду Хьюну, ее сопернику. Этот человек, несомненно, оставил ее в живых ради своих собственных целей. Леди Тион всегда выживала, находя способ обеспечить себе безопасность. У нее была тайно рожденная дочь, которая была отдана на воспитание чужим людям. Безусловно, она планировала использовать девочку и сейчас она была более подходящей невестой для королевского наследника, чем Заранда Стар, девочкой корыстно воспользуются для достижения титула. Данила предполагал два возможных результата: девушка будет принята и коронована королевой, таким образом, возрастет влияние Люции Тион и ее положение в Тетире, или от нее откажутся, но когда ее доставят к фракции, действующей против Заранды, это создаст настроения, близкие к бунту.

- Тион и Хьюн, - прокомментировал Данила Эрилин – Арфисты ошиблись, когда посчитали их достойными соперниками.

Она кивнула и с очевидным отвращением повернулась к духу человека, которого она убила.

- Какой была цель твоей встречи с Элайтом Кроулнобаром?

Дух презрительно усмехнулся.

- Деловая. Нет, не бойся обратиться с более точным вопросом – на него я отвечу с удовольствием. Цель эльфа была та же, что и моя, та же, что и ваша. О! да, он знает, что вы пытаетесь найти наследницу Тион. Он согласился взять вас с собой только по этой причине. Он использовал Арфистов в качестве гончей собаки, преследующей добычу.

- У Элайта есть шпион среди Арфистов? – потребовал ответа Данила, шокированный такой мыслью.

Дух саркастически фыркнул.

- У всякого есть шпион среди Арфистов.

Эрилин отвернулась.

- Я слышала достаточно, - сказала она коротко – Отошли его.

Жрица шепнула несколько слов и фигура убийцы исчезла. Данила поблагодарил ее и увел свою угрюмую подругу из храма.

- Мы должны поговорить с Элайтом, - сказал он

- Ты должен поговорить с ним. Йозеф сказал достаточно из того, что я могу вынести за один день.

- По крайней мере, пойди и послушай, - упрашивал он, - Ты можешь услышать что-то, что я упущу. Среди лживых ответов мы можем найти то, что нам нужно. Я уверен в этом!

- В конце концов, ты все больше чувствуешь, - сказала полуэльфика – что Элайт виновен в убийстве. Он планировал найти эту девушку, продать ее тому, кто заплатит больше. Он использовал нас, наконец. Какие еще ответы тебе нужны?

Когда они вошли в главную башню, Данила повторил Элайту все выводы, пока Эрилин смотрела на них в каменном молчании.

- Ты знаешь, ничто из этого не заставит нас понять причины твоих поступков, - заключил он – Если быть откровенным, я склоняюсь к тому, чтобы прекратить это дело.

- Ты обещал мне, - настаивал Элайт – Ты должен продолжить.

Данила вздохнул и провел рукой по лицу.

- Я знал, что ты это скажешь. Но что еще можно сделать?

- Найти девушку, - настаивал эльф – Найди ее и узнай, кто еще ищет ее. У кого есть причина видеть меня приговоренным к смерти?

- Было бы у меня больше времени, я написал бы тебе список, - сказал Данила сухо. Он взял аметистовый медальон из сумки и показал его. – Это амулет поиска, взят у твоего старого друга Йозефа. Девушки здесь нет, и мы не можем покинуть это место, чтобы искать ее в где-то еще, до тех пор, пока дело о смерти Бентли не разрешится.

- Также мы не ожидаем найти ее здесь, - сказала Эрилин, заговорив впервые, - Бентли Мирроршейд сохранял мир более двадцати лет. Он мог бы никогда не делать этого, если он втянулся в бесконечные локальные войны, но он поклялся никогда не допускать никого в крепость, кто заявит о принадлежности к Тетирианской королевской семьи. Мы предполагаем, что девушка никогда не была в Дружественной Руке.

- В самом деле? – задумался Данила – Сейчас я думаю, что это могло бы быть идеальной крышей для найденной девочки?

- Возможно, - возразила полуэльфийка, - но Бентли известен как честный гном. Какую цель бы он преследовал, нарушив данное клятвой слово?

- Сохранить жизнь ребенку кажется достаточной целью. Что касается этого, он мог иметь в виду свою клятву дословно: он поклялся не допускать никого, кто как-то заявлял о связи с королевской семьей. Младенец едва ли мог сделать такое заявление. Если ребенок Леди Тион действительно был привезен сюда, возможно, что гном не знал в это время, кто есть этот ребенок.

- Но он узнал, - предположила Эрилин – Он, вероятно, умер, защищая это знание.

- Несомненно, - согласился Данила ровным тоном. Он на прощание кивнул Элайту и они с Эрилин пошли по направлению к лестнице.

- До этого ты не был так уверен, - сказала она.

- Я размышлял. Ты заметила официанток в отеле? Какая-нибудь одна из них может быть женщиной, которую мы ищем – они все подходящего возраста и

выглядят подходяще, какая-нибудь из них могла бы быть родственницей Люции Тион.

Эрилин взвесила сказанное.

- Их присутствие в крепости гномов трудно объяснить иначе. Ты хочешь поближе рассмотреть их?

Арфист ответил с самодовольной ухмылкой. Эрилин удержалась от смеха и попыталась сердито посмотреть.

- Я начну искать тебя через час.

- Я запомню это, - прошептал Данила.

Он вернулся в таверну и попытался завязать беседу с гномом-барменом. Все жители крепости были потрясены убийством их лидера, и никто из маленького народца не был расположен делиться информацией с человеком, который защищал обвиненного эльфа. Но Дан проговорил непрерывно серию ничего не значащих выражений, завязал разговор и, в конце концов, узнал, что здесь всего восемь официанток, шесть из которых были на дежурстве.

Так как Данила был более заинтересован в девушках, которых здесь не было, он покинул замок и пошел в дом официанток, каменное строение, построенное прямо напротив одной из стен. Данила тихо постучал в деревянную дверь. Когда там не ответили, он попробовал войти, и дверь оказалась не запертой.

Внутри была одна большая комната, просто обставленная соломенными тюфяками, смягченными подложенными матрацами. Две женщины спали. Данила узнал в одной из них Софи, девушку, которая завязывала узлы мира в предыдущую ночь. Тень подозрения закралась в его мысли. Он остановился у ее кровати и нежно позвал по имени. Она продолжала спать, он потолкал ее по плечу, затем встряхнул ее. Ничего не разбудило ее.

Данила поднялся и взял пару странных предметов из сумки с пояса, затем проговорил заклинание, которое рассеяло магию в комнате. Результат был не совсем тем, который он ожидал.

«Софи» была вовсе не женщина, а кучей белья из прачечной. Другая официантка была не женщиной, а железным големом, магически оживленной конструкцией, так похожей на Софи, что могла бы быть ее кузиной. В одной из внешне твердых стен была врезана деревянная дверь, которая была закрыта, но не заперта.

Арфист подкрался ближе, чтобы лучше рассмотреть. Гolem спал, но если бы он встал, он был бы высотой с двух высоких людей. Тело, грубо напоминающее тело человеческой женщины, вероятно, превосходило вес лошади Данилы в шесть или семь раз. Не удивительно, что несколько гномов содержали крепость, осознал Данила. Железный голем может остановить войну – собьет лошадь, раздавит череп огра с первого раза и выбьет дух из всего - это самое могущественное магическое оружие. Этот голем нуждался в ремонте. Вдоль некоторых суставов было значительное количество ржавчины, требовался, по крайней мере, напильник и масло, и, вероятно, услуги кузнеца. Данила догадался, что голем, несмотря на возраст и состояние, может быть еще в рабочем состоянии. Он вышел из комнаты, благодарный, что каменный пол, который без сомнения построен, чтобы выдержать большой вес, не скрипит.

Он столкнулся с Эрилин у двери.

- Бармен решил, что я смогу найти тебя здесь, - сказала она.

- Говори тише, - попросил он, кивая в сторону голема.

Но его заклинание исчезло и фигура, которая возвышалась на тюфяке, не напоминала ничего другого, кроме рассерженной девушки. Иллюзия – замаскированный конструкт - устремилась вперед, поднимая кулак для удара.

Эрилин шагнула вперед, ее предплечье поднялось, чтобы заблокировать атаку. Не имея времени на объяснения, Данила не придумал ничего лучше, кроме как прыгнуть к Эрилин и столкнуть ее с дороги голема. Ее сердитое возражение сорвалось вместе со звуком железного кулака, нанесшего удар в стену. Зазубренная трещина побежала вдоль камня, высекая паукообразный портрет на стене.

Глаза полуэльфийки расширились.

- Железный голем, - кратко сказал Данила – Коррозия на локтевом суставе.

Эрилин кивнула, поняв. Одним стремительным движением, она прокрутилась на ступне и завертела своим мечом. Данила достал свой, затем вспомнил, что только магические мечи могут как-нибудь повредить голем. После минуты колебания, он достал тонкий, декоративный клинок, который носил на правом бедре – меч пел громким баритоном крайне непристойный репертуар.

- Тихо, - предостерег он меч, когда дернул его из ножен. – Здесь может быть больше этих штук, ждущих в замке приглашения.

Меч услужливо начал шепотом исполнять «Сьюн и Сатит»

Эрилин стрельнула в него раздраженный, косой взгляд и затем обратила все свое внимание к голему.

Женщинообразная конструкция медленно повернулась лицом к полуэльфийке, выпустила облако мутного серого дыма из своего рта. Голем погрозил одним кулаком в сторону обманчиво изысканного оружия. Эрилин уступила дорогу атаке, задержав дыхание и крепко закрыв глаза от жгущего газа. Она высоко подняла меч, держа его двумя руками, и блокировала могучий удар, способный дважды расколоть череп орка. Громкий лязг разнесся по комнате, эльфийский меч Эрилин заметно завибрировал в ее руках. Но это была не более, чем царапина на иллюзии официантки, газ рассеялся, голем обвел руки вокруг одной перекладины, поддерживающей строение и начал раскачиваться.

Пыль и солома посыпались с кровли, Данила заметил слабый блеск между расходящимися пластинами на руке голема. Он сделал выпад и уколола оружием в руку. Магический меч скользнул между обшивкой. Лезвие проникло глубоко в деревянную основу, поддерживающую голема, быстро проколов одну руку.

Эрилин отступила и размахнулась снова, ударив другую руку голема один, затем второй раз. Эльфийский клинок отделил руку от локтя. Конечность с грохотом упала на каменный пол, рассеивая иллюзию. Железные пальцы извивались и двигались, ища как бы впиться в неосмотрительно подставленную ногу. Эрилин попыталась отбросить ногой руку подальше и ругнулась, когда ее ботинок встретился с твердым железом. Она отступила от судорожно подергивающейся конечности и ударила еще и еще, рубя конструкцию, как сумасшедший дровосек рубит дерево, каждый раз отделяя куски. С каждым куском она ударяла или вскрывала слабеющую, но борющуюся конструкцию.

Но этого все еще не было достаточно. Голем, теперь ясно различимый, управлял своими проколотыми руками свободно. Поющий меч Данилы заскользил поперек пола.

Одновременно полуэльфийка ударила, уколов клинком в том же самое место. Она нагнулась, удерживая меч на месте, и оглянулась через плечо на Данилу.

- Расплавь его – приказала она.

Данила заколебался, быстро обдумывая возможные варианты. Огонь мог бы только остановить голема. Лучше свет. Он поднял обе руки и умело вызвал силу, держа ее между своими руками в потрескивающем шаре и крикнул Эрилин отодвинуться.

Магия сорвалась с кончиков его пальцев в виде раскаленных белых стрел. Руки Эрилин отпустили меч. Его цель была верной - дуга голубовато-белого света протрещала между его руками и тем, что оставалось от голема. Конструкция растаяла, как свеча от солнца. Эрилин схватила свой меч, мускулы ее рук натянулись так туго, что казалось, они сейчас лопнут, она рванула зачарованный клинок из железного тела голема.

Конструкция осела на каменный пол и оторвался от крыши, рука перестала сокращаться.

Эрилин была бледна, ее качало. Данила подозревал, что только действие заставляло ее стоять. Он подошел к ней и убрал выбившийся локон с ее вспотевшего лба. Когда он подошел к ней ближе, ее руки инстинктивно обвились вокруг него.

- Этот бой напомнил мне кое-что еще, - прошептал он, - Голем был под сильной иллюзией, а Бентли Мирроршейд был могущественным иллюзионистом.

Эрилин подняла голову с его плеча.

- И?

- Один из лучших, кто владеет искусством иллюзии заставляет людей не обращать внимания на очевидное. Это самый очевидный вопрос, может, стоит его задать?

Полуэльфийка обдумала сказанное. Маленькая, кривая улыбка приподняла уголки ее губ, когда ответ пришел к ней, и она выскользнула из рук Данилы.

- Дай мне амулет поиска, - сказала она – Я пойду за девушкой.

Позже этим же утром, Данила снова стоял в Храме Мудрости. Тело Бентли Мирроршейда наконец-то было там и лежало в закрытом внутреннем дворе в центре храма, на ложе из штабелей дерева хорошо смоченного ароматным маслом. Это не совпадение, подумал Данила, что гномы приготовили такие быстрые похороны. Часом больше и ничего он не смог бы уже сделать для спасения Элайта.

Он объяснил свой замысел Геллане Мирроршейд. Жрица гномов не была в восторге от его просьбы, но она обещала помочь в его поисках справедливости. Она послала Гарита Хунтерстока в башню, чтобы привести Элайта.

- Обвиняемый эльф имеет право изложить свою историю, - сказал Данила – но он не желает делать это в присутствии свидетелей.

Геллана пожала плечами и сказала несколько слов на языке гномов своим клирикам. Все покинули храм. Когда стало слышно лишь звук равномерно капающих огромных водяных часов, что стояли как монумент во дворе, Данила разрешил жрице позвать Бентли Мирроршейда. После того как похожий на привидение гном встал перед ним, Данила повернулся к Элайту.

- Ты опоздал в таверну прошлой ночью. Ты ужинал?

Эльф посмотрел на Данилу, как если бы тот потерял разум.

- Я заказывал, но не ел. Убийство гнома обнаружилось до того, как мне принесли заказ, и таверна закрылась.

- А, а что ты заказывал?

- Медальон телятины, кажется, с приправой и сливками. К чему это?

Данила проигнорировал вопрос.

- Тебе также завязали узел мира, в том числе его вариант для магов. Твое магическое искусство широко известно?

- Нет, - ответил эльф – Лучшее оружие часто скрывается.

- Хорошо сказано. Как получилось, что гномы знали о тебе больше, чем общественность? Кто завязывал тебе палец в узел мира?

Эльф пожал плечами.

- Человеческая девчонка, напыщенная и разодетая. Темные волосы. Я не спросил ее имя.

- Оно звучало как Софи. Завязывать узел мира ее задача? – спросил Данила Геллану. Жрица гномов ответила осторожным кивком. Арфист показал маленький кулек окрашенной в зеленый цвет кожи. – Это также ее задача – помогать гостям с их ценностями? Этот кошелек мой. Я оставил его в таверне и нашел этим утром в сундуке Софи. Но саму Софи я найти не смог. Чудо, учитывая, что крепость закрыта.

Геллана сердито посмотрела.

- Вы вызвали моего мужа выслушивать эту бессмыслицу? Если у вас есть вопросы к Бентли Мирроршейду – спросите его!

Данила мило кивнул и повернулся к призраку.

- Бентли Мирроршейд мертв?

- Что это за вопрос? – повысила голос Геллана

- Очень хороший, я думаю, - откликнулся Арфист – Это вопрос, который никто не подумал задать. Когда представили тело, инстинкт любого человека найти убийцу. Но Бентли Мирроршейд иллюзионист большого мастерства и значительной мудрости. Мне пришло в голову, что ваши вопросы при вызове, дорогая леди, были странно сформулированы. Вы обращались по имени к духу, а не к телу. Эльф был ответственен за «смерть», и его оружием был нанесен смертельный удар – это все, что было сказано. Элайт был бы действительно ответственен, если бы в вопросе о смерти спросили бы, что он заказал на ужин телячью ножку.

Данила вытянул руки, его ладони раскрылись.

- Я скажу необходимое заклинание? – спросил он жрицу – Только это может рассеять эффект другого заклинания.

- Не беспокойся, - сказал грубый голос откуда-то от часов. Дверь на пьедестал открылась и Бентли Мирроршейд, совершенно живой, сделал шаг к своему одру. Он схватил в воздухе иллюзорное привидение и смял его, как раздосадованный писец

может смять лист замаранного пергамента. На пьедестале, как Данила и ожидал, лежало тело освежеванного теленка.

Гном-иллюзионист скрестил свои крепкие руки и сердито посмотрел на Арфиста.

- Все верно, ты сделал меня. Что теперь?

- Это зависит от тебя - сказал Данила – Расскажи мне, зачем ты разыграл свою собственную смерть?

Бентли пожал плечами.

- Я ответственен за девочку. Она беспокоилась и не ошиблась – но она не заслуживает, чтобы подобный эльф вынюхивал вокруг. Я не терплю тех, кто собирается использовать девочку для поднятия бунта – и не меньше тех, кто гоняется за ней, чтобы обогатиться – он зыркнул на эльфа.

- И прячась за своим собственным иллюзорным трупом, ты создал диверсию, что позволило ей бежать незамеченной, и осудить Элайта Кроулнобара на смерть. Мастерски сделано, - дополнил его Данила – Но как ты собирался объяснить свое возможное возвращение из могилы? У меня есть подозрение, что ты предполагал сделать, но мне не нравится твоя сказка.

У гнома хватило учтивости посмотреть робко.

- Я думал, как выкрутиться время от времени. Дайте мне время подумать в одиночестве. Я думал, как вернуться, когда это будет возможно, когда решится судьба этого негодяя. И ты прав в том, что ты предполагаешь, Арфист. Я думаю переложить осуждение за обман на вас. Ты известный проказник и заклинания делаешь косо.

Данила подметил поразительное изменение, происходившее с Элайтом в течение этой беседы. Понимание, затем сильное облегчение, затем страшная ярость выражались в его эльфийских чертах. Данила послал ему предупреждающий взгляд.

- Я должен сказать, это ставит меня в некоторое затруднительное положение, - сказал Арфист. - Элайт не виноват в этом случае, но созданная тобой государственная интрига нарушит равновесие в Дружественной Руке и насторожит тех, кто ищет наследницу Тион.

- Верно, - согласился гном – Так что нам делать?

Данила вздохнул.

- Я вижу слабую возможность. Я возьму на себя осуждение за иллюзию, как ты предложил. Если спросят, я могу сослаться на старую и вполне реальную вражду между мной и Элайтом, - он повернулся к эльфу – Взамен я ожидаю от тебя слова, что ты не будешь препятствовать мне и Эрилин в нашей миссии. Мы намереваемся увезти Изэбию Тион – лучше известную как Софи воровку – в безопасность на север.

Бентли фыркнул.

- Ты собираешься взять слово с такого как он?

- В твоём положении, я бы не спешил клеветать на честь другого, - сказал Элайт, его голос кипел от еле сдерживаемого гнева. – Я такой, какой есть, но Арфист знает, что мое слово, однажды данное, также крепко, как и у любого другого эльфа и крепче, чем у гнома. Также ты можешь верить мне, когда я поклянусь, что если когда-нибудь встречу тебя за пределами этих стен, я убью тебя медленно и болезненно.

Гном пожал плечами.

- Звучит достаточно ясно. Думаю, ты позаботишься о том, кто назвал тебя лгуном. Я никогда не говорил ничего, что не было бы честной правдой, во имя Гарла. Иллюзия никогда не лжет – люди имеют плохую привычку верить тому, что они видят.

Данила схватил Элайта за руку и вывел взбешенного эльфа из храма.

- Я выполню мою клятву тебе, бард, - прошипел эльф сквозь стиснутые зубы – но другую я страстно желаю нарушить. Подобно любому эльфу я верю, что тревожить мертвого это ужасная вещь. Но отдам пятьдесят лет моей жизни, чтобы продолжить эту беседу – с настоящим духом этого несчастного гнома!

Арфист пожал плечами.

- Мы не те за кого себя выдаем не так ли? Тогда почему же ты ждешь чего-то другого от духа?

Элайт пристально посмотрел на него. Спустя мгновение улыбка, медленная и грустная смягчила его лицо.

- Если Лунный эльф из знатной семьи командует половиной незаконной торговли в Глубоководье, и если глупый бард из того же города показывает проницательность, которой может завидовать эльфийский мудрец, почему бы мне не сделать глупое предположение о разговоре с мертвецом?

- Точно, - согласился Данила, с мрачным выражением – по крайней мере, одна обнадеживающая вещь доказывает правду.

- Да?

- Мертвец очень неумело обманывал, чтобы я мог поверить в это. В нашей жизни мы должны брать абсолютные ценности там, где можем их найти

Элайт кинул на Арфиста странный взгляд. Спустя мгновение, искаженный тихий смех полился из его губ. Он остановился и протянул свою руку. Его янтарные глаза смотрели совершенно без насмешки или презрения.

Этот жест был всем - извинением и благодарностью, которые Данила мог получить. В это время Арфист не чувствовал нужды искать тайный смысл или иллюзорную правду. Данила знал высокомерного, гордого эльфа, каким тот был, но он получил некоторые абсолютные ценности, когда встретил его. Дружба была одной из них.

Без колебания, он скрепил запястье Элайта в дружеском рукопожатии.

УКРАДЕННЫЕ МЕЧТЫ

Впервые издано в журнале «Dragon» №259, май 1999 г., составитель Дэйв Гросс

Всем известны вариации истории о шести слепцах и слоне. Еще ребенком я понимала, что эта сказка универсальна. Никто, независимо от того, как хорошо он

видит, или насколько справедливы и независимы его взгляды, никогда не увидит общей картины. Две разные точки зрения могут дать две совершенно разные истории, при этом не противореча друг другу. Я решила поэкспериментировать с этим тезисом и пересказать события рассказа «Разговаривая с мертвыми» с точки зрения Софи, девушки-барменши, которая осталась с гномами еще в младенчестве и выросла, не зная своего настоящего имени и наследия.

Суматоха из-за приближения каравана захлестнула двор таверны «Дружеская рука». В главном зале низкорослая даже по меркам гномов женщина вскарабкалась на гладкую деревянную столешницу и хлопнула в ладоши, привлекая внимание.

– Караван из Глубоководья скоро будет здесь! Ну-ка пошевеливайтесь, – её голос, на удивление звучный и глубокий, эхом прокатился по помещению. Вместо ответа небольшая армия гномов суетливо заметалась по залу, словно тараканы, разбегающиеся из-под света фонаря.

Во всяком случае, так казалось Софи. Она прожила с гномами все свои двадцать с лишним лет, и никогда они не раздражали её больше, чем сегодняшним вечером. Софи была всего лишь подавальщицей, но мечтала о встрече с великими людьми, лучших местах и возможностях, которые мог предложить только огромный мир за порогом таверны. Прихотью судьбы в младенчестве её подкинули к чужому порогу. Что ещё хуже, порог этот принадлежал гномам, которые не позволяли Софи уйти, пока она не отработает затраты на своё воспитание.

У остальных семерых работающих в таверне девушек были схожие истории. Связанные договором и работающие служанками, они часто оплакивали свою судьбу, но, казалось, смирились с ней. Но не Софи. Пускай глупцы бросают монеты в горшки для подаяния возле храмов Тиморы, молясь о благосклонности Господи Удачи. Софи заметила, что чем усердней она трудиться, тем больше ей везёт. И сегодняшним вечером девушка собиралась работать за двоих.

Она вытерла руки о передник и опустила плотный кружевной лиф так низко, как только осмелилась. У останавливающихся в «Дружеской руке» путешественников красть гораздо проще, когда их внимание сконцентрировано на чём-то для них интересном.

– Ты подаёшь пиво и тушёное мясо, – раздался грубый голос из-за её спины, – и не выставляешь на показ ничего другого. Мы не оказываем подобных услуг, девочка, так что прекрати дразнить клиентов.

Софи выдохнула воздух через стиснутые зубы и повернулась, чтобы ослепительно улыбнуться гному, который назвал себя её опекуном и работодателем. Тюремщиком!

Бентли Зеркальная Тень был крепким гномом с коричневой кожей, морщинистой из-за прожитых лет и использования магии. По мнению Софи. Он имел мало общего с волшебниками, останавливающимися в гостинице. У него не было сумок для магических компонентов, не обладал он ни изяществом, необходимым для магических пассов, ни звучным голосом для произнесения заклинаний. Его приземистую фигуру облачали вовсе не прекрасные длиннополые одежды, и гном не пользовался магическими омолаживающими настоями, чтобы разгладить

избороздившие лицо морщины, которые делали его кожу похожей на древесную кору. К слову сказать, что если б не чуть розоватый оттенок его носа картошкой и малиновая куртка, то Бентли можно было бы принять за вытесанную из дерева статую.

– У меня чешутся руки, – ответила Софи. – Запах тушёного мяса перекрывает аромат денег. Прислушайся к доносящемуся оттуда шуму! Посмотри на прекрасное оружие, что носят с собой охранники купцов. Сегодняшним вечером мне повезёт!

Гном вздохнул. Он уже давно смирился с воровскими повадками своей воспитанницы, и они заключили соглашение, позволявшее ему сохранять репутацию, а ей здравомыслие. Но искушению погрозить девушке коротким коричневым пальцем, Бентли противостоять просто не мог.

– Помни правило Зеркальной Тени, девочка.

Софи закатила глаза и выставила перед собой ладони, изображая колеблющиеся в поисках равновесия чаши весов.

– Ценность сокровища должна перевешивать риск, – нараспев процитировала она насмешливым тоном. – Но о каком риске можно говорить этим вечером? Купцы – самодовольные и ленивые толстяки.

– В Глубоководье есть волшебники, – напомнил девушке гном. – Развлекайся, раз уж тебе так этого хочется, но не попадись на краже какой-нибудь бесполезной ерунды. Подобное пришествие погубит доброе имя таверны, а кем бы ты была без «Дружеской руки»?

Софи вздёрнула подбородок.

– Свободной, – парировала она.

Бентли Зеркальная Тень строго посмотрел на воспитанницу. Он замолчал, потому как в зал вошли несколько путешественников. Гном окинул каждого из них внимательным взглядом голубых глаз.

Ожидая дальнейших слов Бентли, девушка сунула руку в карман и достала несколько узких длинных кожаных ремешков. Одной из её любимых обязанностей было привязывать большие пальцы левых рук посетителей-магов к их поясам – символический узел мира. На самом деле, это была абсолютно бессмысленная традиция – пасы для большинства заклинаний можно проделать и одной рукой, – но и в ней были свои плюсы. Во-первых, самодовольные волшебники оставались убеждёнными, что хозяин таверны ничего не смыслит в колдовстве и боится тех, кто его практикует. На деле Бентли Зеркальная Тень был искусным иллюзионистом, но обычно не применял ничего сложнее простеньких миражей для отвлечения глаз и создания требуемого эффекта. Во-вторых, узлы мира давали Софи неоспоримое преимущество. Давление ремешка, неудобное положение руки – зачастую этого было достаточно, чтобы вывести человека из равновесия. Внимание рассеивалось, и вероятность того, что кто-то заметит, что его кошелек внезапно стал легче, резко уменьшалась.

– В этом караване больше волшебников, чем клещей у страшил, – проворчал гном. – Завяжи-ка узел мира на пальцах того толстяка в пурпурном и женщины в кожаной броне. И этим двоим хулушим молодцам, спотыкающимся о собственные мантии. И приглядывай за эльфом с серебристыми волосами. Когда он подойдёт, свяжи его как следует, но больше к нему не приближайся.

Новый порыв ветра снова привлёк внимание гнома к входной двери. С губ Бентли сорвался удивлённый вздох.

– Данила Танн, – сказал он уныло. – Куда более могущественный маг, чем хочет казаться. Свяжи его покрепче, иначе в дальнейшем не оберёмся проблем. Я уверен в этом так же как в том, что все кобольды уроды.

В глаза Софи вспыхнула алчность. Новоприбывший, что сейчас передавал плащ швейцару, казался самым многообещающим простофилей, виденным ей за последнюю декаду. Молодой мужчина, высокий и светловолосый, был прекрасно одет и носил больше драгоценностей, чем мог себе позволить путник, пребывающий в здравом рассудке. Вооружён он был двумя прекрасными мечами, которые передал гномам, забиравшим оружие у всех входящих в таверну. Софи проводила мужчину оценивающим взглядом. Он происходил из знатного рода, судя по гербу, вышитому на одном плече его плаща, и привитое с рождение лёгкое высокомерие в осанке и манерах. Зелёная кожаная сумка на его поясе была слишком велика, чтобы незаметно её стащить, но кошель с монетами, висящие у левого бедра, небольшой серебряный кинжал, заправленный за голенище сапога и изумрудный кулон – всё это просто просило быть украденным.

Софи отодвинула гнома с дороги, не обращая внимания на его протесты, и принялась прокладывать себе путь через всё увеличивающуюся толпу. Выждав нужный момент, она шагнула наперерез толстому торговцу. Как и ожидалось, они столкнулись, и, отшатываясь от купца, девушка практически упала на руки молодому дворянину.

Она подскочила на ноги с извиняющимся смехом и провела руками по густым тёмным волосам, словно приглашая их. Это была хитрая уловка, усовершенствованная и отточенная практикой, целью которой являлось привлечение внимания будущей жертвы к вздымающейся пышной груди воровки.

– Что я могу для вас сделать, милорд? – многозначительно спросила девушка.

Аристократ оценил её маленькое выступление, но впечатлённым не казался.

– Убить, вероятнее всего, – сказал он спокойно. – Как минимум тяжело ранить.

Ответом на недоуменный взгляд девушки была лишь улыбка и просьба принести дорогого вина. Холодный сноб! Пылая от гнева Софи походя сняла с пояса мужчины кошель и сунула его себе в карман. И когда через пару минут Бентли отправил её обратно – связывая пальцы дворянина, девушка затянула узел куда сильнее, чем на то была нужна.

Оставшаяся часть ночи прошла без инцидентов. Уловом Софи были монеты, браслеты и даже несколько походных кружек и столовых ножей. Столовые приборы вернуться вернутся к владельцам к концу ночи, как ошибочно забранные со столов подавальщицами. С остальным будет сложнее, но не особо. Софи была столь же искусна в возвращении похищенных предметов, как и в собственно воровстве. И она действительно всё вернёт. До сих пор девушка не оставляла себе ничего из украденного. Такое обещание взял с неё Бентли.

Софи догадывалась, что гном сделает всё возможное, чтоб она никогда не нашла сокровище, цена которого перевесит риск. Они играли в игру, в которой мог быть только один выигравший. И победителем всегда оставался устанавливающий правила Бентли Зеркальная Тень. Если не кривить против истины, Софи давно это

поняла, но продолжала притворяться, что не догадывается об истинном положении вещей. В конце концов, это забавляло девушку и помогало отточить воровские навыки. Более того, игра позволяла Софи верить, что когда-нибудь она сможет уйти из опостылевшей таверны.

Ложная надежда, разумеется – одна из иллюзий Бентли, не более убедительная, чем представления с узлами мира.

Время шло, и недовольство Софи всё возрастало. Кроме кошелька с монетами, что она стащила у молодого дворянина, подавляющая часть её «сокровищ» не имела значительной стоимости. Большинство ножей были сработаны из свинца или кости, а браслеты из меди или латуни, без гравировки или драгоценностей. Но это же караван из Глубоководья! Где же драгоценные камни, золото и серебро?

Отсвет лампы, блеснувший на чем-то серебристом – ну наконец-то! – привлёк внимание девушки к дверям. В проходе стоял высокий стройный лунный эльф и хмурясь отдавал оружие швейцару. Это был тот самый серебряноволосый мужчина, о котором говорил Бентли. Восхищённая улыбка чуть изогнула губы Софи, когда она скользнула взглядом по поясу эльфа. Оставив пол дюжины клинков у дверей, он получил разрешение оставить при себе то, что можно было использовать как столовые приборы и прочую мелочь, слишком ценную, чтобы доверять её посторонним. У эльфа таких вещей было несколько, в том числе и кинжал из серебристого металла того же оттенка, что и волосы его хозяина – цвет столь бледны, что казался почти белым. Несомненно, это была эльфийская сталь, бесценная даже без элегантной гравировки на клинке и усыпавших рукоять драгоценных камней.

Софи вздрогнула от озарившей её догадки. Это оно! Это то самое сокровище, стоящее любого риска! У эльфа с собой столько прекрасных вещей, что пропажи одного маленького кинжала он и не заметит. Конечно же, Бентли придётся признать, что девушка наконец-то вышла победительницей из их игры! Этим вечером она сможет купить себе билет на свободу!

Охватившее её ликование внезапно сменилось ощущением предательства, а затем гневом и холодной яростью. Бентли **знал**, что у этого эльфа полно сокровищ. Конечно знал, поэтому и приказал девушке держаться от него подальше.

И всё же, несмотря на все свои недостатки Бентли Зеркальная Тень всегда держал слово. Как только Софи выкрадет бесценный кинжал, у гнома не будет иного выхода, как выполнить свою часть заключённой годы назад сделки и тем самым потерять самую популярную официантку таверны.

Софи подавила гнев и заставила себя приветливо улыбнуться. Она локтем оттеснила одну из своих коллег в сторону и покачивая бёдрами направилась к серебряноволосому эльфу.

– И что я могу сделать для вас, милорд? – промурлыкала она и незаметно потянулась к своему билету на свободу.

Бентли Зеркальная Тень с ужасом смотрел на положенное перед ним сверкающее сокровище. Прошло несколько долгих минут, прежде чем он поднял взгляд на Софи. И от эмоций, отразившихся на его лице, у девушки перехватило дух. В голубых глазах гнома читалось горе и ужас, а вовсе не гнев или же покорное принятие поражения.

– Что ты наделала, девочка? – прошептал гном слабым голосом.

Софи мотнула тёмноволосой головой.

– Купила себе билет на свободу, вот что! Ты не можешь утверждать, что кинжал не стоил риска.

Странная ироничная улыбка пробежала по губам гнома.

– Зависит от того, как высоко ты оцениваешь свою жизнь. Этот кинжал принадлежит Элайту Кроулнобару. Он сам вор, и подобного не прощает. Поговаривают, что на не щадит ни мужчин, ни женщин, вставших у него на пути.

– И? Слухов ходить много и не все правдивы.

Бентли посмотрел на воспитанницу долгим мрачным взглядом.

– Ты помнишь Ханнили Крапивницу?

Софи понадобилось время, чтобы сопоставить имя с образом небольшого улыбчивого лица.

– Хафлинг. Работала здесь прачкой луну или две, потом ушла вместе с караваном в Луриен.

– Это версия, которой мы придерживаемся. Возможно, ты так же хорошо помнишь и загрязнение колодца.

Это-то Софи вспомнила мгновенно. Несколько месяцев ей и другим девушкам приходилось таскать тяжёлые вёдра с водой, которую они набирали в источнике крепостной стеной. Внезапно стал понятен смысл слов гнома.

– Ханнили убили и бросили в колодец?

– Её спустили вниз в ведре, порубив на куски, – мрачно кивнул Бентли. – Очень мелкие куски.

Какая-то часть страха гнома передался и Софи, кольнув сердце.

– Элайт Кроулнобар?

– Я так думаю. Как мы выяснили, последнее, что сделала Ханнили – принесла свежее постельное бельё в комнату эльфа. Возможно, она чем-то ему не угодила. У меня не было доказательств, чтобы его обвинить, но, если верить слухам, он вполне на такое способен.

Вспыхнувшая в Софи надежда на свободу угасла.

– Я верну кинжал. Он даже ничего не заметит.

– Нет, – тихо, но непреклонно ответил Бентли. – Я сам разберусь. Если тебя поймут с кинжалом, это может стоить тебе жизни...

Он внезапно замолчал, словно обдумывая некий план.

– Твоя жизнь, – вслух размышлял он, – или *моя*.

Софи понадобилось совсем немного времени, чтобы взвесить оба варианта.

– Поступай, как знаешь. – Она принялась собирать прочую добычу сегодняшнего вечера. Возвращение вещей их владельцам займёт весь оставшийся вечер.

Но к тому моменту, когда она вернула на место третий кошель с монетами, девушка начала сомневаться в решении гнома. Такая серьёзность была не

свойственна Бентли; обычно гном был жёстким и хвастливым. Возможно, её первое предположение попало в цель – возможно, Софи наконец-то нашла что-то, стоящее риска.

Существовал только один способ узнать это наверняка, и это даже не было предательством старого гнома. Не напрямую, по крайней мере.

Софи ловко вытащила ключи из кармана Бентли и выскользнула из таверны, направившись в помещение с низким потолком, служившее гному мастерской. Лживый маленький тролль был столь же искусен в создании иллюзий, как и в преподнесении истины в удобном ему свете. Где-то среди беспорядочно расставленных горшков и флаконов для зелий находилось то, что могло помочь девушке.

Несколько мгновений спустя, Софи неловко шагала к конюшне, путаясь в своих же увеличившихся ногах. Благодаря бутылке противного на вкус зелья, она выглядела как здоровенный бородатый наёмник, служивший начальником охраны Элайта Кроулнобара. Ну, хоть не жеманный калишитский мальчик-наложник.

Войдя в конюшню, в первом же стойле девушка обнаружила высокого худого парня, чистящего пятнистую кобылу.

– Да помогут мне боги не наступить на кого-нибудь из этих гномов, которые слишком глупы, чтоб не мельтешить у меня под ногами, – сказала Софи, вздрагивая от звука непривычно низкого голоса.

Вместо ответа паренёк просто пожал плечами, но девушка не собиралась от него отставать.

– Один из них пытался купить кинжал Кроулнобара за пятьсот золотых. Эльф ему конечно же отказал. Эта вещь того стоит, как думаешь?

Рука со скребком остановилась, и парень пристально посмотрел Софи в лицо.

– Дела лорда Кроулнобара касаются только его. Ни мне, ни, с позволения сказать, тебе в них лучше не вмешиваться.

Голос был низким, а лицо конюха почти полностью скрывала капюшон, но Софи сумела разглядеть, что это вовсе не парень. Женщина, и, судя по разрезу и оттенку глаз – синие как сапфиры с золотыми крапинками – в её предках были не только люди. Официантку окатило смесью страха и отвращения, и она поспешила скрыть свою реакцию за громким смехом.

– Хорошо сказано, парень! Ты прошёл испытания, и я замолвлю за тебя словечко перед эльфом. У него есть планы на твой счёт, знаешь ли.

– Капитан?

К Софи приблизился человек, щеку которого пересекал тонкий шрам от кнута. Его удивлённый тон, судя по всему, свидетельствовал от том, что девушка только что допустила оплошность. Вероятно, личность эльфийки оставалась тайной для прочей части каравана. Надо было срочно спасать положение. Софи улыбнулась подошедшему и пожала плечами.

– Понадобилось три кружки эля, чтобы смыть с языка привкус пыли, – девушка потёрла виски. – Я даже имя своё плохо помню. Эльфийская баба не особо разговорчива, не так ли?

– Да, капитан, – согласился мужчина со шрамом.

– Но теперь, кажется, у меня появилась компания. Давай я куплю тебе поесть и выпить, а ты напомнишь, зачем мы сюда пришли.

Глаза мужчины расширились от удивления, а затем засияли удовольствием от оказанной чести.

Софи понадобилось больше часа и несколько украденных у белокурого дворянина монет, прежде чем худой наёмник дошёл до действительно важной части рассказа. Эта информация стоила риска при краже изменяющей внешность микстуры. Стоила риска расхаживать под чужой внешностью. Стоила и риска быть пойманной на обмане, если подруга Софи Бёлль не сможет задержать настоящего капитана наёмников на достаточно долгий срок.

Это стоило *любого* риска.

Софи жестом приказала подать ещё эля и подвинула кружку своему информатору. Худого наёмника уже качало, на его лице расплылась блаженная улыбка, свойственная людям, пребывающим на грани между сном и бодрствованием.

– Та девка, которую мы ищем, – продолжила Софи. – Как мы узнаем, что это она?

Наёмник поднял на неё мутный недоумевающий взгляд, но послушно повторил то, что его «капитан» и так должен был знать.

– По отметине на её бедре, – он макнул палец в тарелку и подливкой нарисовал нас столешнице три линии. – Мы проверяем всех девиц и, в конце концов, отыщем её.

– Родимое пятно, – Софи разглядывала и без того знакомый ей знак.

Наёмник фыркнул.

– Что-то вроде того. Мать порезала бедро ребёнка, чтобы суметь отличить от других, если когда-нибудь будет его искать. Так что отметка – работа той женщины.

Та женщина. *Её мать*. На мгновение перед Софи возник образ ухоженного дома и живущей в нём человеческой семьи, балующей её, свою маленькую дочь, а вовсе не служанку в гномьем клане. Порезы на бедре не слишком высокая цена – всего лишь чуть-чуть давно позабытой боли. Но они открывали возможности заинтересовавшие Софи.

– А зачем её вообще искать?

– Причин полно! Было время, когда каждого, в ком текла хоть капля королевской крови, забивали как свиней.

Королевская кровь! У неё?

Наёмник начал медленно заваливаться на бок. Софи схватила его за волосы, вынуждая сохранять вертикальное положение.

– А как обстоят дела теперь?

– Некоторые всё ещё живут прошлым. Но есть и тёк, кто смотрит в будущее, – он прервался, чтобы громко зевнуть. – Кроулнобар принял предложения обеих сторон. Мы найдём девчонку и продадим тому, кто больше заплатит.

Софи услышала достаточно. Она отпустила информатора и выбежала вон из главного зала. За её спиной худощавый мужчина громко храпел, устроившись рассечённой шрамом щекой на половине хлебной буханки. Девушка поспешно скрылась за углом таверны. Убедившись, что осталась одна, она достала из рукава ещё один флакон с зельем и проглотила его содержимое. Затем Софи наклонилась и

оперлась руками о стену, ожидая, пока волшебство подействует и, рассеяв иллюзию, вернёт девушке её прежний облик.

Нет, не прежний. Она больше не подавальщица из таверны. Если слова наёмника правдивы, то Софи больше не существует – и *никогда* не существовало! И если об этой тайне знал и Бентли Зеркальная Тень, то он похитила сокровище, куда более ценное, чем всё украденное девушкой за годы оттачивания воровского ремесла. Он украл наследие, принадлежащее ей по праву рождения, её мечты!

Девушка отыскиала гнома на кухне, он стоял возле огромного котла, держа в руках большую деревянную ложку, и пробовал готов ли суп.

– Это правда? – требовательно спросила она.

Бентли несколько мгновений смотрел ей в глаза. Он положил ложку и направился к задней двери, жестом показав девушке следовать за ним. Гном не спросил, что она имеет в виду. Для Софи это было равносильно признанию. Ей стоило усилий сохранять молчание, пока они не вошли в подсобное помещение в задней части таверны.

– Как ты мог это сделать? – начала она низким, kloкочущим от ярости голосом. – Ты украл мою свободу, моё будущее. Моё имя!

Гном вздохнул.

– Софи...

– Нет! Не смей меня так называть! – Она распрямила плечи. – Я дочь Люсии Тион, дворянки Тетира, узами крови связанной с королевской семьёй. Как назвала меня мать при рождении?

– Изабо, – тихо ответил гном. – Красивое имя. Но оно не единственное, что дала тебе мать. Она дважды подарила тебе жизнь, родив, а после оставив здесь, в безопасности. В те годы родство с королевской семьёй означало смертный приговор. И в некоторых кругах всё остаётся по-прежнему. Твоя судьба не заботит эльфа, он продаст тебя тому, кто больше заплатит.

Это соответствовало тому, что Софи – нет, Изабо, напомнила себе девушка, – уже слышала. Ярость и страх переполняли её сердце.

– Ты же планировал сам получить лучшую цену, я полагаю. Неудивительно, что ты предупредил меня об эльфе!

– Следи-ка за языком! Я дал клятву охранять тебя и добросовестно выполнял её двадцать лет. И делал бы ещё столько же, если б ты не была глупой ослицей и послушалась меня, – приступ ярости Бентли быстро прошёл, и гном снова вздохнул. – Есть ли или четыре вещи, которые стоит охранять любой ценой. И одна из них жизнь ребёнка. Но теперь тут небезопасно. Тебе придётся уехать.

Девушка ждала этого момента всю жизнь, так почему же теперь так горько?

– Ты меня прогоняешь?

Гном посмотрел на воспитанницу с укором.

– Что ты обо мне думаешь? Я не выставляю тебя за порог и не предоставляю самой себе. Ты уедешь из крепости и поживёшь в моём рыбацком лагере. Я пошёл за тобой, когда минует опасность, и ты переедешь в другое место под новым именем.

– Но не своим, – отозвалась она с горечью в голосе. – Только узнав, я должна тут же от него отказаться?

Гном скрестил руки на груди.

– Зато при тебе останется твоя кожа. Не думай, что всё так просто. В Тетире слишком многие будут счастливы прибить её к стене. Если послушаешься меня, то у Элайта Кроулнобара не останется шанса тебя освежевать.

По телу девушки прошла волна дрожи.

– Что я должна делать?

Остаток ночи пролетел незаметно. Страх подгонял Софи, заставляя всё ускорять шаг, пока она бежала по узкой лесной тропке. Ещё ни разу ей не доводилось уходить так далеко от крепости и это волновало. Однако к тому моменту, когда взошло солнце от восторга не осталось и следа. Роса намочила юбку, и та путалось в ногах и заставляла девушку дрожать от холода. К тому моменту, когда она добралась до крошечного домика, Софи уже была готова сделать именно то, что приказал ей гном: отдохнуть и подождать, пока Бентли кого-нибудь не пришлёт.

Покорный настрой продержался не более часа, за который девушка успела развести костёр из сваленной возле хижины груды хвороста и вскипятить воду для чая. По мере того, как согревались и наливались силой ноги, в груди Софи начал подниматься гнев.

Как смел Бентли Зеркальная Тень использовать её как подавальщицу?! Девушка годами прислуживала у столов, выслушивала плоские шутки, терпела попытки клиентов пощупать её. Она леди, а не кабацкая девка! Мужчинами в её постели должны были быть знатные лорды, а вовсе не кем-то из той пёстрой череды любовников, что проводили с ней ночи все эти годы. Никто из них не стоил её времени. Никто! Ну, быть может, за исключением того менестреля, задержавшегося в Дружеской Руке на две луны и всё это время делившего Софи постель и обучавшего её премудростям воровского дела. Эти уроки, как и набор украденных у него в день отъезда кинжалов и отмычек, стоили потраченного времени.

Приятное воспоминание заставило девушку усмехнуться. Но улыбка быстро исчезла, стоило вспомнить о своих потерях. И попытки скрыть её наследие самая вопиющая кража! Мечты о богатстве, положении в обществе – всё украдено гномьим кланом.

И притом дважды. Бентли отослал воспитанницу, чтобы спасти ей жизнь. Но риск зваться Изабо Тион был ничтожен по сравнению с перспективами, что сулило это имя. Софи собрала свой походный мешок и вышла из хижины, напоследок изо всех сил хлопнув дверью.

– Я найду способ вернуть своё наследие, – поклялась она. – И первым моим поступком как леди Тион будет месть тем, кто украл мои мечты! Бентли Зеркальная Тень заплатит за то, что сделал. Я убью этого мерзавца!

– Слишком поздно, – раздался из-за спины низкий мелодичный голос.

Софи поспешно развернулась, её зрачки расширились от страха, а одна рука потянулась к горлу. Высокая худощавая фигура вышла на поляну. Это была эльфийка из конюшен, и она приближалась к Софи с грацией умелого война.

Девушка непроизвольно отшатнулась и упёрлась спиной в стену хижины. Её взгляд лихорадочно метался по поляне в безуспешных попытках найти что-то, что

могло бы помочь бежать. Единственным, что могло сойти за оружие, были сваленные у хижины дрова для растопки, но если от этого зависела её свобода, Софи была готова сражаться ногтями и зубами.

Девушка вздёрнула подбородок и с вызовом посмотрела на воительницу.

– Ты работаешь на того эльфа. Он послал тебя, но я никуда с тобой не пойду.

– Неверно, неверно и снова неверно, – женщина откинула с головы капюшон, и на миловидное лицо упали тёмные пряди вьющихся волос. – Моё имя Эрилин Лунный Клинок, я работаю на Арфистов, заинтересованных в лучшем будущем для Тетира, следовательно, заинтересованных и тобой.

Софии недоверчиво сощурилась.

– Не верю. Вы эльфы всегда держитесь вместе.

– Я эльф только на половину, – ответила Эрилин ровным тоном. – И на данный момент Элайт Кроулнобар не в том положении, чтобы представлять для тебя угрозу.

– Ложь! – Софии нагнулась и подобрала с земли крепкую палку. Выставив её перед собой как дубину, девушка кинулась на полуэльфийку.

На лице воительницы мелькнуло раздражение. Она опустила ладонь на рукоять меча, но в остальном осталась неподвижной.

Тем хуже для неё. Софии занесла дубину, намереваясь разmozжить противнице голову.

Палка с глухим стуком врезалась в землю, и потерявшая равновесие девушка согнулась чуть ли ни пополам. Прежде чем Софи успела разогнуться, воительница толкнула её в спину.

Девушка сильно ударилась лицом о землю, но дубину из рук не выпустила. Извернувшись, словно кошка, она перекатилась на спину, подскочила на ноги и снова замахнулась.

Эрилин снова ушла из-под удара и перехватила запястье Софи. Девушка ругалась и что есть силы молотила свободной рукой, пока полуэльфийка не перехватила и её. Взбешённая, Софи пнула противницу в голень и попыталась ударить по колену.

Но воительница вновь оказалась слишком проворной. Эрилин пропустила первый пинок, но успела отклонить второй. Быстрый поворот, и она оказалась вне досягаемости Софи. Всё это время полуэльфийка продолжала удерживать запястья девушки, вынуждая её поворачиваться следом. Когда женщины оказались вплотную прижаты друг к другу, Эрилин внезапно наклонилась вперёд.

Мир перед глазами Софи перевернулся, когда она полетела на землю. Бой проигран, но она отказывалась это признавать. Тёмная ярость и решительность переполняла девушку, и она поднялась на ноги. Софи задрала подол юбки и выхватила кинжал из закреплённых на бедре ножен. Занеся оружие высоко над головой, она бросилась на противницу, вопя словно дьявол.

Софи почудилось, будто поляну осветила вспышка молнии. Полуэльфийка обнажила меч так быстро, что шорох металла о кожу смешалось со звоном столкнувшихся клинков. Девушка вздрогнула и замерла, ошеломлённая внезапно прерванным выпадом. Женщины стояли лицом к лицу, и Софи видела отражение собственной решимости в глазах воительницы.

– Чего ты хочешь? – выпалила девушка.

– Я уже сказала. Я должна доставить тебя в безопасное место.

Софи выпустила кинжал и отшатнулась.

– Нет. Я и прежде пыталась покинуть крепость, и всякий раз меня возвращали гномам люди, которым требовалась расположение «Дружеской Руки» и Бентли Зеркальной Тени. Я не вернусь к ним.

Произнося эти слова, девушка носком ноги подцепила обронённую дубинку. Быстрым движением подбросив палку в воздух, Софи, к собственному удивлению, успела её поймать. Перехватив дубину обеими руками, девушка принялась кружить вокруг противницы.

Полуэльфийка поворачивалась вслед за Софи, держа меч в защитной позиции. Но теперь в глазах воительницы читалось не раздражение – на её лице отражалось то выражение, которое обычно бывает у наставника, выслушивающего обвинения ученика.

Что-то оборвалось в сердце Софи. Она бросилась на полуэльфийку, вопя и пинаясь. Девушку захлестнула, вытесняя все прочие мысли и эмоции, волна ярости, подпитываемая накопившимся за годы разочарованием и отчаяньем от ускользающей надежды вернуть украденные мечты.

Безумная атака закончилась внезапно, захлебнувшись в вспышке боли, которая заполнила сознание языками багрового пламени, а после взрывом ослепительно-белого света. Свет погас, и зрение вернулось к девушке. Челюсть пульсировала болью. Софи коснулась подбородка, проверяя, цел ли он, и бросила на свою мучительницу злобный взгляд.

– Не двигайся. Проще было бы тебя убить, нежели пытаться помочь. Пользы от тебя в два раза меньше, чем проблем.

Софи понимала, что это просто констатация факта. Без сомнения, она всё ещё жива только потому, что этого хочет полуэльфийка.

Но зачем ей это? Софи вспомнились слова гнома: в Тетире множество организаций, разыскивающих тех, в ком есть хоть капля королевской крови. И у большинства из них намерения далеко не благие.

– Если не на того эльфа, то на кого ты работаешь? – рискнула спросить девушка.

– Я уже говорила. Арфисты хотят, чтоб ты оставалась в живых. Элайт Кроулнобар навредить тебе не сможет. В данный момент он заключён в темницу под «Дружеской Рукой», обвинённый в убийстве Бентли Зеркальной Тени.

– Этого не может быть!

Полуэльфийка скрестила руки на груди и тяжело посмотрела на собеседницу.

– Я видела тело.

Значит, Бентли оказался прав на счёт кинжала; риск от его кражи оказался слишком велик. Но Софи не ощутила ни раскаяния, ни благодарности. Гном украл её жизнь и потерял собственную. Девушка горько усмехнулась такому своеобразному правосудию.

Казалось, это разозлило полуэльфийку.

– Гном был твоим опекуном. Своей жизнью ты обязана ему. И не раз. И так ты его благодаришь?

Софи пожала плечами.

– Тебе не доводилось слышать о правиле Зеркальной Тени?

– Ты можешь рассказать мне о нём по дороге. – Эрилин шагнула к собеседнице. Девушка отшатнулась.

– Я не вернусь в «Дружескую Руку». Не вернусь!

– Тебе и не придётся. Мне велено отвести тебя в Глубоководье.

Снова вспомнились предупреждения гнома и слова наёмника со шрамом. В Тетире Софи может поджидать гибель. В Глубоководье, конечно, безопасней, но будет ли ей в городе лучше, чем здесь?

– И что же меня там ждёт? – с горечью спросила девушка. – Ещё одна таверна и годы отработки долга тебе и Арфистам?

Эрилин не сдержала нетерпеливого шипения.

– Ты будешь представлена обществу как дочь Люсии Тион. К тебе перейдёт всё имущество твоей матери и её деньги. И до тех пор, пока ты будешь держаться подальше от неприятностей, дел с Арфистами тебе вести не придётся. Это лучшее предложение, которое ты можешь получить. Советую согласиться на него без раздумий. Моему терпению есть предел.

Один долгий миг Софи пристально смотрела в глаза полуэльфийки, ища малейший признак того, что она лжёт. На лице Эрилин отражалась неприязнь к полученному заданию, но и решимость довести его до конца. Улыбка осветила лицо Софи. Нет. Лицо *Изабо*.

Она вздёрнула подбородок и протянула руку.

– Помогите мне встать, – сказала девушка высокомерно.

Очевидно, её поведение развеселило воительницу. Эрилин одобрительно кивнула.

– Хорошая идея. Потребуется много времени, чтоб сделать из тебя аристократку. Почему бы не начать прямо сейчас.

Изабо сама поднялась на ноги и оправила юбку достоинством, на какое только была способна.

– Пора уходит, – сказал она.

Полуэльфийка пожала плечами и повела девушку за деревья, где их ждали две лошади. Они ехали в тишине, пока солнце не достигло зенита. Изабо провела это время в мечтах о богатстве, жизни в роскоши и высокородных мужчинах. Которых будет ослеплять обаянием и красотой. И начнёт она с того гордеца, что проигнорировал её накануне вечером. Он пренебрёг предложением кабацкой девки, но леди Изабо Тион он отказать не посмеет! Жизнь в «Дружеской Руке» уже казалась девушке далёкой, словно позабытый сон.

– Ну, и что же это такое?

Голос спутницы вырвал Изабо из фантазий и грубо вернул в реальность. Девушка с трудом сосредоточила взгляд на лице полуэльфийки.

– Правило Зеркальной Тени? – напомнила Эрилин.

– Ценность сокровища должна перевешивать риск. Бентли часто повторял эти слова. Он ими жил, с ними же и умер.

– Не вполне понимаю, – сказала воительница тоном, который ясно указывал, что дальнейших объяснений она не ждёт.

– Это достаточно просто, девка. – Ах, как же приятно произносить это слово, а не отзываться на него! – Я – леди Изабо Тион. У меня есть титул, богатство

собственный дом. Положение в обществе Глубоководья. Это то сокровище, что прятал от меня Бентли. Столь ценное сокровище влечёт за собой большой риск. Он рискнул – и проиграл. Так и должно быть.

Полуэльфийка несколько мгновений смотрела на собеседницу, а затем покачала головой.

– В Глубоководье ты должна стать популярной, – сказала она холодно.

– Да, это входит в мой план, – ответила Изабо с улыбкой. – И я намерена лучшим образом воплотить его в жизнь.

ПЛАМЯ ЕСТЬ ПЛАМЯ

Первоначально издано в антологии «Королевства Глубин», под редакцией Филипа Этанса, март 2000 г.

Вот еще один рассказ, который исследует новую территорию, и это первый раз, когда я написала историю от первого лица. На самом деле повествования ведется с двух противоположных точек зрения от первого лица: молодого волшебника и захватчика-сахуагина, чьи пути сходятся во время осады Глубоководья. Это одна из самых мрачных историй, и, вероятно, моя самая любимая в этой коллекции.

30 Чеса, Год Перчатки

Что ты делал, когда напали морские дьяволы, дедушка?

О, как я предвкушал этот вопрос! Я слышал его, торопясь навстречу битве. Слова для меня были столь же реальны, как и вонь дыма, клубившегося над Западными Воротами, они звенели в моих мыслях, словно грохот деревянных перекладин, подающих под магическим огнём. И неважно, что этот вопрос прозвучит лишь через много, много лет. Ученик мага быстро узнаёт, что все вещи сначала надо вообразить в уме.

И на бегу я представлял себе. Разве не будет лицо мальчика полным ожидания, а глаза горящими гордостью того, кто ведёт свой род от героя? И неужели не умолкнут струны бардов, а сами они не соберутся вокруг, надеясь вновь услышать рассказ великого мага – то есть меня – сражавшегося бок о бок с Хелбеном Арунсуном?

Конечно, об этом вспомнят. Более того, именно этот вопрос сорвется с губ слушателей: что делал Хелбен Арунсун во время сражения? Как много монстров пали пред мощью Чёрного Посоха? Какие заклинания использовались?

Должен признать, я и сам мечтаю узнать финал этого повествования.

- Наверху, Сидон.

В голосе моего спутника промелькнули нотки паники, подняв его до тонкости, подобающей эльфийским девам и маленьким скулящим собачонкам. Не замедляя бега, я проследил за указующим перстом Хьюмонта.

Вся угроза заключалась в женщине, показавшейся в верхнем окне здания вдоль нашего пути. Она готовилась опорожнить в переулок ночной горшок – мелкая городская опасность, из тех, что подстерегают даже в грозный час. Хьюмонт, мягко говоря, был нервным человеком. Сейчас он находился явно не в форме, но всё же мы учились вместе, так что я ухватил его за руку и рванул в сторону. Он кувыркнулся через сваленные друг на друга деревянные ящики, и пусть его приземление было жёстким, по крайней мере, это спасло его от выплеснутых нечистот.

Единственное произнесённое мною слово заставило перевёрнутые ящики вытянуться в линию, словно солдат, проспавших побудку. Они торопливо перестроились, затем попрыгали друг на друга, образовав четырёхступенчатую лестницу. Прошептав активирующее слово простенького заклятия, я взбежал по ступеням и прыгнул в воздух, раскинув руки в свободном полёте. Мой восторженный хохот звенел сквозь шум охватывавшей город паники, и почему нет? Что за день сегодня, какая история получится из него!

Хьюмонт поднялся и упрямо заторопился в западном направлении, поравнявшись со мной как раз в тот момент, когда мои ноги коснулись мостовой. От брошенного им взгляда молоко скисло бы мгновенно.

- Лучше бы ты не тратил заклинания на бестолковое веселье. Силы нужно беречь – они ещё понадобятся.

- Говоришь, словно сам архимаг! - мягко укорил его я. - Это небольшое развлечение куда опасней, чем всё, с чем тебе придётся столкнуться у Западных Ворот, уж ты мне поверь.

Вместо ответа Хью бросил очередной встревоженный взгляд в сторону гавани. В небо, над южной частью Глубоководья, видимый в темноте, поднимался дым, нёсший с собой неаппетитный запах горелого мяса и обугленной парусины.

- Сколько кораблей горят? - задумчиво произнес он вслух. - Сама гавань, должно быть, кипит!

- Адское варево, твоя правда, но ему наверняка придает вкус множество сахуагинов, - парировал я.

Даже Хьюмонт не мог оспаривать столь неотразимую логику, и мы торопливо продолжили путь в обоюдном молчании – с его стороны, без сомнений, полным жутких предчувствий, для меня же - освещенном радостными ожиданиями, словно у ребёнка во время праздника середины зимы.

Признаюсь честно, я без ума от магии. Мой отец заплатил немалую сумму ради того, чтобы я получил место в Башне Чёрного Посоха, и я многому научился под руководством архимага и его леди-консорт, великолепной Лаэрал Серебряной Руки. Но до той ночи я никогда не понимал вполне, насколько нетерпеливым оставляли меня предостережения, лекции и бесконечные маленькие ухищрения лорда Арунсуна. Все источники утверждали, что архимаг накопил достаточную мощь в одном своем посохе, чтобы обрушить город Лускан в море, и, тем не менее, лишь немногие из тех, кого я знал, видели в его исполнении сколь-либо серьезную магию. Заклинания, которые Хелбен Арунсун использовал ежедневно, подошли бы любому

компетентному, но ничем не выдающемуся магу. Да простит меня Мистра, но я начинал смотреть на знаменитое могущество архимага так же, как мог бы думать о куртизанке небесной красоты и непоколебимой добродетели. Какой практический смысл в подобном сочетании?

Наконец мы завернули за последний поворот перед улицей Западной Стены, и открывшийся нашему взгляду вид заставил забыть о любых проявлениях разочарования. Шагающая Статуя наконец-таки оправдывала свое имя!

Каждый шаг спускавшегося с северного склона горы Глубоководья гиганта сотрясал землю. Я ощутил восторг. Никто, кроме Хелбена, не смог бы создать каменного голема в девяносто футов вышиной, из сплошного гранита, с выражением бесстрастного спокойствия, очень напоминавшим самого архимага, на лице.

Но на улице Джалтун статуя замешкалась, встав на заднем дворе низкого строения – стоянки экипажей – словно растерявшись среди хаоса паникующих толп. Спустя миг гигантская статуя пригнулась, отведя назад руки и приготовившись к прыжку. Люди с воплями разбежались от метнувшегося в воздух голема. Он перелетел дом и улицу и с громopodobным ударом опустился на другой стороне. Веером разлетелись каменные осколки, и немало людей окровавленные попадали наземь, крича, или хуже того, не издавая больше ни звука.

Стрела синего огня вылетела из башни у врат, и Шагающая Статуя мгновенно застыла. Голем взглянул на башню, переминаясь с ноги на ногу, словно неимоверного размера пристыженный мальчишка. Видимо, повинуюсь только ему понятному приказу, он повернулся к морю. Взгляд каменных глаз статуи сосредоточился на склонах.

- Интересно, что он видит? - прошептал Хьюмонт.

Мне было не до раздумий, я смотрел, не в силах оторвать взгляда, на источник вспышки. Она пришла с Западных Ворот, могучей преграды из дерева, возвышавшейся на высоту трех этажей, окружённую с трёх сторон камнем, которому искусно придали форму оскалившейся пасти огромного дракона. Над вратами был перекинут мост с зубцами и башенками, выглядевшими как корона на голове драконьего короля. На мосту выстроились маги, горя, словно факелы, чародейским огнем. И ярче всех пылал мой учитель, великий архимаг.

Я перешёл на бег, больше не думая, поспевает ли за мной Хьюмонт. Я думал только о том, чтобы занять своё место рядом с другими боевыми магами, и об историях, которые напишут об этой ночи.

Берега провоняли магией. Я учуял её, даже не выбравшись из воды. Отвратительный запах и металлический вкус, такой жёсткий, что мой язык прилип к нёбу. Я не стал говорить об этом братьям - сахуагинам. Хотя для меня источник моего беспокойства звался "магия", они могут обозначить мою реакцию иначе: "страх". Для меня одно было неотделимо от другого.

Я показался над поверхностью. Внутренние веки закрылись, но, опередив их, яркий свет окутал бесконечный купол неба. Полуослеплённый, я побрёл к берегу.

Сотни сахуагинов были на песке, и многие десятки из них уже лежали дымящимися кучами. Мы ожидали этого.

Мы тренировались и готовились к этому. Уклониться от ударов волшебников, ворваться во врата, на стены.

Хорошие слова, храбрые. Они убедительно звучали под волнами, но что там, в глубине, не покажется лёгким? На суше я чувствовал себя отяжелевшим, опасно медлительным и неуклюжим. Не успев подумать об этом, я зацепился когтями ног за ремень павшего сахуагина и упал на колени.

Ошибка оказалась весьма удачной, поскольку как раз в тот момент огненный снаряд просвистел у меня над головой, опалив спинной плавник. Запрокинув голову, я вскрикнул от боли, но никто из моих умирающих братьев не показал, что стал относиться ко мне хуже. Может, никто и не заметил. В тонком воздухе звук быстро рассеивался. Почему же так много шума? Если бы сотня акул и вдвое больше сахуагинов впали в безумную ярость среди выводка визжащих китов, вот тогда, может быть, получилось бы нечто, сравнимое с грохотом этого сражения.

Потребовалось усилие всех четырёх рук, чтобы я сумел подняться и заковылять к месту, где барон, командовавший нами, стоял во весь рост, горделиво опираясь на трезубец, словно предъявляя права на этот берег. Ещё два шага, и я увидел другое. Большая, дымящаяся дыра зияла в груди барона, и сквозь неё я мог видеть искореженные тела ещё троих из нашего умирающего клана. Один из них ухватился за мою ногу, когда я проходил мимо. Губы его зашевелились, и вне воды, которая донесла бы до меня его шёпот, я с трудом расслышал, что он говорил.

- Мясо есть мясо, - умоляюще произнёс он, боясь, что его тело останется бесполезно лежащим на берегу.

Я был голоден после долгого пути к городу – очень голоден – но вонь обугленной плоти не позволяла и думать о еде. Мясо есть мясо, но даже лучший кусок сахуагина можно превратить в несъедобный одним прикосновением огня.

Пинком отбросив в сторону его руку, я оглянулся в поисках своего отряда. Не выжил никто. Вокруг меня лежала куча падали, когда-то бывшая сахуагинами. Ещё недавно гордые плавники были изодраны, прекрасная чешуя тускнела и размягчалась. Мясо есть мясо, но во всех северных морях не хватит сахуагинов для такого пира. Наши владыки пообещали великое завоевание, но от такого не было ни пользы, ни даже силы из тел павших сородичей.

Гнев тёмным приливом поднимался во мне. Приказы приказами, но инстинкт повелевал вернуться в море, бежать в относительную безопасность волн. Мой взгляд вернулся к чёрным водам, и то, что я увидел, заставило меня вновь вскрикнуть. На этот раз восторженно.

Накатывающиеся волны останавливались, не добегая до песка, сливались одна с другой, превращаясь в могучее создание, порождение холодного моря и магии, новой для жриц Секолаха. Элементаль воды, как они его называли. Как гигантский сахуагин поднялось оно, и каждый его шаг посылал волны на чёрно-красный песок. Сахуагины, ещё остававшиеся в воде, воспрянули духом. Некоторые оседлали волну и выбежали с ней на берег. Они также умерли в огне и дыму.

Элементаль шла вперед. Голубоватый свет – бесконечный, испепеляющий, проклятый свет – хлестал со стороны пылающих магов. Воздух наполнило шипение превращающегося в пар элементаля. Магия, связывавшая его, рассеялась, и водянистое тело распалось в громком всплеске, окунулось назад в море, и там, где только что стояло существо, вода забурилась от жара.

На мгновение я снова ощутил искушение отступить, но и море не обещало безопасности, окутанное паром. Прикрыв одной ладонью глаза от слепящего сияния, я стал изучать башню у врат.

Магов было много, чересчур много – гораздо больше, чем заверяли нас наши бароны. В самом центре стоял темнобородый человек. Даже на мой взгляд он был высок и обладал могучим телосложением. Будь он сахуагином, он бы правил, и, похоже, среди людей было так же. Все маги метали огонь, и тёмные круги дымящегося песка были примерно одинакового размера – около десяти футов – рост принца сахуагинов от головного плавника до кончика хвоста. Любой огонь убивал, но тот, что источал высокий маг, превращал сахуагинов в пар и расплавлял песок под ними в спёкшуюся стеклянистую массу.

Повернувшись, я направился на север, к тем магам, которые просто убивали. Начинали подниматься высокие кучи вонючих, дымящихся трупов. Скоро они достигнут стены, и те, кто выживет, хлынут через нее в город. По крайней мере, в этой части план продвигался, как и ожидалось.

Как и было намечено, ни один из сахуагинов не приблизился к гигантским вратам. Ни один труп не добавлял свой вес к стене из дерева. Карабкаясь по горам падали, я молился всемогущему Секолаху, чтобы никто из людей не сообразил, что это значит.

Как раз в этот момент на стене появился новый маг, торопливо побежав севернее, к тому месту, которое наметил и я. Судя по размеру, он был молод. Он был маленький и худой, словно новорожденный малёк, и на нём совершенно не было волос, которые так уродовали прочих людей. Теперь я был достаточно близко, чтобы видеть его лицо, его глаза. Несмотря на странность облика, его жажда схватки была мне хорошо заметна. Этот человек смотрел на битву глазами голодной акулы. Достойный противник, если так можно называть одного из них.

Игнорируя жгучую боль в плавниках, я приготовился к бою.

Я взбежал по извивавшейся лестнице на укрепления, на ходу проводя по лбу ладонью, чтобы пригладить вьющиеся рыжие локоны, прежде чем вспомнил, что я только недавно обрился, устав от преследовавших с детства насмешек. Безволосая голова, которую я намеревался украсить татуировками на манер скандально известных Алых Магов, больше подходила человеку, чья жизнь – волшебство.

Но открывшийся мне вид изгнал столь тривиальные мысли из моей головы, приморозив к месту не хуже ледяного дыхания дракона.

Море бурлило, песок исходил дымом, и огромные зелёные чешуйчатые существа всё надвигались на нас сквозь картину невероятного кошмара.

- Сидон, ко мне!

Резкая команда Хелбена Арунсуна привела меня в чувство. Пробегая за спинами творящих заклинания магов, я подскочил к нему.

Прежде, чем он успел заговорить, элементаль самых невероятных размеров взмыл из воды, как вырвавшийся на поверхность кит. Он всё поднимался и поднимался, пока не стал вполовину выше даже гигантской Шагающей Статуи. Что касается количества и размещения конечностей, то здесь его облик грубо напоминал человеческий, но я никогда не видел такого ужасающего существа. Полупрозрачные плавники из воды развернулись по его рукам, спине и голове, словно паруса.

- Милосердная Мистра, - поражённо выдохнул я. - Как чудесно и невероятно, что смертным дано повелевать такой мощью!

- Оставь это для своего дневника, - рявкнул Хелбен. - Хью, позаботься о воротах.

Хьюмонт торопливо направился к центру стены. Он не был полностью обученным магом, и его огненные заклинания больше походили на фестивальные фейерверки – много сверкания и вспышек, но мало субстанции. Тем не менее, должен признать, что эффекты были неплохи. Первое его заклинание озарило небо розовым сиянием – гигантский луговой цветок расцвёл, распустился и осыпался сверкающими семенами в мановение ока. Весьма впечатляюще. Часть морских дьяволов замешкалась, и я, воспользовавшись возможностью, достал нескольких небольшими огненными шарами.

Копье просвистело в воздухе. Инстинктивно я пригнулся, хотя оно не поразило бы ни меня, ни стоявшего рядом со мной. А вот маг следом за *ним* оказался не столь удачлив. Он содрогнулся, когда копье вонзилось ему в грудь. Развернувшись и потеряв равновесие, он перевалился через стену. Он ещё падал, а морские дьяволы уже вцепились в него, раздирая лапами на части.

Хелбен указал своим посохом на картину жуткого пира и прокричал фразу, никогда не слышанную мною, когда речь шла о магии – хотя она без сомнения вполне часто встречается в ходе потасовок в тавернах. Я не успел ещё прийти в себя от удивления, когда второй, больший сюрприз заставил меня отшатнуться. Мантия мага стала багровой – сотканной уже не из шёлка, а из огня. Пламя даже не касалось погибшего, но обжигало каннибалов, посмевших прикоснуться к нему. Морские дьяволы чернели, оплывали уродливыми свечами, брошенными в горнило.

Архимаг ухватил меня за руку и указал на пылающее одеяние.

- Огненные стрелы, - приказал он, и повернулся, встречая новую атаку.

Настало моё мгновение, время для моего нового заклинания – с трудом впечатанного в память, но никогда прежде не применявшегося. Я запустил руку в мешочек с магическими принадлежностями, достал пригоршню песка и камешков, плюнул на нее и выдул к морю. Возбуждение билось в моих венах, смешиваясь с собирающейся вокруг магической энергией – что за поразительная смесь! – пока я торопливо производил нужные жесты и читал слова.

Огонь, охвативший несчастного мага, взорвался мириадами сверкающих стрел, оранжевых, как осенняя луна, и куда более ярких. Эти пылающие копья разлетелись во все стороны. Морские дьяволы визжали, бились в судорогах и умирали. Восхитительное зрелище! Вот, значит, как начнётся мой рассказ внуку, с того, как великий архимаг и я вместе нанесли убийственный удар.

Прежде, чем я смог полностью насладиться победой, гигантское щупальце поднялось из волн и шлёпнулось на песок. Широко распахнув глаза, я пытался поражённым рассудком осознать размеры существа, чьё появление предвещало извивающееся щупальце.

Подобных мысленных усилий от меня не потребовалось. Я ещё не успел выдохнуть судорожно втянутый воздух, а показалось уже второе щупальце, затем третье и четвертое. С ошеломляющей скоростью из воды вылезло всё существо. Ни разу прежде не видел такого, я, тем не менее, знал, кто это – кракен, гигантский моллюск, по слухам, обладающий большей хитростью и втрое большим умом, чем торговец драгоценностями.

Подтягиваясь и скользя, существо подбиралось к воротам. Хелбен сунул мне в руки посох и произвёл серию быстрых, плавных жестов. Я не узнал их, и не сумел бы даже приблизительно воспроизвести. Серебристые искорки затанцевали в воздухе перед нами, затем разлетелись в стороны, превратившись в длинный, тонкий и вполне материальный цилиндр.

Я, не удержавшись, хохотнул. Серебряное Копье – одно из изощрённых заклинаний леди Лаэрал.

Рука Хелбена, вытянувшись, сомкнула кулак вокруг пустого воздуха. Отведя руку назад, он изобразил бросок. Гигантское оружие следовало его движениям, будто великий маг и в самом деле держал его в руке. Он продемонстрировал незаурядную меткость – копье, пронизав воздух с огромной силой, почти утонуло в одном из вытаращенных глаз кракена.

Существо издало бесшумный вопль, разодравший мои мысли пламенным потоком боли. Сквозь туман я слышал крики моих братьев-магов, видел, как они падают на колени, прижимая ладони к ушам. Смутно осознавал, что и сам я упал.

Но только не архимаг. Хелбен выхватил Чёрный Посох из моей ослабевшей руки и провел им по воздуху, будто рисуя руны. Я увидел узор глазами, и тут же ощутил его в холодной темноте, остудившей боль.

Молчаливый крик прекратился, боль исчезла. Куда именно - сразу стало ясно. Кракен бешено бился в агонии, слишком хорошо знакомой мне. Хелбен каким-то образом подобрал силу, выжигавшую наши разумы, и обратил её вспять к источнику.

Казалось, пытка болью помутила мысли кракена. Он начал ползти по песку назад, торопливо отступая в море, но одно из щупалец шевелилось, словно выискивая что-то. Оно неожиданно взмыло в воздух и рванулось к воротам. На миг мне открылись тысячи присосок, размерами не меньше обеденного блюда, а затем отвратительная конечность впечаталась в деревянные ворота и замерла, прилепившись к ним. Кракен не обратил внимания на эту помеху его собственному бегству. Он вступил в море, все еще удерживая свою хватку на воротах; заскрипело, подаваясь вперед, дерево.

Для меня это выглядело случайностью, но мой мастер был более изощрен в искусстве сражения. Задумчиво изогнув бровь, он распознал стратегию врага.

- Отменно задумано, - пробормотал лорд Арунсун. - Ворота толстые и прочные – их не взломать тараном и не подорвать. Но, возможно, их удастся выдавить вперед.

Он сделал жест рукой в направлении Шагающей Статуи. Голем перескочил городскую стену, утонув ногами в куче трупов морских дьяволов. Леди Мистра, сделай так, чтобы звук этого приземления когда-нибудь исчез из моих ушей!

С всплеском тысячи ног вырывающихся из грязи, голем высвободился и двинулся к берегу. Гигантские каменные пальцы впились в туго натянувшееся щупальце кракена. Голем широко расставил ноги и потянул, пытаясь оторвать щупальце от ворот... или кракена. Омерзительные хлюпающие звуки доносились со стороны то и дело отрывавшихся от дерева присосок. Потом подалась сама плоть щупальца, и в воде забурили огромные пузыри воздуха – скрывшийся под волнами, возможно умирающий, кракен пытался выполнить свою работу. Ворота выгнулись, пульсируя в ритме с отчаянными усилиями морского обитателя. Я не взялся бы угадать, что не выдержит первым, они или кракен.

Громыкнул оглушительный треск, перед которым все остальные звуки битвы казались незначительными, как птичье пение перед рёвом дракона. По деревянным планкам зазмеились широкие трещины. Статуя удвоила усилия, каменные руки напряглись в титаническом усилии, пытаясь либо заставить монстра освободить ворота, либо разорвать его на части.

Наконец кракен сдался. Щупальце резко отлетело от ворот и как змея обернулось вокруг каменного лица голема. Тот сопротивлялся как мог, упираясь ногами, но был медленно затянут в воду, оставив за собой глубокие борозды. Поверхность воды содрогалась и бурлила от продолжившейся схватки гигантов. Руки статуи переплелись с бьющимися конечностями кракена, и наконец оба скрылись под тихими волнами.

Лорд Арунсун не выглядел довольным этой победой.

- Мы выигрываем, - заметил я.

- Когда вокруг столько смерти, не выигрывает никто, - прошептал он. - Такое загрязнение гавани... подобная победа может уничтожить город.

Жуткий вопль прорезал воздух. Я узнал голос, но никогда прежде не слышал в нём таких страха и боли. Я развернулся ему навстречу. Финелла Хендлер, красивая девушка, почти не уступавшая мне в искусстве сотворения огня, видимо, слишком устала, чтобы управляться с собственной магией. Огненный шар разорвался в её ладонях, и она запыхалась как свеча. Обезумев, она скатилась по наклону внутренней стороны стены и, продолжая кричать, понеслась по улицам. Боль не позволяла ей понять, что лучшей её надеждой на спасение были другие маги.

Второй возглас, столь же отчаянный, прозвенел со стороны юноши, которого я знал только по имени – Томас. Он был тихим пареньком, я даже не знал, что он любил Финеллу. Теперь в этом не было сомнений. Юноша тратил всю свою магию, посылая сбивающие пламя чары вслед умирающей возлюбленной, но её лихорадочная спешка не позволяла прицелиться. Вскоре последние отблески огня Финеллы скрылись из виду; я содрогнулся.

Хелбен жёстко подтолкнул меня.

- К северу. Сахуагины почти прорвались.

Мгновение я стоял как парализованный. Такая возможность даже не приходила мне в голову, я и представить не мог, как мне сражаться с морскими дьяволами на улицах Глубоководья. Боги одарили меня быстрым умом и талантом в Искусстве, но

ни силой, ни умением обращаться с оружием я похвастаться не мог. Мои огненные заклинания в городе не помогут. Старая древесина и соломенные крыши с готовностью подхватывают огонь, а, как к своему горю убедилась Финелла, пламя куда легче разжечь, чем погасить.

Новая неотложность убыстрила мои шаги, с обновлённой тщательностью я мысленно пересчитал оставшиеся заклинания, молясь, чтобы их хватило. Морских дьяволов надо остановить здесь и сейчас.

Пробегаая мимо Хьюмонта, я ухватил его за руку.

- Пойдём со мной, - бросил я. - Пугай их своими искрами, выиграй мне время.

Он последовал, но рука его потянулась к поясу с мечом, а не мешочку с компонентами для заклинаний. Магия осталась из нас двоих только у меня, и я щедро рассыпал её здесь и там, пока мы пробивались к северу. Я старался не задумываться, что буду делать, когда иссякнут мои резервы.

Когда мы добрались до назначенного мне поста, одновременно произошли две страшные вещи. Усталость превратила посланный мною огненный шар в бессильный дым, и две огромных, перепончатых, тёмно-зеленых ладони уцепились за верхушку стены прямо передо мной.

Шесть пальцев, подумал я словно в тумане. У морских дьяволов шесть пальцев. Уродливые ладони напряглись, и существо подтянулось, оказавшись со мной глаза в глаза.

Я забыл обо всём, уставясь в черноту этих отвратительных глаз, пустых, бездонных и безжалостных, темнее безлунной ночи.

Вот как выглядит смерть, прошептал я, а потом все мысли растворились в безумном вопле, вырвавшемся из моего горла.

Безволосый маг завёл песню – заклинание. Звук вышел пугающим, более звенящим и сильным, чем я предполагал услышать вне воды, способной нести его. На мгновение страх приковал меня к месту.

Момент слабости, не более, но маги поторопились им воспользоваться. Второй волшебник, этот бледный словно рыбе брюхо, выбежал вперед, занося меч. Наконец-то понятная мне битва.

Первым импульсом было запрыгнуть на парапет, но я вспомнил, что ни у одного человека, похоже, нет моей особенной мутации. У всех у них только одна пара рук. Я оставался на месте, пока маг-воин не оказался почти вплотную, но невидимыми ладонями потянулся к двум небольшим клинкам на ремнях.

Он атаковал резко, уверенно. Навстречу опускающемуся клинку я поднял кинжал. Появление третьей руки поразило его, заставив от неожиданности ослабить силу удара. Легче лёгкого оказалось отбросить руку с мечом вверх, ещё проще – рубануть небольшим, изогнутым серпом и раскроить ему живот.

Сладкий, тяжёлый, завораживающий аромат крови нахлынул волнами. Я перескочил на стену, к подаренному обеду. Строго говоря, передо мной был ещё враг, а не пища, но эту проблему решить было легко. Я запустил ладонь глубоко в

тело человека и вырвал пригоршню внутренностей. Жизнь оставила его мгновенно, и я забросил еду в рот.

- Мясо есть мясо, - проворчал я, глотая.

Опустилась благословенная тишина – безволосый маг закончил свою пронзительную песню. Он начал медленно отступать назад, выпучив глаза. Я не сразу понял, что именно, обознавшись, принял за заклинание: слабость, панику, *страх*. После этого моя схватка была, можно сказать, выиграна.

И не только моя. Другие сахуагины пробились на стены и сражались в рукопашную с людьми. Часть волшебников ещё метала магию и пламя, но у большинства, похоже, силы кончились.

Триумф превратил мой страх в постыдное воспоминание. Я вдохнул воздух, впустив его в горловой мешок, чтобы заговорить.

- Где твой огонь, маленький маг? Он ушёл, и скоро ты станешь мясом.

Маг – теперь просто человек – повернулся и побежал, как испуганная рыбёшка. Я чуть запоздал, удивлённый, что воин может так позорно оставить поле боя, поджав хвост. Вот что такое эти маги, в конце концов. Такие же слабые и беспомощные, как и любой человек. И этого труса я боялся как какого-то чудовища?

Ирония происходящего вырвалась смехом. Громким, булькающим, свистящим смехом, волнами, от которых содрогнулся мой живот и затряслись плечи. Всё ещё хихикая, я последовал за бывшим чародеем, полусбежавшим, полускатившимся по лестнице.

Несмотря на веселье, я был полон решимости. Я съем свой страх, и тем верну себе честь.

Мистра милосердная, что за звук! После этого кошмарного смеха, всё прочее в какофонии битвы казалось сладкой музыкой. Я бежал от этого звука, нёсся прочь от смерти в бездушных чёрных глазах морского дьявола, и от воспоминаний о сердце храброго Хьюмонта, наколоте на его когти.

Все, кто сражался и пал у Западных Ворот, удостоятся одного конца, единой мрачной и незавидной судьбы. Будь то торговец или благородный маг, человек или сахуагин, разница оказалась невелика.

Позади над песками разнёсся грохочущий гром. Я почувствовал вспышку вызванной магией молнии, знакомый вой огненного элементаля, но уже не думал о том, какие новые волшебные чудеса призовет Хелбен Арунсун. Вообще не *думал*. Я превратился в животное, мясо, которое ещё дышит, и, следуя животному инстинкту, убегал от смерти.

Смерть следовала за мной по городу, бежала быстро, как морской дьявол за моей спиной. Вихрь заклинаний защитников вызвал не один пожар. Справа от меня огонь подхватила выложенная брёвнами улочка, и он быстро распространялся от одного к другому. С другой стороны улицы пылал особняк. Утром от него не останется ничего, только почерневший остов и обугленные кости престарелой дамы, с отчаянием на лице высунувшейся из окна верхнего этажа и умоляюще протягивавшей руки. Увиденных мною за столь короткое время ужасов хватило бы

на сотню мрачных историй. Я отмечал их с той же бессловесной, неразмышляющей ясностью, которая помогает кролику найти путь сквозь заросли, удирая от лисы. Городские улицы были переполнены криками, запахом смерти, и треском огня.

Огонь.

Не знаю почему, но вздымающиеся языки пламени, отпечатавшиеся в онемевшем разуме, вернули мне некое подобие рассудка. Я вспомнил всё известное мне о морских дьяволах, и что огня и магии они боятся превыше любой другой вещи. Вот почему меня выбрали для Западных Ворот, почему я был вызван на стены, сражаться подле архимага. В моём распоряжении было несколько огненных заклинаний. Оставалось последнее, вотканное в магическое кольцо, которое я носил всегда, но в панике совсем о нём позабыл.

Но где использовать его? На улицах моего города хватало огня. Ага, вот и ответ. Строение сбоку уже вспыхнуло, большего вреда я уже не причиню. Я рванулся по ступеням к садику на крыше, чувствуя на бегу жар под ногами. Морской дьявол не отставал, дыша за спиной размеренными, шипящими глотками воздуха.

На крыше я развернулся, став лицом к лицу с сахуагином. Он двинулся на меня, разбрасывая с пути почерневшие каменные горшки с увядшими от нестерпимой жары цветами. Все четыре массивных зелёных руки потянулись, готовые ухватить меня. Челюсти были распахнуты, и с поджидających клыков капала окрашенная кровью слюна.

Я не побегу. Хьюмонт, человек, которого я оценивал так презрительно – и ошибочно – стоял и сражался, оставшись безо всякой магии. Сорвав колечко с пальца, я швырнул его в морского дьявола.

Круг зелёного пламени вспыхнул из кольца, окружив существо, потусторонним сиянием поблёскивая на его чешуйках. С того мига и до самой смерти, я всегда буду представлять себе тварей Бездны купающимися в зелёном свете. Морской дьявол издал испуганный, свистящий вопль и упал, отчаянно перекатываясь и пытаясь сбить с себя магический огонь.

Я огляделся вокруг в поисках оружия, которым можно было бы довершить дело. На крыше был очаг, а рядом с ним несколько железных вертелов для поджаривания мяса. Они подойдут.

Никогда я не нападал на живое существо оружием из стали или железа. Пусть эта история тоже останется нерассказанной, но к третьему вертелу задача стала казаться полегче. С четвёртым я уже почти лихорадочно торопился убить. Сахуагин всё ещё был жив, а вот зелёный огонь слабел.

Неожиданно пол под моими ногами дрогнул, глухой рёв стал громче. Крыша начала терять устойчивость, я инстинктивно отпрыгнул...

Прямо в руки сахуагина.

Морской дьявол снова перекатился, сначала я оказался наверху, потом меня придавило его весом, но ни на миг он не отпускал меня. Как бы отчаянно не пытался сахуагин избавиться от огня, он явно намеревался поступить со мной так же, как с Хьюмонтом.

Но хоть он и был быстр, рассыпающееся строение его опередило. Крыша подалась и упала, провалилась на этаж глубоко под ней. Я ощутил неожиданный

порыв жара, ошеломляющее чувство падения... и резкий рывок, когда мы остановились.

Две руки морского дьявола сжимали меня, но две других ухватились за край появившейся дыры. Могучие мускулы сахуагина напряглись – ещё немного, и он вырвет нас обоих из пасти пожара.

Всё было кончено. У меня не осталось заклинаний. Из волшебника я превратился в пищу.

Мои руки бессильно опустились по бокам, и одна коснулась металла. Это оказался серповидный клинок, разорвавший Хьюмонта.

Я схватил, и он не казался в моих ладонях таким чуждым, как я ожидал. Сахуагин увидел клинок слишком быстро. Я подумал ещё, что заметил в чёрных глазах нечто вроде уважения, когда, изогнувшись в его хватке, со всех сил ударил по ладоням, державшимся за край. Больше у меня не было огненных заклинаний, но это уже не имело значения.

- Пламя есть пламя, - выкрикнул я, и мы вместе понеслись навстречу дожидавшимся огненным языкам.

Каким-то образом я выжил и в падении и в пламени. Невыносимая боль в дни и месяцы, последовавшие за этим – ещё одна вещь, о которой никогда не узнают мои восхищённые потомки. Человек Сидон выжил, но великий волшебник, которым я намеревался стать, сгорел. Даже моя страсть к магии ушла.

Нет, не совсем так. Не ушла, но стала иной, мягче. Исцеляющее зелье раздуло крошечную искру жизни в моём теле и частично вернуло подвижность в обгорелые ладони. Хелбен Арунсун часто навещал меня в эти дни, и из тихих бесед я узнал больше правды о великом архимаге, чем лицезрел на пылающих укреплениях Западных Ворот. С его одобрения теперь я работаю над созданием зелий и снадобий – чар, предназначенных для исправления того, что магией разрушено. Пока есть маги, всегда будут нужны такие, как я. Пламя есть пламя, оно сжигает всё, к чему прикасается.

Дедушка, пожалуйста, расскажи – что ты делал, когда напали морские дьяволы?

Возможно, когда-нибудь у меня будут дети, и их дети попросят меня поведать им историю. Их глаза будут сиять в ожидании героических деяний и чудес волшебства.

Они будут детьми этой земли, рождёнными от крови и магии, и такие истории принадлежат им по праву.

Но, о госпожа моя, Мистра, я не знаю, что мне ответить им.

СОКРОВИЩА

Впервые издано в журнале «Dragon» №282, апрель 2002 г., отредактировано Дэйвом Гроссом

Это первый и пока единственный рассказ о призраках, который я написала. Он немного рассказывает о предыстории Фары Нур, второстепенном персонаже трилогии «Советники и Короли». И снова, эта история представляет знакомые сцены через другую пару глаз, поскольку Нур лишь свидетель событий, связанных с романом «Водные Врата» – событий, которые привели к безумию Кивы и ее ненависти к магам Халруаа.

Это такая темная история, что некоторые люди с трудом узнают в ее авторе воспитанную «футбольную мамочку», коей я кажусь читателям. Когда Дэйв Гросс, редактор журнала «Dragon», попросил пикантный кусочек личной информации в двух словах, для того чтобы включить его в биографию автора, я упомянула, что меня только что попросили стать председателем родительского комитета местной начальной школы. Хотя этот факт был достаточно правдивым, я оказалась в щекотливом положении. Но Дэйв радостно ухватился за эту мысль, и потребовалось некоторое убеждение для того, чтобы заставить его отказаться от нее. Очевидно, я не единственная, кому нравится ирония.

Нур слышала распев молитвы. Звук был отдаленным, еле уловимым, он будто просачивался сквозь густой туман. Но всё же заклинание было могущественным, каждое его слово разгоняло необъяснимый мрак, окружавший девушку.

Она старалась прийти в себя, как спящий, который вдруг осознал себя актёром в дурной драме на сцене собственного сознания. Наконец девушка вырвалась из состояния между сном и явью – но лишь затем, чтобы увидеть себя проплывающей мимо стройной, черноволосой девушки, которая лежала лицом вниз, распластавшись перед сияющим алтарём.

Резкая волна страха заставила Нур отпрянуть, молотя ногами и руками в воздухе, в отчаянной попытке обрести опору для ног. Она ударилась о стену позади себя – довольно сильно, чтобы отскочить от нее. Ничто из этого не помогло разрушить странного наваждения. Потерянная и глубоко озадаченная, Нур оглянулась в поиске объяснений её нынешнего состояния.

Лежащая на полу девушка была молодой и изящной, с волосами цвета воронова крыла, характерного для знатного семейства Галагар. Она была одета в пурпурно-черное платье – цвета некроманта; цвета, которые Нур недавно сама начала носить, вопреки отцовским запретам. Значит, эта молящаяся девушка, должно быть, она сама. Нур приняла этот факт. Но почему тогда она парит, глядя сверху вниз на собственное тело?

Её взгляд скользнул по комнате. Стены, ниши и алтарь были облицованы напоминавшим опал редким мрамором с голубыми прожилками. Серебряные потиры стояли на мраморных пьедесталах, а легкий запах благовоний наполнял комнату тонкой дымкой. Над телом Нур стоял высокий жрец, читая молитву и размахивая палочкой, из которой лился сияющий голубой дым. Он был облачен в белые одеяния, а серебряный обруч на его лбу означал, что перед ней Верховный жрец. Меньшего Нур и не ожидала, поскольку это была её родовая часовня.

Резкое понимание происходящего нахлынуло на неё. Жрец читал молитву с просьбой открыть завесу будущего у Мистры, Повелительницы Магии. По семейной традиции молодые люди, прежде чем стать подмастерьем у волшебника, должны были пройти духовное испытание в мистическом путешествии. Отделение души от тела и странное чувство полета должно быть являлось частью видения.

Странно, но она мало что помнила из недавнего прошлого. Необычно также то, что она и жрец были одни. Семья Галагар всегда собиралась вместе, чтобы проводить неопытного волшебника в путешествие.

Нур изучила свое распростертое тело. Она была одета в простую одежду, которая подходила для дальних путешествий, а её ноги были обуты в башмаки вместо привычных сандалий, отделанных драгоценными камнями. Большинство колец на её пальцах она видела впервые, что, впрочем, неудивительно. Украшения, подаренные заботливым отцом и толпой поклонников, были так многочисленны, что у Нур были целые сундуки с драгоценностями, которые она даже ни разу не надевала. Тем не менее, большое чёрное с красным кольцо на левом большом пальце было ей знакомо. Вырезанное из обсидиана и украшенное гигантским рубином, это было кольцо повелителя смерти.

Так вот почему её отец не пришел!

Злость, черная и горькая, вскипела в сердце Нур. Девушка позволила этому чувству полностью охватить себя, так как оно было менее болезненным, чем осознание, что отец отрёкся от неё. Общеизвестно, некромантия в Халруаа являлась наименее почитаемым из девяти Искусств, но Нур всё равно не понимала отцовского отвращения к ее выбранной судьбе. Она уже обладала богатством, родословной и красотой. Теперь Нур жаждала власти. Игра с чувствами, гордостью и честью воздыхателей была приятным развлечением, но, как некромант, она могла завладеть их душами, держать жизнь и смерть в своих украшенных драгоценностями руках!

Песнопение становилось громче, оно вбирало магию Плетения, что поддерживало и соединяло всё. Сердце Нур стучало в унисон растущей магической силе. Девушка запрокинула голову и в предвкушении расхохоталась, не заботясь, что её астральная форма не издавала и звука.

Её всё равно бы никто не услышал: молитвы жреца становились громче, пока не наполнили собою всю комнату и стали чем-то большим, нежели просто человеческий голос. Магия молитвы вырвалась из уст жреца на свободу и обрушилась на девушку как ураган. На мгновение Нур была лишь листочком, подхваченным бурей – совершенно безвольным и словно плывущим по течению. Потом невидимые руки подхватили её и одним сильным рывком вернули в собственное распростёртое тело.

Нур пришла в себя, судорожно глотая воздух. Она заставила себя подняться на четвереньки, чувствуя странное головокружение и тяжесть в теле.

Жрец опустил на колени перед ней. Мягкие пальцы обвили её подбородок и приподняли лицо.

- Леди Нур? – он спросил.

Тёмные глаза, добрые и встревоженные, изучали ее лицо. Жрец назвал её по имени, а прикосновение мужчины, казалось, свидетельствовало о их давнем знакомстве, но его лицо было незнакомым.

Паника, словно заключённая в клетке птица, трепетала внутри Нур. Она мотнула головой, чтобы высвободить подбородок, и неуверенно встала на ноги.

- Леди Галагар, - поправила она холодным и надменным тоном, который, как сказал один из её поклонников, больше подходил ледяной скульптуре. – Я готова к моему путешествию.

Слабая улыбка с грустинкой появилась на лице жреца.

- Да, я вижу. С возвращением. Ваша лодка снабжена всем необходимым и ждёт вас.

Она бросила на него недоуменный взгляд.

- Лодка?

- Путешествие приведет вас к Слиянию, - пояснил он. – Это место великой силы, где нити Плетения Мистры...

Нур прервала его одним властным жестом:

- Кто ты такой, чтобы учить меня истории моей семьи? Я знаю своё предназначение, жрец. Я также знаю, что дорога к Слиянию была сухой на протяжении всей моей и твоей жизни.

Он отвёл глаза:

- Река Галагар вышла из берегов.

Эта новость неприятно поразила её. Река, что текла с вершин Лхайргала, достигая поместий её семьи, была медленной и спокойной. Она важно прокладывала путь через леса, изумрудно-зелёные пастбища и исчезала в болоте Галагар. За всю её жизнь река ни разу не выходила из берегов! Как такое могло случиться и почему она этого не помнит?

Нур быстро поборол шок от этой новости и задумалась. Если ей придется отправиться на лодке, чтобы достичь Слияния, то вполне возможно, что и болотная живность смогла достичь этого волшебного места.

Девушка хищно улыбнулась. Болото было котлом, в которой бултыхались твари, исчезающие и появляющиеся в самых неожиданных местах. Немногим путешественникам болото было по зубам. Нур не могла найти места лучше для проверки своих способностей.

Неожиданно участливость жреца приобрела для неё другое значение. Нур вздернула подбородок, а её щеки запылали от ущемлённого самолюбия.

- Ты думаешь, я потерплю поражение, - проговорила она холодно. – Ты думаешь, что испытания впереди не по плечу моим навыкам и смелости.

Она протянула руку вперед, благодаря чему рубин в кольце Повелителя Смерти поймал свет факелов и зловеще блеснул.

- Я заслужила право носить это кольцо и использовать его могущество!

Нур с вызовом посмотрела на жреца, ожидая, что он проклянёт ее, как некогда сделал собственный отец. Кольца Повелителя Смерти встречались редко и были необычайно дорогими. Цена на них была всегда высокой и требовала оплату кровью. Это кольцо стоило Нур её девственности, любви отца и жизни троих добропорядочных людей. Не смотря на всё это, она считала покупку выгодной.

Жрец отвел глаза и, не выдержав её напора, склонил голову:

- Это преддверие вашей судьбы, леди Нур. Решать, пройти или отступить, надлежит вам и никому больше.

Она сдержанно кивнула и целеустремлённо зашагала из часовни. Дверь открылась перед Нур с необычайным скрипом, как будто магия часовни каким-то образом вобрала в себя отвращение жреца. Взгляд Нур скользнул по саду, и все прочие мысли растаяли. Она остановилась так резко, что ей пришлось ухватиться за дверную раму, чтобы не упасть.

Сад часовни был полностью затоплен. Деревья, что дарили некогда плоды и прохладную тень, теперь были согнуты, как старики от тяжести жизненного бремени. Яркая мозаика внутреннего дворика превратились в невнятную грудку треснувших и блеклых обломков. Когда-то широкий пролёт мраморной лестницы вёл в тенистый сад, который был гордостью семьи и предметом зависти соседей. Теперь ступени исчезали в мутной воде, а сам мрамор был покрыт трещинами и испачкан зелёным налётом. Слуга стоял по колено в воде, удерживая небольшую плоскодонную лодку.

Взгляд Нур скользнул по небольшому судну. Нос его был изящно изогнут, но сама лодка была широкой, с низкими бортами и почти такая же плоская как баржа. Она скользила по воде, едва касаясь ее поверхности, как некое насекомое. Девушка вздохнула от облегчения. Хотя что-то соответствует ожиданиям! Такие лодки использовались в сезон дождей для путешествия через болотистую местность и затопленные поля; они приводились в движение таким простым заклинанием, что любой халруаанский ребенок мог его прочитать.

Она позволила слуге посадить себя в лодку. После, устроившись, она сосредоточила мысли на месте назначения и принялась напевать простое заклинание. Судно заскользило по направлению к Слиянию. Нур высоко вскинула голову, полная решимости не обращать внимание на запущенные пейзажи и сосредоточиться на грядущей задаче.

Однако её решимость быстро растаяла. Куда бы ни повернулась Нур, она взирала с нескрываемым ужасом на изменения, принесённые штормом, который даже не могла вспомнить. Древние засохшие деревья маячили вдали, мох, словно саван, укрывал оголённые ветви. Воздух стал затхлым и зловонным. Огромные пузыри поднимались над мутной водой, а низкие, ворчливые крики болотных тварей звучали отовсюду.

Мимо пролетела гигантская стрекоза, так близко, что переливающееся крыло черкнуло Нур по лицу. Она испуганно шарахнулась в сторону, закусив кулак, чтобы приглушить свой вскрик. Показать страх может стать смертельной ошибкой, ведь прикосновение стрекозы было далеко не случайным. Эти существа питались падалью, либо теми, кто скоро мог ею стать. Насекомое «попробовало» её и решило,

что девушка недостаточно мертва, чтобы оказаться интересной. Или, возможно, оно уже насытилось тем, что принес шторм.

Нур прикрыла глаза, стараясь не представлять раздувшиеся тела утонувших лошадей. Коневодческие фермы её отца располагались недалеко от часовни. Девушка не хотела видеть, что случилось с этими лоснящимися, быстрыми животными, над которыми пировали стрекозы. Она уже однажды видела такую картину. Рой стрекоз неистово обглаживал мертвого рофа, а их яркие тела напоминали переливающийся мерзкий орнамент.

С её губ слетел вздох разочарования. Муссоны, что спровоцировали такое наводнение, должно быть были необычайно свирепыми, однако она ничего не помнила. Очевидно, ритуал затуманил разум Нур. Её память, несомненно, вернется, как только путешествие за порог будет пройдено. Если этого не произойдёт, она сдерёт кожу с того презренного жреца и пустит её на новые туфельки.

Неожиданно лодка накренилась на левый бок. Нур вцепилась в края, чтобы не упасть. Лодка продолжала наклоняться, правый борт медленно, но верно поднимался вверх, так что Нур пришлось прижаться к днищу и упереться ногами в борт. Лодка встала вертикально и продолжила крениться, уже готовая коснуться тёмной, алчной воды. Наконец судно замерло, лишь изредка подрагивая, словно борец, не имеющий силы, чтобы вырвать преимущество, но слишком упрямый, чтобы отступить.

Нур отчаянно вцепилась за сидение, чтобы не упасть в воду.

- Тебе не утопить меня! – Её голос сорвался на визг, когда она обратилась к невидимому врагу. – Магия моего отца оберегает лодку!

- А тебя? – поинтересовался сухой, насмешливый голос. – Не думаю, маленькая Повелительница Смерти.

Потрясённая Нур замерла и замолчала. Ведь она кричала из напускной храбрости, совсем не ожидая, что ей кто-то ответит!

- Говори, девчонка! Благородная дама не будет стоять с открытым, как у рыбы, ртом.

Вторая волна ужаса накатилась на Нур. Она слышала эти слова раньше, много раз, выслушивая порицания и упрёки; с детских лет и до тех пор, пока не научилась «хорошим манерам». Голосу немного не доставало нервной интонации, но слова были безошибочно чётко произнесены. Благородная леди, прежде всего, должна иметь *отчётливую речь*.

- Бабушка? – прошептала она.

- Отдай мне кольцо, маленькая повелительница смерти, и отправляйся домой.

- Нет! – Криком сорвалось с губ Нур, и в нём смешалось всё: ужас, гнев и упрямство.

Лодка шлепнулась на воду так, что Нур обдало зловонными брызгами, а сама она больно ударилась об пол. Ноющая боль пробежала по позвоночнику как вопль баньши. Девушка стиснула зубы и откатилась в сторону.

И весьма вовремя. Рука скелета перевесилась через край лодки и настойчиво продвигалась вниз. Костяные пальцы скрипели по дереву, пока рука на ощупь подбиралась к добыче.

Нур спешно, по-крабьи отползла прочь от нападающего. Однако неожиданно любопытство перевесило страх. Если этот оживленный скелет принадлежал бабушке Нур, то как та могла говорить? Её бабушка была величественной матроной, но довольно слабой волшебницей. Заклинание, позволяющее умирающему волшебнику трансформироваться в лича, было далеко за пределами скудных возможностей женщины.

- Кто дал тебе эту власть? – спросила Нур.

Вторая рука ухватила за край лодки. Костяные пальцы согнулись, а затем над бортом вырос череп. Знаменитые чёрные локоны семьи Галагар теперь заменяли вялые пряди морских водорослей. На Нур внимательно глядели пустые глазницы аристократичного скелета.

- Повелитель смерти, - простонала нежить. В этом слове звучала бесконечная печаль, а челюсть всё ещё двигались в манере отчетливой речи. А затем челюсть разбилась на тысячу осколков, когда алая молния выскользнула из кольца девушки.

Нур пристально вглядывалась в тонкое облачко зловонного дыма – то, что оставалось от скелета бабушки. Девушка мельком бросила взгляд на свою левую руку. Всё ещё сжатая в кулак, она была выкинута вперед и повернута так, чтобы большой палец указывал на нападающего. Темно-алое пламя тлело на кольце повелителя смерти.

- Выгодное приобретение, - прошептала Нур, прибавляя уничтожение костей предка к цене кольца.

Она тяжело перевела дыхание и возобновила заклинание, заставив лодку скользить по темной воде к намеченной цели.

Чем ближе Нур приближалась к Слиянию, тем гуще становился туман, скрывая всё вокруг настолько, что вскоре нельзя было разглядеть даже нос лодки. Девушка вздрогнула, когда лодка заскреблась дном о камни и остановилась.

В тот момент странно холодный ветер подул со стороны болота. Пелена тумана расступилась, явив высокую чёрную башню, башню волшебника, возведённую в самом центре Слияния.

После недолгого удивлённого молчания, Нур поднялась на ноги, дрожа от негодования. Это была её земля, её наследство! Она выбралась из лодки, слишком разгневанная, чтобы заметить, что она ступила на сухую землю.

Пара свирепых гаргулий охраняли двери, серые каменные демоны с эльфийскими ушами и увенчанными извивающимися змеями головами. Абсолютно не впечатлившись их видом, Нур набросила верёвку якоря вокруг поднятой в угрожающем жесте каменной руки. После чего замолотила в дверь башни.

Дверь открылась тут же, и перед Нур предстал привлекательный молодой человек в тёмно-красной мантии ученика некроманта. Практичный цвет, по мнению Нур, поскольку лишь несколько мокрых пятен и слабый запах меди выдавал наличие крови на одежде. Юноша с широкой и дружелюбной улыбкой поприветствовал её и предложил познакомиться с хозяином башни. Обескураженная и полная любопытства, Нур последовала за ним.

Комната, через которую они проследовали, была круглой, гораздо более обширной, чем наблюдающий снаружи мог бы предположить, и полной суматохи. Дюжина учеников в алых робах сновали повсюду, в руках они держали либо

инструменты, либо чаши полные крови. Беспорядочно стояли клетки с тварями, которых Нур никогда не встречала.

«Которых *никто* ещё не встречал,» - осознала она.

Девушка рассматривала всё с живым интересом, следуя за своим проводником через хаос, царивший в комнате. У одной стены были привязаны существа, похожие на кентавров, у которых человеческие торсы вырастали из сильных тел неведомых тварей. Её обдало лёгким ветерком, когда она проходила мимо молодого грифона, осторожно хлопавшего крыльями и о чем-то грустно бормотавшего похожим на человеческий голосом.

Взволнованная улыбка заиграла на лице Нур. Она слышала о подобных вещах – сочетании видов и передаче жизненной силы одного существа другому телу. Это и было в чистейшем виде искусство некромантии!

- Что он делает? – спросила Нур, кивая на другого юношу в тёмно-алой робе. Молодой человек стоял на табуретке, перемешивая большим деревянным веслом ингредиенты в огромном котле. Ученики приходили и уходили, наливая густой красный отвар в посудину.

- Кошки, - с готовностью ответил ученик, кивая на густую слизь. – Джунгли полны ими. Мы воспроизводим человека с кошачьей мускулатурой. Если сравнить, кошачьи виды в десять раз сильнее человека и ещё больше превосходят в ловкости и скорости.

Пока Нур наблюдала за варящимся котлом, из густой и вонючей массы выплыл закованный человеческий скелет, цепи которого крепились к ручкам котла. Скелет боролся с оковами, все время извиваясь, в попытке сбросить чужую плоть, которая медленно собиралась на его костях.

- Обратное разложение, - удивленно проговорила Нур. Она слышала о таком заклинании. Оно было необычайно сложным и, вполне очевидно, мучительным для жертвы. Но при завершении процесса, какого же интересного слугу получит некромант!

Она заново обдумала последние слова бабушки. Наверно, последнее прошёптанное "Повелитель смерти" было не издёвкой, а ответом на вопрос Нур. Возможно, останки бабушки обладали речью и памятью не из-за тех крупниц магии, которые некогда имела женщина, но благодаря могуществу мага, поднявшего ее из мёртвых!

Ученик жестом указал на высокого мужчину в чёрной мантии, который стоял спиной к ним и читал увесистую парящую в воздухе книгу.

- Учитель, - просто представил юноша. Затем он поклонился Нур и покинул ее.

Она сделала глубокий вдох, пытаясь собрать воедино остатки гнева.

- Господин волшебник, - позвала она и зашагала к нему.

Он повернулся, и что-то в его взгляде заставило Нур остановиться на полушаге. У него было поразительно благородное лицо, обрамлённое копной блестящих, цвета воронова крыла волос. Мужчину можно было посчитать красивым, если бы не бездушные, как у акулы, глаза.

Тем не менее, Нур не отвела взгляда.

- Вы посягаете на землю Галагаров, на наше фамильное гнездо. Построив эту башню, вы нарушили права моих предков и законы Халруаа. Что вы можете сказать в своё оправдание?

- Я Ахлаур, - ответил маг, будто его ответ объяснял всё.

Он и в самом деле всё объяснял.

Сердце Нур на секунду болезненно остановилось и в то же мгновение бешено забилося, словно укушенная пчелой кобыла. Её голова пошла кругом, когда она упала на колени перед величайшим некромантом современности.

- Я Нур, первая дочь Ханиша Галагара. Ваше присутствие делает честь моей семье, милорд, и я выражаю своё почтение от имени моего отца.

Глаза мага зловеще заблестели, свидетельствуя, что Ахлаур разоблачил лживость её слов. Возвести башню на земле другого мага, особенно в нынешнее мрачное и опасное время - вызов, который семья Галагаров никак не могла проигнорировать. Им обоим было известно, что такое могло закончиться только войной.

Пока она размышляла над ответом, к ней незаметно подкралась идея — настолько светлая и обнадеживающая, что Нур ахнула от такой возможности.

- Милорд Ахлаур, традиция моей семьи требует, чтобы каждая дева и каждый юноша по достижении возраста отправились к Слиянию. Мы приходим к этому месту сосредоточия силы, чтобы увидеть нашу судьбу от Мистры.

Губы Ахлаура скривились в порочной улыбке.

- И я судьба, которую предсказывает Повелительница? Очевидно, даже богиня не лишена иронии!

Пока остатки храбрости не покинули её, Нур быстро встала на ноги и продолжила:

- Мы проходим этот путь прежде посвящения себя в ученичество, чтобы узнать наше будущее. – Она подняла руку, чтобы показать кольцо Повелителя смерти. – Моё желание - изучить искусство Некромантии. Я наследница семьи Галагаров. Если вы примете меня в свои ученики, никто не посягнет на ваше право на эти земли.

- Ты считаешь, я нуждаюсь в подобном союзе? – спросил Ахлаур, скорее из любопытства, чем в гневе.

Она согнулась в торопливом поклоне.

- Конечно, нет, милорд. Пользу от союза получу только я.

Взгляд некроманта упал на ее руку.

- Ты носишь кольцо Повелителя Смерти, - произнёс он. Не колеблясь, Нур сняла кольцо и передала ему.

Ахлаур внимательно изучил изделие.

- Великолепный подарок. Что ты сделала, чтобы заслужить это кольцо?

Нур рассказала ему всё.

Откровенное повествование Нур, казалось, не произвело на мага никакого впечатления. Несомненно, он ждал услышать нечто большее. Нур жестом указала на суетливую деятельность.

- Вы принимаете множество учеников, господин Ахлаур. Возьмите меня, клянусь, я буду служить вам верой и правдой не меньше остальных.

Какое-то время он изучал её, оценивая своими бездонными черными глазами.

- Посмотрим.

Он резко развернулся и пересёк широкую комнату. После короткого замешательства Нур последовала за ним. Они вышли через заднюю дверь и прошли сквозь ряды длинных, низких построек, напоминавшие Нур конюшни ее отца. Наводнение в этих местах отступило, и грунт был сухим и твердым. Запах трав наполнял воздух, и цветы покачивались под дуновением лёгкого ветерка. Некоторые из них были ей известны: пурпурный аконит, розового и бледно-кораллового оттенка девичьи башенки, нежно-голубой и белый стелебриз. Все цветы были смертельно ядовитыми, несмотря на их внешнюю красоту.

Маг остановился перед каменным строением.

- Здесь содержатся мои эльфы, - объяснил он, - и здесь же большинство из них умирают. Если твое сердце сострадательно, а желудок слаб, предупреди немедленно. Я не терплю слёз и истерик.

Хотя здание не имело окон, а плотная дверь была изготовлена из цельного дуба, Нур могла слышать стоны и ужасные крики, эхом отражавшиеся внутри стен.

- Я готова, - даже для её разборчивых ушей собственный голос показался ей удивительно хладнокровным.

Они прошли через прочную дверь в адские недра. Нур сосредоточила свой взгляд на спине некроманта, игнорируя, насколько это было возможно, убогие камеры с обеих сторон, тянувшиеся вдоль длинного коридора.

Ахлаур привел ее к небольшой камере, из которой доносились истошные крики боли. На маленькой койке лежала лесная эльфийка, почти ребенок, закованная в железные кандалы по рукам и ногам. Она корчилась в самых страшных муках, которые Нур когда-либо видела. Бронзовая кожа эльфийки была покрыта бисеринками пота, а внутри ее живота, еще не округлённого от беременности, что-то шевелилось и вращалось. Казалось, будто это нечто изнутри пыталось вырваться наружу.

- Мне никак не удаётся вывести его в срок, - отметил Ахлаур. – Существо сильнее суррогатной матери, но оно ещё не готово родиться и умрет сразу же как только вырвется на свободу.

Нур сглотнула подступившую к её горлу тошноту.

- Что за существо, милорд?

- Ты слышала о ларакене?

Она кивнула в ответ. Это было существо из легенд, ненасытный монстр болот, питающийся магией неосторожных путников. По описанию ларакен походил на парящие желтые сферы, обрамлённые парой мясистых щупалец. Никто из столкнувшихся с этим чудовищем не выходил еще победителем. Однако таверны были полны преданий о встречах с чудищем, и дети рассказывали друг другу о них страшилки.

- Я вызвал ларакена и использовал как компонент для выведения более любопытного и могущественного монстра, - сказал Ахлаур обыденным тоном. – И я думаю, что нашел способ обойти эту помеху. – С этими словами он небрежно махнул рукой в сторону умирающей эльфийки.

Нур вместе с ним дошла до конца коридора. В последней камере, сжавшись в угол, находилась эльфийская девушка, укрытая только собственными длинными волосами цвета гагата.

- Кива, взгляни на меня, - приказал некромант тоном, которым обычно люди подзывают свою собаку.

Голос Ахлаура был наполнен некой мистической силой, потому что подбородок эльфийки начал медленно и с трудом подниматься, словно сила ее воли пыталась противостоять могущественной магии некроманта. Безмолвная битва бушевала ещё несколько мгновений, прежде чем прийти к неизбежному результату. Эльфийка резко закинула голову, и ее взгляд встретился с глазами Ахлаура. На маленьком и остром личике горели огромные янтарные глаза. Внутри них бушевала лютая ненависть, полная безумия.

Неистовое бешенство эльфийки было подобно удару. Бессознательно Нур сделала шаг назад.

Однако появившаяся на губах Ахлаура улыбка была почти что полна гордости.

- А эта с характером! Но не создай я узы смерти с ней, даже со своим упорством она не пережила бы развитие ларакенского отродья. Сомневаюсь, что от неё что-либо останется после рождения ларакена, но пока я жив, она не может по-настоящему умереть.

Нур с трепетом вздохнула. Это было бесчеловечно, но так восхитительно! Это была именно та сила, которой она так желала обладать!

- Узы смерти, - повторила она горячо. – Мне неведомо такое волшебство.

Некромант оторвал взгляд от заточённой эльфийки и посмотрел на амбициозную аристократку.

- Оно может стать твоим, - сказал он мягко.

Что-то в его голосе заставило кровь Нур застыть в жилах и побудило спокойный, здравомыслящий голос подсознания завопить об опасности. Не смотря на это, когда Ахлаур протянул руку, она подала свою в ответ. Не отдернула она руку даже тогда, когда он сотворил из воздуха небольшой кривой нож и опустил его к её ладони. Когда он начал напев заклинания, Нур прикрыла глаза, думая о той силе, которая вскоре будет принадлежать ей.

Опустившиеся сумерки удлиннили тени родового леса Нур, пока она продолжала идти следом за Ахлауром, как делала это уже сотни раз. В её руках находился огромный алый самоцвет, напоминавший формой многоконечную звезду, внутри которого пульсировала жизнь.

Лес был на удивление тих, не считая шаркающих звуков охотящегося ларакена. Монстр бежал впереди, как гончая, поймавшая след. И с каждым шагом Нур алый самоцвет горел все ярче и ярче.

Девушка мысленно приказала себе не раздумывать об источнике сбора магической силы. В то время, когда она завернула за громоздкий ствол дерева билбоа, солнце замерцало на безупречной кристальной статуе эльфа: прозрачной как вода и холоднее самой смерти.

Каждый раз, проходя мимо, а проходила здесь она уже много раз, при виде этой статуи девушка содрогалась от мысли, что жизнь живых существ могла так быстро и без остатка оборваться, что даже их смерть оставляла видимую глазу пустоту в Плетении. Но именно это Ахлаур и сделал. Ларакен питался магией, высасывая её из любого источника, на который мог наткнуться, и передавал этот дар своему хозяину. Самоцвет вобрал в себя жизненные силы бесчисленного количества эльфов. Где-то еще в Халруаа другие темные слуги и могущественные артефакты добавляли в кладезь Ахлаура похищенную магию. Вскоре никто не сможет противостоять ему. Некромант был в полушаге от завоевания Халруаа, а мечта Нур о могуществе близилась к исполнению.

И всё же в Нур горело искушение бросить мерцающий самоцвет об землю, чтобы посмотреть разобьется ли он. А заодно взглянуть, может ли такое простое действие освободить заточённые внутри души.

Она отмахнулась от внезапного наваждения. Время от времени её посещали дикие мысли; даже будучи ребенком, катаясь на лошади со своим отцом, она иногда задумывалась, что произойдёт, если она заставит свою лошадь перепрыгнуть через овраг. Все люди имели глупые и мимолетные желания, но только безумцы поддавались им.

- Достаточно на сегодня, - объявил Ахлаур, чей взгляд, упавший на самоцвет был полон удовлетворения. – Мы возвращаемся в башню.

Нур осторожно оглядела черный лес.

- А ларакен?

- Оставь его, - сказал некромант беспечно. – Пусть ещё чуть-чуть поохотится и покормится.

- Но мы далеко от башни, - напомнила она.

- Что с того? Если мне понадобится ларакен, ты вызовешь его с помощью пары слов.

Нур кивнула в ответ. Взаимосвязь между Ахлауром и ларакеном была гораздо сложнее, чем узы смерти между ней и некромантом. Магическая мощь переливалась от ларакена магу, но никогда ещё она не видела, чтобы Ахлаур колдовал заклинания на ларакена. Нур подозревала, что он и не мог, но ни разу не поддавалась соблазну спросить об этом. Испытывать терпение Ахлаура тоже было порывом, которому мог поддаваться только безумец.

Она наблюдала за тем, как легко её учитель открыл магический портал: мерцающий овал, на котором зазолотились заходящие лучи солнца. Когда он галантно протянул ей руку, она подала ему свою, и они вместе переступили через светящийся порог.

Они оказались в нескольких шагах от башни и сразу заметили непривычную тишину. Даже птицы замолкли в окружающем лесу.

Ахлаур метнул свой взгляд на алый самоцвет, и его глаза сузились в размышлении. Долгие минуты он стоял молча, прислушиваясь к голосам, которые Нур слышать не могла.

- Наконец-то ему удалось найти меня, - пробормотал он. Без каких-либо лишних слов маг зашагал к башне.

Нур последовала было за ним, но остановилась как вкопанная у порога. Внутри башня выглядела так, словно по ней прошла буря. Пол был покрыт толстым слоем льда. Несколько мёртвых учеников Ахлаура лежали, покрытые коркой инея, а другие были заморожены в лед по лодыжку. Каменные стражи лежали грудой камней. Осколки магических артефактов были разбросаны по полу. По меньшей мере десяток хмурых магов выстроился в боевой готовности, в руках одних были подняты, словно мечи, волшебные палочки, а в руках других находились светящиеся магические шары, которые плавно переливались и колыхались от заключённой в них магии. Взгляд Нур скользнул по их лицам и остановился на сутулом и седовласом мужчине. Она подошла поближе, все это время пристально вглядываясь в постаревшего мага.

- Отец? – пробормотала она, не веря своим глазам. Когда она покинула свой дом, Ханиш Галагар был в расцвете своих сил, и с тех пор, как она стала ученицей Ахлаура, прошло меньше трех лет. Её отец часто говорил, что за могущественную магию приходится сурово расплачиваться, и его испещренное морщинами лицо было доказательством этих слов.

- То, что ты видишь во мне- суцая мелочь по сравнению с тем, что произошло с тобой. - Ханиш не произнес это вслух; неуловимая магия телепатически передала ей эти слова, но даже так она уловила в его речи глубокую печаль и сожаление.

Даже сейчас он стыдился ее! Нур резко вздернула свой подбородок.

- Зачем ты пришел, *отец?* –спросила она нарочито громко, с чётким произношением слов, которому позавидовала бы даже её бабушка. – Чтобы освободить или убить меня?

Интонация Нур была небрежна, но не вопрос. Ханиш Галагар был сильным магом, так же как мужчины и женщины, пришедшие с ним. Однако её учитель обратил мало внимания на разговор главы семьи Галагар и его сбежавшей дочери и, казалось, вовсе не был обеспокоен силой и численностью вторгнувшейся группы.

- Рад встрече, Залаторм, - произнёс Ахлаур с ноткой веселья в голосе.

Один из группы магов шагнул им навстречу. Он был почти на голову ниже Ахлаура. Его волосы и борода светло-каштанового цвета по стандартам красоты халруаанцев считались блеклым оттенком. Ничто в его внешности или одеянии не намекало о могуществе, а в его руках не было оружия или заклинаний. Но Нур его имя было известно — она слышала истории, как этот человек медленно устанавливал мир и порядок из того смертельного хаоса, который создал Ахлаур во время становления своего могущества.

- Я всё думал, когда же ты наведишь, - продолжил Ахлаур. Его взгляд без особого интереса скользнул по готовым к сражению магам и лишь на какие-то секунды задержался на Ханише Галагаре. – *Это* твои сильнейшие союзники, которых ты только мог собрать? Позволь мне превратить их в бессмысленную нежить. Им это пойдет только на пользу.

Нур резко бросила взгляд на отца. Лицо мужчины помрачнело из-за хорошо знакомой ей вспыльчивости, и он поднял свою палочку, чтобы отомстить за оскорбление. Прежде чем Нур смогла предупредить — она не знала, то ли отца, то ли своего учителя — заклинание сорвалось с палочки Ханиша.

Оно отклонилось от Ахлаура и устремилось к Нур, как молния к магнетиту, и в итоге было поглощено алым самоцветом. Чёрные волосы поднялись и затанцевали вокруг лица девушки, когда самоцвет впитал в себя магию её отца. Палочка Хамиша быстро лишилась своих зарядов, почернела и превратилась в пепел. Но самоцвет продолжал впитывать магию, пока рука, держащая палочку, стала не больше чем обтянутой кожей костью. Когда наконец молния исчезла, высушенная оболочка, закутанная в богатую мантию Ханиша Галагара, безжизненно упала на пол.

Нур смотрела перед собой в одну точку, чересчур потрясенная, чтобы зарыдать или заметить, как алый самоцвет поднялся из её рук и поплыл к Залаторму. Маг ловко поймал руками артефакт.

- Ты не сможешь мне этим навредить, - сказал Ахлаур, чей голос, как ни в чем не бывало, был всё также весел.

- Ты тоже, - ответил Залаторм мрачно. – Ведь этим самоцветом мы вверили наши жизни друг другу на попечение.

Некромант поднял хорошо очерченные чёрные брови в насмешливом удивлении.

- Ну-ну, Залаторм! Осторожнее со словами, или я начну подозревать, что ты питаешь сомнения насчёт нашей дружбы!

- Сомнения? Я не знаю, какое из двух худшее извращение: то, как ты использовал этот самоцвет, или во что превратился человек, которого я когда-то называл другом.

Ахлаур взглянул на свою ученицу. Никакие эмоции не отразились в его глазах после смерти Ханиша Галагара или при виде следов горьких слёз на лице Нур.

- Какой же он надоедливый, не так ли? – сказал он с презрительной усмешкой, кивнув головой в сторону Залаторма. – Но что ещё ожидать от человека, чей семейный девиз - «Слишком глуп, чтобы умереть»?

В ответ Залаторм поднял одной рукой самоцвет, а другой принялся чертить в воздухе заклинание. Каждый маг в комнате повторил его жесты.

Внезапно башня исчезла во вспышке белого света и оглушительной силы. Чутко настроенная на Слияние, Нур почувствовала, как башню с треском вырвало из земли с основанием.

Она упала на колени, ослеплённая вспышкой света и пораженная до глубины души могуществом заклинания. Могущественная магия в Халруаа была таким же обычным явлением, как ливни летом, но переместить целую башню, башню мага — башню Ахлаура! — было поразительным подвигом!

Но для чего?

Белый свет постепенно исчез. Нур заморгала в попытке избавиться от пляшущих точек перед её глазами и сосредоточила свое внимание на учителе. Он стоял в оборонительной позиции, как мастер фехтования, его оружие - скипетр с навершием в виде черепа и эбеновая палочка. Зная, какие заклинания хранятся в этих артефактах, она не сомневалась, что Ахлаур мог отражать атаки достаточно долгое время. Её взгляд упал на лицо некроманта, и на пару мгновений девушка пребывала в замешательстве, но потом она поняла выражение его безумных глаз и гримасу на его лице.

Ахлаур боялся.

Он метнул свой взгляд на Нур.

- Ларакен! – крикнул он, угрожая попеременно своим скипетром магам, начавших окружать его как стая голодных волков. – Вызови ларакена!

Так вот почему маги переместили башню! Вдали от ларакена у них была возможность вести бой с некромантом, не боясь, что они будут насильственно лишены своих волшебных сил! К тому же каким-то образом им удалось снять с башни защитные заклинания. Даже из могущественных артефактов в руках Ахлаура не лилась никакая магия.

Нур принялась чертить руками заклинание вызова. Её взгляд случайно упал на останки отца и затем на мерцающий самоцвет, в котором теперь находилась магическая сила Хамиша Галагара.

И, наверно, нечто большее, чем его магическая сила. Самоцвет впитал в себя души эльфов Ахлаура. Нур не могла с уверенностью сказать какая участь ожидала душу мага-человека, поглощенная жадностью некроманта.

Внезапно в памяти предстали образы её отца из прошлого: как он, прильнув к иссиня-черной гриве своей любимой лошади, с радостным смехом скакал через изумрудное поле. Отец учил её ездить верхом, когда она еще ходить толком не могла, и тогда Нур познала чувство свободы, галопируя через обширные земли, которые принадлежали ей по праву. Ради изучения некромантии Нур предала отца и своё наследие. Тем не менее, Хамиш отдал в жертву свою магическую силу и собственную душу, чтобы вырвать её из рук Ахлаура. Возможно, он пришел сюда, чтобы получить обратно земли своей семьи. Она никогда не узнает правду. Нур решила, что это не имеет значения: в конце концов, она уже сделала свой выбор, а он свой.

Её руки дрогнули. Незаконченное заклинание с треском затанцевало по ее пальцам, когда она обвела неуверенным взглядом комнату. Несколько волшебников стояло с поднятыми палочками, готовые в любой момент запустить в неё смертоносное заклинание. Но все они смотрели на Залаторма, который сдерживал их поднятой рукой и изучал Нур взглядом, который был одновременно благожелательный и оценивающий.

- Твой отец, - сказал он мягко, - был суровым человеком, но он имел доброе сердце. Ханиш верил, что любая магия имеет высокую цену. Он пришел сюда расплатиться за долг своей дочери.

Нур взглянула на мерцающий самоцвет в руках Залаторма. В этот момент её охватило сочувствие к заключённым душам. В чем-то её судьба была ужасающе схожа с их – из-за уз с Ахлауром, молодая женщина не могла умереть, пока жил некромант.

- Ты освободишь их? – спросила она хриплым от слез голосом. Он со всей серьезностью склонил свою голову в согласии.

Тень улыбки коснулась ее губ. Нур начала чертить в воздухе заклинание вызова, но слегка видоизмененное. Она начала читать заклинание, произнося нараспев могущественные слова, которые выучила на службе у некроманта.

Заклинание было из древних знаний, использованных Ахлауром для создания ларакена. По башне прошёл треск от магической силы, когда Плетение изменилось,

открывая портал в иное измерение. По комнате разнёсся словно бы рёв бушующего моря, превратившийся в резкий и гневный визг.

Магическая волна прошла по башне во второй раз. Группа волшебников разбежалась с криками ужаса, когда из сияющего портала появилось чудище.

Нур осталась на месте. Ранее она уже встречала подобных существ, пленённых и истязаемых некромантом. Это существо участвовало в создании ларакена против собственной воли и почти так же мучительно как эльфийка, родившая чудовище.

Монстр был вдвое выше человека, с развитой мускулатурой дварфа, а всё его мощное тело было покрыто тёмно-зелёной чешуей. Живые извивающиеся угри, как змеи медузы, обрамляли его отвратительное асимметричное лицо. Водяной демон — а это был он — прикрыл свои пылающие алые глаза когтистой лапой. Его взгляд упал на некроманта, и в глазах монстра тут же вспыхнула ненависть, яростная, словно пламя ада.

- Ахлаур, - демон выплюнул с отвращением его имя своим скрипучим и утробным голосом. Он бросился вперед, вытягивая руки, заканчивающиеся острыми когтями.

Некромант отбросил своё бесполезное оружие и схватил демона за запястья. С нечеловеческой силой он сцепился с монстром, нараспев зачитывая защитные заклинания. Магические чёрные молнии трещали вокруг борющейся пары. Извивающиеся угри на голове демона с визгом бились в судороге, когда их жгла и иссушала магия. Один за другим, они безвольно упали на массивные плечи существа. Зловонное испарение исходило от тела демона, и его тёмно-зелёная чешуя съежилась, напоминая сыпь на коже. Не сознавая приближение собственной смерти, яростный демон неумолимо тащил с собой Ахлаура обратно к portalу.

Полные ненависти глаза некроманта рыскали в поиске Нур. Он поймал её взгляд и резко дёрнул рукой демона, имитируя рубящее движение.

Голова Нур опрокинулась, и на её горле открылись четыре алые раны. Она почувствовала ужасную боль, как будто душу насильно вырывают из собственного тела, а потом её окутала тьма.

Следующее, что Нур увидела, это как тьма потихоньку отступала, превращаясь в густой серый туман. Прежде чем её зрение обрело ясность, Нур знала, что она вернулась к Слиянию — девушка чувствовала его магическую силу. Башня Ахлаура также вернулась на свое прежнее место, но она была призрачной и иллюзорной. Сквозь её туманные очертания Нур разглядела покрытый мхом обелиск, почти наполовину утопленный в болотной воде.

В недоумении она огляделась. Вода была повсюду, как и в тот день, когда она впервые попала в башню. Исчезли и темницы с эльфами, и конюшни, и сад полный ядовитых цветов.

Нур была на барже, которая привезла её сюда, и она была не одна. Меньше чем на расстоянии вытянутой руки стояла молодая женщина с испуганным лицом, в чёрно-красной одежде для путешествий со множеством галагарских драгоценностей.

Долгое время Нур смотрела на лицо, очень похожее на её собственное: тонкие черты, огромные тёмные глаза на миленьком личике, которое было чересчур бледным. Нур потянулась к девушке в полу-ожидании, что та повторит движение. Но

девушка отпрянула, выбросив вперед руку, словно для отражения удара. С губ девушки сорвался приглушенный крик, когда пальцы Нур коснулись тонкой руки с кольцом повелителя смерти.

Неожиданная и жгучая боль пронзила Нур. Она быстро убрала руку. Что это было за существо? Её плоть была твердой как камень и обжигаете горячей!

Мимолетное и легкое соприкосновение, казалось, возымело обратное воздействие на девушку. Её лицо, и так довольно бледное, стало белее бумаги. Она сорвала обсидиановое кольцо со своего пальца и обнаружила серовато-синюю полоску — отмершую и обмороженную кожу, как у тех глупцов, что попадали в снежную бурю на пике горы Лхайргал. Полный ужаса взгляд девушки метнулся сперва к Нур, затем в сторону башни, которая начала быстро таять.

- Это был сон, - сказала она слабым и глухим голосом. – Всё было лишь иллюзией!

- Ну конечно, - ответила Нур ядовито, еле сдерживаясь из-за непонятности ситуации и в особенности из-за этой отскочившей девки. – Или ты будешь отрицать существование самого могущественного некроманта современности?

- *Современности?* – смех девушки был слабым и с ноткой истерики. – Но Ахлаур давно мертв!

Слабое и смутное предчувствие шевельнулось внутри Нур.

- Это невозможно. С лордом Ахлауром меня связывают узы смерти. Его кончина будет моей, и пока он живёт, я не могу по-настоящему умереть.

Почему-то эти слова только усугубили ужас девушки. Затем иное чувство промелькнуло в её глазах. Нур назвала бы это жалостью, но никто не смел одаривать её таким взглядом!

Девушка с трудом собралась и указала на обелиск.

- Этот монумент был построен двести лет тому назад в память об тяжёлых временах и геройстве предков.

Нур ошетинилась.

- Какие предки? Это земля Галагаров!

Девушка какое-то время молчала.

- Вода из болот прибывает. За могущественную магию, как видишь, приходится дорого платить.

- Я слышала об этом, - холодно ответила Нур.

- Семейная легенда гласит, что когда обелиск полностью погрузится в воду, Халруаа перестанет существовать. Легенда также гласит о привидении, которое влачит здесь своё существование и плачет то ли в покаянии, то ли в обиде. И его слёзы смешиваются с нарастающей водой.

- Что мне с того? - сказала гневно Нур. – Ты говоришь о легендах и о какой-то семье, тогда как это была землёй Галагаров еще с тех времен, когда Халруаа только зарождалась!

- Земля *принадлежала* Галагарам. Эта семья давно уже сменила фамилию, чтобы будущее потомство всегда помнило, что могущество достаётся дорогой ценой. До этого момента я не понимала этих слов.

- Сменили? На что?

Девушка сделала глубокий вдох и решительно посмотрела Нур в глаза.

- На Нур.

Несколько мгновений Нур стояла молча. Она тщетно пыталась найти смысл в этом странном заявлении и всём том, что произошло с тех пор, как она оказалась на этом острове.

И тут она поняла, что стояла вовсе не на островке, а над поверхностью воды и парила в точности как в тот раз над девушкой в начале ритуала.

Так вот в чём дело. Во время битвы в башне Ахлаура ее душу выбросило из собственного тела, которое по непонятным обстоятельствам сопротивляется воссоединению. К счастью, Нур обладала навыками некромантии и кольцом повелителя смерти. Со своими талантами она быстро решит эту проблему. Она потянулась за кольцом, но девушка отскочила от нее.

- Ты и я - одно целое, - напомнила ей Нур. Она резко устремилась вперёд с вытянутыми руками, чтобы обнять свое тело и войти в него. – Мы обе Нур.

Девушка уклонилась от неё, бешено мотая головой в отрицании.

- Фарра, - задыхаясь, выпалила она. – Меня зовут *Фарра* Нур, и никакая магия этого не стоит!

С этими словами она швырнула кольцо повелителя смерти куда-то в туман и запрыгнула обратно в лодку. Её синие губы быстро задвигались, пока она тихо напевала слова чар. Лодка постепенно начала отъезжать от места Слияния.

Нур наблюдала за удаляющимся скифом, плавно скользящим над водной гладью. Она заметила, что вода не шла рябью под её собственными ногами, но не задумалась над странностью происходящего.

Скиф исчез в тумане. Нур пыталась последовать за ним, но вода не поддавалась. Она боролась и пыталась уйти, но, как в каком-то кошмаре, была не в состоянии не то что бежать, но даже сдвинуться с места.

Прошло ещё время. Нур не могла определить сколько, да это не особо её волновало. Изнуренная, она села у основания обелиска. Под её ногами вода ощущалась твердой, как некое тёмное и грязное зеркало.

Но не целиком тёмное, заметила она. Там, на глубине, мерцало рубиновым цветом кольцо повелителя смерти, которое светило так же ярко, как и в тот раз, когда она использовала его, чтобы избавиться от восставшей из мёртвых бабушки. Настроение Нур улучшилось при мысли обладания таким сокровищем. Наблюдая за поверхностью воды, она заметила в какой-то момент, что собственное кольцо засветилось ярче, и свет усилился, разбившись на мерцающие осколки. Девушка обрадовалась ещё сильнее, когда свечение стало чётче, явив на дне не одно кольцо, а несколько!

Она издала крик полный триумфа. Редко какой некромант обладал более, чем одним кольцом! Они будут её самым дорогим сокровищем. Они наделят её невероятным могуществом.

Нур потянулась за кольцами, но вода не поддавалась её рукам. Она пыталась снова и снова, но поверхность воды была неприступной, как стекло.

Поверженная Нур упала на полузатонувший обелиск, признавая своё поражение, и вдруг что-то в её воспоминаниях зашевелилось. Это было до странности знакомо. Молодые маги приходили прежде, и они придут вновь. В конце концов, это было

семейной традицией. И некоторые из них отбросят свои желания стать повелителями смерти в туман.

Они снова сюда придут, но она не умела ждать!

Становилось холодно на болотах, мучительно холодно. Она свернулась калачиком у основания обелиска, плотно обняв руками своё дрожащее тело. Слезы, полные отчаяния, потекли по её полупрозрачным щекам, падая в постепенно прибывающую воду.

НЕМНОГО ЗНАНИЙ

Изначально был издан в антологии «Королевства Тени» под редакцией Филипа Этанса, апрель 2002 года.

Трилогия «Советники и Короли» рассказывает о земле Халруаа и вводит новых персонажей – джордайнов, класс лишенных магии воинов-ученых, которые трудятся в качестве советников у лордов-магов Халруаа. Джордайны не только обучаются этой работе, они рождаются для этой цели. И, конечно, это чревато теми проблемами, которые возникают при ошибках в генной инженерии.

Потребовалось двести тридцать семь попыток, чтобы успешно клонировать овцу. Что же на Земле – или, если уж на то пошло, на Торице – тогда делать с теми, кто, например, появится на свет в результате неудавшихся попыток создания особого вида человека.

Эта история рассказывает о двух таких вот ущербных людях; «дефективный» джордайн, который по закону должен быть уничтожен при рождении, и волшебник, которого мучает способность видеть все возможные последствия любой ситуации.

Утреннее солнце, словно робкие пальцы, протянуло длинные лучи сквозь вековые деревья Халруаа, чтобы разбудить пропитанную дождем деревню. Но в Аштараххе давно уже все проснулись и были заняты каждый своей работой.

Летний сезон муссонов закончился. Деревенский прорицатель установил, что вчерашний ливень был последним. Еще рисовые поля и ягодные плантации походили на болото, но по ним уже двигались жнецы, утопая по щиколотку в воде и разбавляя свою трудную работу веселыми утренними песнями.

Туман цеплялся за поля и клубился вокруг небольших домиков, сжатых между землей и небом горячим, плотным воздухом, нагретым стремительно восходящим солнцем. Никто не думал, как перенасыщенный влагой воздух мог впитать в себя еще и вчерашние дожди; ответ был в пышном ландшафте Халруаа, в частности высоких, тонких деревьях, растущих по краю леса, мечтательно покачивающихся в такт музыке, которую слышали только они.

Деревья ванги появлялись вместе с первыми дождями, прорастая за ночь, словно зеленые грибы. Они росли с невероятной скоростью – две или три длины руки в день. К концу муссонов они уже были готовы к сбору урожая. Несколько детей, проворных, словно обезьяны, взбирались по сегментному стволу наверх, чтоб сорвать фиолетовый плод размером с кулак. Потом они бросали его в холст, который держали за углы четыре угрюмых на вид мальчика и, передвигаясь по земле, ловили их и перекидывали в сухую солому. Несколько молодых людей стояли рядом с мачете наготове. Как только все плоды будут собраны, деревья срубят, ошкурят по длине и вытащат на дорогу. Улицы деревни были вымощены булыжником, а лесные дороги хорошо укрыты, но путь, ведущий через поля, медленно высыхал после дождей. Каждый год свежие стволы ванги вдавливают в грязь, образуя ухабистую, но вполне сухую дорожку для передвижения к рынку.

Этот путь заканчивался между двумя мастерскими: кузнечной и колесной. Дым волнами поднимался над кузницей, и два подмастерья деловито катили новые колеса в специальные стойки. Поездка по бревенчатой дороге из ванги была сплошным дребезжащим мучением, и более чем одна из ожидающих на рынке повозок точно сломается. Но посещение торговцев и ремесленников, а также расколотые колеса, подкованные волю и сломанные оси были неотъемлемой особенностью ведения торговли в Аштаракхе.

Особенно оживлялся рынок в конце лета. Торговые ларьки и палатки стремительно возводились руками плотников и мелких волшебников. Собственники же постоянных магазинов откидывали защитные пологи, подметали свои владения и выставляли напоказ свои товары. Воздух был наполнен шумом ткацких станков и терпким ароматом созревших сыров. Разноцветные стеклянные бутылки, наполненные ягодными наливками, стояли рядами на полках, напоминая огромные рубиновые ожерелья. В лучах утреннего солнца блестели длинные отрезки тонкого белого постельного белья, а в арочных витринах виднелись, имитируя радугу, мотки ярко окрашенной пряжи. Но самыми известными изделиями в Аштараххе считались искусно сотканые гобелены. Они висели в каждом третьем ларьке, превращая рынок в настоящую галерею.

Деревенские жители, которые этим утром не были заняты никакой работой, прогуливались по вымощенной булыжником дорожке, любясь сотканным искусством. На большинстве гобеленов были вытканы сцены из истории и легенд Халруаа. В основном, изображались небесные корабли, но были и, общие для Халруаа, магические существа: ярко раскрашенные, многоногие крокодилы, известные как бехиры, крылатые звездозмеи, даже страшные ларакены. На некоторых гобеленах изображались портреты знаменитых, и не очень, волшебников. Некоторые сцены оживлялись небольшими магическими эффектами, имитирующими световые молнии, летающие между противниками, словно те сражались заклинаниями. Довольно большое плетение пылающего феникса – нового штандарта короля Залаторма – привлекало восхищенные взгляды. Но самая большая толпа народа, однако, собиралась на юго-западном углу площади, где Урсо Всевидящий сидел за своим кособоким, в настоящий момент неработающим ткацким станком.

Урсо был худой, скромный человек неопределенного возраста. Его длинные, довольно волнистые локоны поседели, а лицо было непроницаемым, за исключением его светлых глаз – карих с оттенком скорее серого, чем зеленого цвета, что выглядело несколько странно в стране темноглазых черноволосых людей. Прозвище «Всевидящий» содержало в себе легкую насмешку, хотя ходят слухи, что раньше к нему относились с уважением. Когда-то, как было уже сказано, Урсо был могущественным предсказателем, видевший множество возможных путей развития с одинаковой ясностью. Но огромные и разнообразные перспективы будущего были слишком большим бременем для того, чтобы вынести его, и Урсо удалился в эту сонную деревню, довольствуясь тем, что вплетал свои запутанные видения в никем не востребованные гобелены. Разобраться в том, что изображено на них, мог только он сам.

Ватага подростков пробиралась со стороны ларьков, подкрадываясь к волшебнику, их широкие улыбки невинно сияли на маленьких чумазых лицах. Некоторые из них, выскребав грязь между булыжниками, готовили первую волну атаки.

Волшебник поднял глаза и улыбаясь вежливо поприветствовал их. В его спокойном взгляде нельзя было прочесть, знает ли он о предстоящей шалости или нет, но небольшая, зловещая серая туча появилась прямо над головой вожака компании, коренастого маленького пострела, который отзывался на имя Даммет.

Мальчуган уже приготовился к броску. И тут же туча разразилась мелким, противным дождем, заливая парня и заставляя его товарищей с веселым смехом отскочить в сторону. Жидкая грязь просачивалась между пальцами Даммета, пока не смылась совсем.

Второй мальчик отскочил назад и кинул комок грязи ловким, боковым броском. Урсо отодвинулся в сторону, сделав незаметный жест, комок изменился в воздухе, приобретая кристаллическую форму и белый цвет. Он поймал снежок и отбросил его обратно к сорванцу. Пацан, поймав его, вскрикнул от удивления и, почувствовав непривычные укусы холода, стал перебрасывать шарик из руки в руку.

– Попробуй, – предложил Урсо.

Нерешительность ясно читалась на маленьком лице, но смесь ободрения и насмешек его товарищей решила дело. Он робко лизнул, и его глаза округлились от восторга.

– Крем Мазганут, – важно провозгласил мальчик.

Он увернулся от нескольких, пытающихся схватить его, рук и метнулся вперед, крепко сжимая свой приз. Двое пацанов было погнались за ним, но бросили эту затею после первых же шагов. Здесь намечалась какая-то интересная забава, и их лица светились от удовольствия в ожидании чего-то нового.

Даммет подтолкнул маленького мальчика вперед – неуклюжего парня с напряженным, но рассеянным взглядом. Даммет откинул прядь черных волос с его лица и обнял его за напряженные, ссутулившиеся плечи.

– Это мой приятель, Тэд, – объявил он. Он наклонился, чтобы зачерпнуть побольше грязи, которую он шлепнул в руку мальчика. – Можно сказать, что он пуглив. Если оставить его здесь одного, он, вероятно, умрет от страха. И он лучше всех бросает козий навоз. Ты даже не узнаешь, куда попадет этот комок грязи.

Некоторое время, волшебник, нахмуясь, размышлял о возможностях. В его тусклых глазах промелькнуло что-то вроде паники.

– Может быть и нет, но вот, что я точно знаю, так это то, что сейчас доберусь до вас, – раздался грохочущий голос. Маленький, крепкий мужчина вышел из-за полуразрушенной стены лавки, размахивая прутотом из ванги. – Быстро разбежались, мерзавцы.

Ребятня без оглядки кинулась кто куда, забыв о своем менее расторопном рекордсмене. Тэд, спотыкаясь, последовал за ними, протестуяще вопя о том, что его забыли.

Урсо обернулся к своему спасителю. Хотя волшебник и сидел на низком стуле, его глаза были на одном уровне с глазами пришедшего, чей торс с бочкообразной грудью держался на необычайно коротких, кривых ногах. Он был примерно одного роста с дварфами, но явно не из этой расы. Его лицо было безбородым, как у ребенка, хотя он и был уже зрелого возраста. Он не походил и на представителя какой-либо другой расы, объясняющей его рост – ему не хватало худощавого телосложения и волосатых ног хафлингов Луирена, а также луковичного носа и голубых глаз, обычных для гномов. Тем не менее, некоторые шутники называли его Гнарфлинг – невероятное сочетание всех трех рас – и имя прижилось.

Что-то, что из-за отсутствия лучшего определения можно было назвать дружбой, выросло между двумя неудачниками. Гнарфлинг был единственным, кто регулярно искал компанию Урсо, и кто, казалось, определенно наслаждался фантазиями старого волшебника. Он наклонился и посмотрел на путаницу ниток на станке мага.

– И что сие означает?

– Павлиньи птенцы Мелоди Сибар, – ответил Урсо, указывая на спутанный клубок серой нити. – Они выводятся сегодня. Или, может быть завтра. По крайней мере, те, кто хочет вылупиться вообще.

– Это надо отметить.

Гнарфлинг откупорил бутылку, из которой они сделали пару глотков, передавая друг другу. После этого он смачно рыгнул и, успокоившись, сел, готовясь насладиться утренним рассказом. Его благостное настроение исчезло, когда он увидел, как толстая женщина целенаправленно движется к ним.

– Воздушный корабль движется на всех парусах по суше сюда, – пробормотал он.

Описание было недалеко от правды. Вилма была матерью Даммета, веселой, болтливой женщиной, которая зачастую – и для этого были свои оправдания – выглядела немного взволнованной и растрепанной. Пряди черных волос выбились из ее единственной косы, а круглое лицо покраснело от утренней работы. Как и ее сын, она постоянно чем-то была занята, и в то же время никогда. Но в отличие от многих односельчан, она время от времени встречалась с Урсо, главным образом потому что он был один из немногих, кто терпел проделки Даммета.

Облегченно вздохнув, женщина сбросила с плеч ремни, в которых держалась корзина с недавно собранными плодами. Плоды были тяжелые, с покрытой толстой шкуркой ореховой скорлупой, и извлечение мякоти из них – довольно долгий процесс. Она отцепила от пояса небольшой тесак – необходимый инструмент для этого дела – и начала плавно водить им по точильному бруску.

– Какое будущее ждет этот маленький уголок королевства Залаторма, господин маг?

– Белая собака, – тихо сказал Урсо.

– Страшное событие, – усмехнулась она.

Он мрачно кивнул.

– Эта собака станет причиной смерти больше чем половины людей в соседней деревне.

Маленький пятнистый щенок бродил недалеко от лавки волшебника. Вилма добродушно рассмеялась.

– Это щенок шавки Даммета, и она ближайшее существо, похожее на белую собаку. В ней нет никакой угрозы.

– Несколько лет, нет, но потом эта собака уже будет бродить далеко от деревни и спарится с оборотнем-волком. Их потомок будет иметь чисто белый мех и выглядеть больше собакой, чем волком. В человеческом облике она будет миловидной девой.

Вилма ответила тонкой улыбкой.

– Наверняка мой муж Томас будет наслаждаться подобным рассказом! Пусть только он взглянет на смазливую девку – это станет его смертью. – Она бессознательно взмахнула своим тесаком, в смертоносном жесте.

– Верно, но его смерть будет не от вашей руки, – ответил Урсо.

Улыбка женщины угасла, и страх появился в ее глазах. Если волшебник – пусть даже сумасшедший волшебник – начинает говорить о смерти, значит пришло время разжигать погребальные костры.

– Если, конечно, ваш мальчик не забудет привязать свою пеструю собаку в полнолуние перед осенним равноденствием, то этой девицы никогда не будет. Это спасет нас всех от большой беды. – Урсо поднял голову, как будто прислушиваясь к голосу внутри себя. – Хотя это вызовет другую большую проблему. Эта же самая девица-оборотень могла бы принести гибель в парящий город. Это избавило бы нас от многих неприятностей. С другой стороны... – Он замолк, прерванный резким, предупреждающим тычком локтя Гнарфлинга.

Улыбка облегчения и жалости вернулась к женщине.

– Парящие города сейчас, не так ли? Здесь, в Халруаа?

Урсо пожал плечами.

– Местами да, а местами и нет.

– Ну все, хватит об этом, – многозначительно сказал Гнарфлинг.

Вилма бросила быстрый взгляд в сторону коротышки и тут же отвела его. Она с трудом терпела этого странного маленького мужчину. Каждый в Аштараххе знал много чего о других и все поголовно страдали, если не хватало информации о ком-то. Но даже самые талантливые сплетники среди них не могли придумать историю, которая могла бы убедительно объяснить, кто такой этот Гнарфлинг или установить цель его приезда в Аштарахх. Вилма же обладала ограниченным воображением и всегда относилась с явным подозрением ко всем, кого не могла понять. Она улыбнулась Урсо и, взвалив корзину на плечи, быстро вышла из лавки.

Гнарфлинг вытащил из кармана бутылку и махнул ей в сторону станка.

– Что еще ты там видишь?

Выражение горечи отразилось на лице волшебника.

– Все, – тихо сказал он грустным и бесконечно утомленным голосом. – Все.

Коротышка смущенно кашлянул, чувствуя себя неловко, видя страдание своего друга.

– Ну, тогда, как насчет того, чтобы начать новое плетение и посмотреть, что в итоге получится.

Урсо, послушно взяв маленький нож, вырезал спутанное кружево со своего станка. Затем, он исполнил сложный тайный жест, и на кривом каркасе появился новый набор вертикальных нитей. Он долго изучал нити основы, как бы рассматривая и тут же отбрасывая множество возможностей. Наконец, он взялся за челнок и начал укладывать уток.

Его руки носились над холстом с изысканным проворством мастера, добавляя новую нить здесь или другой цвет там. Вскоре начала проявляться некая закономерность. Светящиеся, серебристые нити соединились в тонкую сеть. Однако, ткань, образовавшаяся в ячейках этой сети, оставалась неопределенного темного цвета, словно тени в лунную ночь. Гнарфлинг в недоумении нахмурился, поскольку он видел, что Урсо в некоторых местах вплел ярко-красные нити. Даже этот насыщенный цвет исчез в темном мраке.

– Что это означает? – спросил он.

– Это Плетение, – ответил Урсо, намекая на магию, словно паутиной опутывающую и поддерживающую всю Халруаа, как и, Гнарфлинг знал это, весь остальной мир. – Или, по крайней мере, это место Аштарахха в этом Плетении.

Гнарфлинг, прищурившись, наклонился ближе. Несомненно, он различал слабые очертания деревни так же, как мог ее видеть с высоты парящий ястреб, словно вырезанные в плотно увязанном полотне, представлявшем собой джунгли. Более тонкие серебряные нити соединяли поля и здания, и крошечные светящиеся точки, казалось, мелькали по обширному пространству – необыкновенное изображение рыночной площади и людей, находящихся на ней.

Вообще-то, это была первая достаточно различимая картина, которую Гнарфлинг когда-либо видел на ткацком станке Урсо. И почему-то это его беспокоило. Так же, как и напряженное выражение на лице волшебника, когда он случайным образом перемешивал цвета в узоре, тут же поглощаемые странной, темной пустотой, которая выделяла и определяла серебристое Плетение.

Проще говоря, на ткацком станке висел небольшой, но уже готовый гобелен. Урсо внимательно изучал свое творение, а Гнарфлинг, в свою очередь, изучал Урсо.

– Ты что-то видишь, так ведь?

– Все, – снова повторил волшебник, задумчивым тоном. – Все.

Ответ был такой же, но теперь в его голосе появилась новая нотка, от которой у Гнарфлинга появилось ощущение, как будто ледяные пальчики, пробежались по его позвоночнику.

Помедлив секунду, Урсо круговым движением провел рукой над полотном. Невидимые цвета переместились, образовав лицо человека в промежутке между светящимися серебряными нитями, лицо, изображенное настолько ясно и точно, что даже лучшие из ткачей Аштарахха могли бы позавидовать.

Изображенный человек был молод и чрезвычайно худощав. Его резко очерченные, острые скулы, словно бы упирались в ложбинку между ключицами, а тонкие черные усы выглядели так же трепетно и непостоянно, как будто у него над верхней губой сидел мотылек. Его лицо было чрезвычайно бледным для халруанца и резко контрастировало с лихорадочным блеском в его черных глазах.

– Неприятности начинаются, – пробормотал Гнарфлинг. Он хорошо чувствовал беду и долго водил дружбу с волшебником, который, по своему образу мышления, определял одно и то же двумя разными словами. – Когда?

В ответ Урсо просто перевел взгляд от ткацкого станка в сторону рыночной площади.

Рынок быстро заполнялся. Приезжие купцы прогуливались по тропинкам, всматриваясь в гобелены и пробуя кусочки сыра. Стук колес прибывающих повозок по бревенчатой мостовой наполнял воздух приятным гулом. Уже две из них вынуждены были свернуть с пути, и уже долго торчали возле колесного магазина, пока заменяли их сильно разбитые колеса. Искомый молодой человек стоял рядом с одной из них, споря с подмастерьями и перемежая свои упреки слишком драматичными жестами.

Гнарфлинг вперил свой взгляд прямо в тощего юношу, и его глаза сузились, когда он уловил знакомые жесты. Вновь прибывший не был похож на торговца или ремесленника. Он был высоким и худым, на вид не старше двадцати лет, и, очевидно, больше обладал количеством денег, чем благоразумием. Он путешествовал один в дорогой крытой повозке, запряженной хорошо подобранными лошадьми. Его изможденная фигура была облачена в прекрасные одеяния темно-фиолетового цвета, и драгоценности мелькали на жестикулирующих руках. Все это будто кричало, что он «волшебник».

Даже без всех этих внешних признаков, была в новичке некая сила, которая предполагала магию, но Гнарфлинг не мог ощутить никакого намека на искусство Мистры в этом молодом человеке. Его нюх на такие вещи был таким же острым, как у любой собаки, и, более того, таким же острым, как у любого мага-гончего. Эти инстинкты и постоянная маскировка, предоставляемая его невзрачной фигурой, помогли ему продержаться в живых более тридцати зим.

«Почему же тогда, – подумал он, – мне так беспокойно?»

– Он ищет тебя, – произнес Урсо, так спокойно и так по существу, словно его товарищ озвучил свои мысли вслух, – вот почему.

Коротышка резко вскочил на ноги, словно нечаянно сел на ежа. Это внезапное движение, казалось, привлекло внимание незнакомца. Искорка узнавания вспыхнула в его странно пылающем взгляде, и мгновение Гнарфлинг смотрел в лицо юноши, как заяц, загипнотизированный ястребом.

А дальше, молодой человек вдруг оказался прямо напротив лавки Урсо.

Гнарфлинг удивленно моргнул, и еще несколько раз, стараясь сфокусировать зрение. Он инстинктивно принюхивался, тщетно пытаясь уловить запах магии, но все, что у него получилось почувствовать, так это накопленные запахи, полученные в результате долгих дней в дороге: слабое благоухание влажного кашемира, затхлая вонь нестираной одежды и аромат духов, пахнувших опаснейшими травами и

запахом надвигающейся грозы – запах, безусловно, был призван замаскировать другие, более земные запахи.

– Я – Мастер Ландиш, – величественно объявил молодой человек.

Гнарфлинг осмелел и сложил свои короткие руки на груди.

– Рад за тебя. Но у меня нет никаких дел с чудаками или бездарями. Ты хочешь, чтобы я поспрашивал, может тут есть кто, занимающийся этим?

Ярость в чистом виде возрастала в напряженном взгляде человека, ярость, граничащая с желанием жестоко оскорбить.

– Ты уверен, что у тебя нет никаких дел со мной? – многозначительно произнес он. – Абсолютно уверен? Скажи-ка мне, *джордайн*, кто я?

Гнарфлинг почувствовал, как паника овладевает им, однако быстро справился с собой. Конечно же, это открытие не было чем-то новым для Урсо Всевидящего, ведь не было никого настолько близкого к нему, чем волшебник, давно уже знавший проклятую тайну.

– Кто ты такой? – презрительно отозвался он. – Бычья задница, я полагаю.

Глаза мужчины сузились.

– Чудаки и бездари, – повторил он сказанное Гнарфлингом ранее. – Станный выбор слов для того, кто желает казаться беспомощным.

Гнарфлинг пристально всмотрелся в него, затем его плечи поднялись и медленно опустились, обозначив глубокий вздох.

– Ты маг-гончий, – произнес он с отвращением. – Но, даже медлительный и глупый пес иногда натывается на гнездо ворикоча.

– У джордаинов есть пословица, – самодовольно сказал Ландиш, явно наслаждаясь собой. – Всегда внимательно следи за тем, что говоришь.

– Ты ничем не сможешь навредить мне сейчас. Маг-гончий, – повторил Гнарфлинг с отвращением.

– Нет, – заявил Урсо.

В одном единственном слове прозвучала убежденность, отвергавшая всякие другие варианты развития этой ситуации. Гнарфлинг озадаченно посмотрел на волшебника, с удивлением обнаруживая в обычно отсутствующем, спокойном взгляде старика, закипающий гнев.

– Мирабелла, – угрюмо произнес Урсо.

Сердце, словно дельфин, будто бы выпрыгнуло из груди коротышки. Мирабелла – это женщина, некогда спасшая отверженного ребенка-джордайна, чахлый вид которого посчитали непригодным для жесткой физической подготовки воинов-ученых Халруаа. Но в разуме младенца не было никаких изъянов, и мягкосердечная акушерка, которой поручили уничтожить его, знала много способов дать ему немного джордайнской подготовки, и ее было достаточно для того, чтобы держаться все время настороже и остаться живым – по крайней мере, до сих пор.

Глаза Ландиша обратились на волшебника, и мгновение он выглядел глубоко обеспокоенным. Но затем его лицо прояснилось.

– Ах, я полагаю, предсказатель. Ты видишь результат моей работы, если не саму работу.

– Твоя работа? Что ты сделал с Мирабеллой? – взревел Гнарфлинг.

Он бросился вперед, его коротенькие руки вцепились, словно пара гончих, в тощее горло мужчины.

Но потом он замер, побледнев от потрясения, увидев, как проказа покрыла его короткие пальцы. Пока он обескураженно смотрел на них, мизинец на левой руке переместился в сторону, затем полностью отвалился и упал на грязную землю.

– Что же, – лаконично сказал Ландиш. – Ее долго никто не хватится. Так же, как и тебя.

– Мирабелла еще не умерла, – сказал Урсо, поднявшись на ноги. – Она может и не умереть вовсе. Старая рябая курица, уже предназначенная для супа, собирается впервые снести яйцо в последнюю ночь новолуния. Если она снесет его в курятнике, Мирабелла умрет. Если же курица отправится во двор, прирученная охотниками пустельга увидит ее и налетит. Это привлечет внимание, проезжающего мимо, охотничьего отряда. Они последуют за своим ястребом и обнаружат Мирабеллу. Предводитель охотников ужасно боится чумы. Если он первым увидит женщину, то в панике сбежит, и остальные последуют за ним, так и не узнав, что он там увидел. Но если его лошадь потеряет подкову – ведь в ней уже расшатался один гвоздь и не сегодня-завтра, в любое время, подкова может отвалиться, – то его дочь, зеленый маг, будет первой, кто найдет Мирабеллу. Она сможет сделать отвар из трав и произнести заклинание, которые вылечат женщину. Травы произрастают возле хижины Мирабеллы. Она сможет их найти, но при условии, что...

– Довольно! – взвыл Ландиш, его темные глаза широко открылись на слишком бледном лице. – Что это за безумец?

– Да, он сошел с ума, это наверняка правда, – отозвался Гнарфлинг, указывая прокаженным пальцем на Урсо, – что не мешает ему правильно предугадывать события. Его способ предсказания будущего похож на бросание большого огненного шара – цель можно обнаружить где-то в большой дымящейся дыре. Если кто-нибудь вообще захочет ее искать.

Урсо повернул ткацкий станок, показав плетение и образы, изображенные на нем. Лицо Ландиша все еще никуда не пропало, но появились маленькая уютная хижина, в которой было полно рябых кур, и пожилая женщина, лежащая во дворе лицом вниз. Сдавленный стон вырвался из Гнарфлинга.

– Ты назвал себя Мастер, – обратился Урсо к Ландишу, – так оно и есть. Ты Мастер Тени, хотя это и не известно твоему хозяину, некроманту Хсарду Ималтеру. Ты намерен свергнуть и уничтожить своего хозяина, но не уверен, что твое растущее могущество достаточно сильно, чтобы одержать победу. Желая испытать свою защиту, ты помолился богине тени и тайн, темной Шар, и она привела тебя к скрывающемуся джордаину. Ты хотел узнать, сможет ли джордаин узреть твою истинную сущность, и ты предполагал, что от моего друга стоит ожидать небольшую проблему. Ведь очевидно, что он может ощущать магию в других, иначе как объяснить его способность избегать магов-гончих все эти долгие годы? Но, что он мог сделать, даже если бы разглядел в тебе то, что ты тщательно скрываешь? Он все равно не смог бы обвинить тебя, не обнаруживая себя.

Бледное лицо молодого человека приобрело пепельно-серый оттенок.

– Это невозможно. Никто не мог этого знать!

– Все называют его – Урсо Всевидящий, – заметил Гнарфлинг.

Ландиш принялся расхаживать взад-вперед.

– Да, я слышал это имя, – пробормотал он, как бы про себя. – Волшебник, который видит много возможных вариантов развития любых ситуаций, но не может понять, где истинный. Почти обезумев от сковавшего его проклятия, он начинает жизнь отшельника. Знать все, видеть любые возможности – это же просто поразительно!

Гнарфлинг начал понимать, куда он клонит. Он встречал таких волшебников раньше, которые считали, что они являются исключением из всех правил, магических или любых других.

Мастер Тени остановился перед Урсо и пристально всмотрелся в лицо старого волшебника.

– Ты можешь видеть все возможные ситуации, в том числе те, которые влияют на практикующую магию. Это же отличный дар, мой друг!

– Дар или проклятие? – тихо возразил Урсо. – Трудно сказать.

Ландиш энергично замотал головой.

– Халруаа славится своей магией, но мало кто знает о теневом плетении. Мы, благословенные Шар, держим все в тайне.

– Но по мере того, как ваша сила растет, уменьшается способность воспринимать магию Мистры, – заключил Урсо. – Может быть вы и скрыты от волшебников, но их пути, почти в равной мере, скрыты от вас.

– Ты уловил самую суть, – одобрительно кивнул молодой Мастер. – Ясно, что ты не желаешь этого дара и – поверь мне, – у тебя недостаточно могущества, чтобы владеть им. Для тебя он стал обузой, которую я с радостью принял бы от тебя.

– Немного знаний, – предостерег Урсо, – это замечательная вещь.

Ландиш издал сардонический смешок и отмахнулся от этого высказывания своей тощей рукой.

– Давай заключим сделку: взамен я дам тебе травы, с помощью которых ты вылечишь своего друга-коротышку и сердобольную даму, которая его воспитала.

– Никакой сделки, – сурово произнес Гнарфлинг. – Урсо уже знает, какие нужны травы, и найдет их сам, никакой помощи от тебя не нужно.

– Конечно, он может их найти, и, конечно, он сможет вылечить тебя и старушку – справедливо и то, и это, – усмехнулся Мастер. – Но может быть все совсем по-другому – или только то, или только это. Сосчитай пальцы на руках – сколько их осталось? Ты хочешь доверить свою жизнь и жизнь женщины полоумному старому волшебнику и капризам судьбы?

– Тот же вопрос и тебе, – коротышка сложил руки на груди. – Этот полоумный старый волшебник может просто убить тебя и покончить со всем этим.

– Нет, – самодовольно ответил Ландиш, – он не сможет.

Волшебник на мгновение задумался над этим утверждением, а затем мрачно кивнул.

– Вот видишь? Эта дискуссия лишь простая формальность. Я мог бы просто забрать силу у этого человека. Он знает об этом, и знает, как я могу это сделать. Было бы гораздо легче, и гораздо приятнее, если он отдаст мне ее сам.

– Магический поединок, – предложил Урсо. – Перенеси нас троих во двор Мирабеллы, где мы с тобой будем сражаться за право называться Всевидящим.

– Принято! – радостно воскликнул Мастер.

Он обошел лавку волшебника и создал овальный портал, мрачно сияющий фиолетово-черным светом. Он сделал насмешливый жест, приглашая других войти в него первыми.

Пройдя через портал, Гнарфлинг сразу же бросился вперед. Добравшись до своей приемной матери, он опустился на колени и осторожно перевернул ее, чувствуя, что его руки стали какими-то странно оцепеневшими. Тут же он отшатнулся от ужаса и горя, увидев, что заклинание Мастера сделало с ее лицом. Подняв одну руку, он отвел волосы старухи от ее глаз, при этом скривившись от вида собственной руки. Он выглядел не намного лучше.

Он взгляделся в центр двора. Находящиеся там волшебники стояли друг против друга, у каждого на лице застыло выражение глубокой концентрации, пока они настраивали свою конкурирующую магию друг на друга.

Лукавая улыбка отразилась на лице Гнарфлинга, когда он понял хитрость Урсо: Мастер Тени не имел бы большой власти здесь, на арене магического поединка.

Об этом говорило ошеломленное выражение, отразившееся на лице Мастера, когда он рискнул заглянуть в запутанное сознание старого волшебника. Его глаза начали лихорадочно метаться, как будто выслеживая пути отхода сотен разбежавшихся сусликов.

С видимым усилием овладев собой, Ландиш сказал:

– Как ты сам уже говорил, я ученик могущественного некроманта. И мне все еще достаточно магии Мистры, чтобы победить тебя, старик. Конечно же, ты предвидишь это.

– Существует такая возможность, – признал Урсо, – но лишь одна из многих других.

Молодой маг фыркнул.

– Площадь двора лишь пятьдесят шагов во все стороны, мне бы хотелось, чтобы она была побольше, но чем меньше арена, тем быстрее моя победа.

– Как хочешь, – Урсо слегка улыбнулся. – И, как исключение из правил, ты можешь захватить с собой на арену свой камень заклинаний.

Он не сказал, что этот человек намеревался сделать именно это, но смысл все равно был очевиден. Лицо Ландиша покраснело от этого неожиданного упрека, он развернулся и последовал к краю своей части арены. Урсо сделал то же самое. Вокруг них начал формироваться полупрозрачный, слабо светящийся красный куб, растущий во все стороны по мере того, как они отдалялись друг от друга.

– Просто позволь ему отнять ее у тебя, и покончим с этим, – пробормотал Гнарфлинг. – Это будет правильно и справедливо.

Ландиш пробормотал слова заклинания. Перед ним из земли вырвалось блестящее золотое пламя, яркие искры которого немедленно превращались в насекомых – смертоносных магических комаров, от чьих прикосновений образовывались волдыри, и от их укусов загоралась живая плоть.

Тусклый синий туман окружил старого волшебника, когда рой светящихся насекомых начал кружиться над ним. Натыкаясь на защитное поле, они, с резким шипением, вспыхивали и тут же прекращали свое существование.

Земля задрожала, когда невидимые пальцы некромантской магии проникли глубоко в почву. Поляна всколыхнулась, и мелкие клочья грязи и дерна взметнулись вверх, когда кости давно умерших начали пробиваться к свету. Старый волшебник ответил быстрым жестом, затем резко хлопнул в ладоши. Оглушительный грохот разнесся по поляне, и старые кости развеялись в пыль.

Битва разгоралась, и каждое заклинание Ландиша предугадывалось и что-то всегда противопоставлялось в ответ. Тонкое, волчье лицо молодого мага исказилось от ярости, и он швырнул свои оставшиеся заклинания одно за другим, настолько быстро, что его заклинание и каждое встречное заклинание, казалось, следовали друг за другом так же стремительно, как будто они сражались на мечах.

Гнарфлинг был так поглощен битвой, что сначала даже не заметил светящегося камня в руке Мастера Тени. Большой аметист, сиял фиолетовым, с каждым ответным заклинанием Урсо, становясь ярче и сильнее.

– Камень Заклинаний, – пробормотал он, проклиная Ландиша за его трусость и обман.

Свет усилился, заполнив всю арену, и излился на поляну. Наконец Урсо рухнул, упав на одно колено, и долго, прерывисто вдыхая. Как и обещал Ландиш, процесс отбора у него магии не был легким и безболезненным.

Мастер Тени, торжествуя, стоял в жутком свете. В высоко поднятой руке он сжимал светящийся камень, а в его глазах сияла яркая, многогранная мечта о предстоящем будущем.

Гнарфлинг осторожно выпустил Мирабеллу из своих объятий и метнулся помочь старому волшебнику, который медленно, преодолевая боль, старался подняться на ноги.

– Ты должен был бросить этот бой, – проворчал он.

– И добровольно передать это проклятие другому, даже такому человеку? – Урсо отрицательно покачал головой.

– Ты знал, что он выиграет.

– Была такая возможность. Но лишь одна из многих.

С помощью Гнарфлинга волшебник направился к Мирабелле. Через мгновение он помотал головой.

– Ей нужна более осязаемая помощь, чем я могу дать.

Коротышка присел на корточки и вспомнил ту запутанную историю, которую поведал им Урсо.

– Справедливо и то, и это, – задумчиво пробормотал он.

Резко вскочив на ноги, он поспешил к курятнику и с громким шумом выбил дверь. Полдюжины кур, протестуя кудахча, разбежались от него в разные стороны. Одна старая клуша поспешила в сторону луга. Ландиш издал вопль протеста, словно мачете, прорезавший поляну. Еще не подняв глаза вверх, Гнарфлинг уже знал, что увидит.

Небольшой ястреб кружил под облаками. Через мгновение он начал стремительно снижаться, вероятно, привлеченный жирной, медлительной добычей внизу.

Раздававшийся вдалеке грохот копыт стал оглушительным, когда охотничий отряд вырвался из леса на старую бревенчатую мостовую. Гнарфлинг удивленно

моргнул от численности, окружающей его, свиты: по крайней мере, шесть волшебников, плюс оруженосцы, а также юная молодая девушка в простой тунике и узких штанах. Она была зеленым магом.

Увидев старушку, она тихо вскрикнула. Стрела молнии, шипя, полетела в ее сторону – и была остановлена совсем недалеко от цели ответной стрелой, выпущенной одним из, сидящих на конях, волшебников. Все они пришпорили своих лошадей и направили их к Ландишу. Спешившись, они стали окружать молодого мага.

– Ты не упомянул тогда о других волшебниках, – заметил Гнарфлинг.

Урсо слегка улыбнулся.

– Знание – это не совсем то же самое, что мудрость. Мудрость в том, что не всегда есть необходимость говорить обо всем, что ты знаешь.

Но у Ландиша еще не было такой мудрости. Он быстро продвинулся навстречу окружавшим его, сжав в кулак руку, на которой сияло кольцо поглощения магии, втянувшее в себя первое заклинание, брошенное в него.

– Первое из многих, – произнес Урсо. Он вздохнул и отвернулся.

– Что произойдет дальше? – спросил Гнарфлинг. Расслышав собственные слова, он поморщился. – Извини. Старая привычка.

– Исключительно то, что и должно произойти, – ответил волшебник. – Способность распознавать несколько возможных вариантов не дает соответствующей возможности избежать их.

Гнарфлинг кивнул и злобно улыбнулся. Когда несколько искусных магов выступают против одного, возможен лишь единственный вариант будущего Мастера Тени – полная и грязная его кончина.

Последовавшая затем битва была быстрой, но достаточно жестокой для того, чтобы оправдать все ожидания Гнарфлинга. Когда все закончилось, и от Мастера Ландиша остался лишь дымящийся жирный круг на развороченной поляне, зеленая волшебница подошла к Гнарфлингу и взяла его руки в свои.

– Те же самые ужасные раны, – пробормотала она, нахмурившись. – Это заклинание некроманта, но я не видела такого раньше.

– Ты не Сюззи Индоулар, племянница лорда Баселя из Халара? – спросил Урсо. Ее глаза расширились, и она кивнула. – О тебе говорят, как о способном зеленом маге, но я не слышал, что ты обучаешься у священников Азута?

– Слухи быстро перемещаются в этом лесу, – осторожно ответила она.

– Травяные зелья и молитвенные заклинания Констандии могут оказаться достаточно эффективными от проказы, – предположил Урсо. – Даже начинающая жрица может воспользоваться такими заклинаниями. Мне кажется, я видел кое-какие дикие растения, пригодные для зелий, прямо у дороги. Могу ли я сорвать их немного для тебя?

Немного подумав, она кивнула и принялась за работу. Короче говоря, через некоторое время Мирабелла уже комфортно сидела попивая дымящийся травяной настой, пока зеленый маг мягко разглаживала лекарственную мазь по лицу старухи, а Гнарфлинг ухмылялся, словно горгулья, сгибая и разгибая свои десять новых розовых пальцев, которые были более длинными и более ловкими, чем даже перед заклинанием Ландиша, благодаря исцеляющей помощи Сюззи.

– Я могу сделать побольше мази и для твоих ног, если хочешь, – предложила она. Увидев его ошеломленное лицо, она поспешно добавила: – я не хотела тебя обидеть. Я просто подумала, что ты хочешь, чтобы твои ноги соответствовали всему остальному. Все остальное мне кажется прекрасным. То есть, у тебя красивое лицо и тело... Вообще, я хотела сказать... – Она умолкла во второй раз, плотно сжав губы, ее лицо стало ярко-пунцовым.

Ее смущение предполагало многие другие возможности, еще более удивительные, чем даже перспектива выглядеть как все нормальные люди.

– Сейчас, мне не повредил бы даже укус клеща, – ответил он небрежно. – Благодарю за предложение.

Зеленая волшебница послала ему робкую улыбку и взялась за деревянную миску и пестик. Затем она переложила готовую мазь в маленький горшочек и указала на замысловатую руну, вырезанную в обожженной глине.

– Это моя фамильная печать. Проведи по ней пальцем и повтори слова, которые я тебе сейчас скажу, это перенесет тебя в наше поместье близ Халара. Я хотела бы увидеть тебя снова, чтобы убедиться, что лечение идет хорошо.

– А, если они останутся такими же? – спросил Гнарфлинг, указав на свои уродливые конечности.

На лице зеленой волшебницы промелькнула мягкая улыбка.

– Даже тогда.

Она произнесла короткое необычное слово, и Гнарфлинг повторил его. Удовлетворившись его произношением, она поднялась одним быстрым, удивительно изящным движением и шагнула к группе, нетерпеливо ждущих ее, волшебников. Оруженосец ее отца протянул ей пустельгу, и она привязала путами маленького ястреба к луке седла. Они уехали, не оглядываясь назад, грохот копыт их лошадей долго раздавался по бревенчатой мостовой.

Гнарфлинг смотрел, как они удалялись, и впервые его будущее представлялось ему ярким и с разными возможностями. Он повернулся к своему компаньону-волшебнику.

Сила привычки побудила его спросить:

– Что дальше?

Урсо ответил умиротворенной улыбкой.

– Разве это не чудесно? Я понятия не имею.

АЗАРТНЫЕ ИГРЫ

*Первоначально издан в журнале «Dragon» №335, август 2005 года.
Отредактирован Эриком Мона.*

Элайт Кроулнобар – один из моих любимых персонажей, но вся суть в том, что он не «мой» персонаж вообще – или, по крайней мере, его придумала не я. Он впервые появился в краткой главе игровой книги «Глубоководье и Север», написанной создателем Забытых Королевств Эдом Гринвудом. Эта глава привлекла мое внимание, когда я исследовала все имеющиеся сведения о Королевствах для своей первой книги «Эльфийская Тень», и почему-то этот лунный эльф-изгой захватил мое воображение. Я включила его в свой первый роман. Только позже я узнала, что Элайт был не просто изобретением для отдельно взятой игровой книги – он был частью личной кампании Эда в течение многих лет.

Эд продолжал быть со мной вежливым, даже узнав об этом, но к счастью, мы словно пишем одну страницу, когда доходим до этого персонажа. Он неоднократно говорил, что доволен тем курсом, которым идет Элайт, и доволен тем, что позволил мне поработать с этим персонажем.

Тем не менее, я всегда чувствовала себя немного виноватой, украв персонаж у другого писателя. Раньше я считала, что писать книги для огромной вселенной намного лучше, когда нет «разделения», так как «вся информация все равно доступна всем, независимо от того, кто ее создал».

Но, украв Элайта, я почувствовала себя обязанной предоставить ему интересные занятия. Он принял активное участие в событиях романа «Глубоководье: Город Роскоши», и он будет еще более заметным в предстоящей книге цикла «Песни и Мечи» – «Восстановление». Эта короткая история дает представление об одном из многих коммерческих дел Элайта – блестящем казино в Глубоководье. В нем также снова упоминается его дочь, Азария, и рассказывается об ее решимости унаследовать лунный клинок Кроулнобара. Пожалуйста, обратите внимание, что все мысли Элайта о лунных клинках, отражают только его личную убежденность, основанную на уровне доступной ему информации; и поэтому, они не обязательно отображают всю правду или «канонические сведения» об этих волшебных мечах.

На протяжении многих лет, читатели часто спрашивают меня, есть ли какое-либо значение в сходстве имени Элайт и моим именем. Обстоятельства складываются так, как они есть, – Эд создал персонажа задолго до того, как он узнал обо мне от Ллос – это, очевидно, только совпадение. Но, когда у меня появляется желание помечтать, я понимаю, что не совсем уверена в этом. Возможно, я и не создала Элайта, но я могу видеть, или действовать, или думать, как он, и все это очень хорошо для моего душевного спокойствия.

Здесь существовало тысячи способов обмана, и до сегодняшнего вечера Элайт Кроулнобар считал, что знает их все.

Лунный эльф сидел, наблюдая за всеми, и его янтарные глаза сузились от размышления, когда Олтенниус Благословенный Гондом вошел в «Прихоть Тиморы», игорное заведение с высокими ставками, которое Элайт не так давно построил на руинах большого здания в Северном Районе. Олтенниус только что прибыл в Глубоководье, и было совсем мало сведений об этом человеке, кроме его имени и довольно очевидного факта о том, что он родом из Лантана.

Внешний вид Олтенниуса был типичен для уроженца этого острова у Побережья Мечей: пряничные волосы, большие, слегка выступающие глаза странного бледно-зеленого цвета и кожа с оттенком отбеленного пергамента, который, все же, уже поизносился и начинал желтеть. Он был невысокого роста и имел тело неопределенной яйцевидной формы, а его одежда, которая была подогнана под стройного, высокого мужчину, отличалась богатством тканей, но сидела на нем несколько нелепо. Задняя сторона его черных бархатных бриджей лоснилась и блестела, и уже много нитей его стеганого желтого жилета вылезли из, вышитого на нем, узора и развевались на ароматном легком ветерке, который охлаждал переполненную комнату. Олтенниус не носил никаких драгоценных украшений, но имел под рукой простую деревянную табакерку, которую открывал через равные промежутки времени.

Поистрепанный южанин выделялся среди блистающих искателей удовольствий Глубоководья и являлся объектом многих насмешливых взглядов и нелюбезных шуток. Хотя он, казалось, не догадывался об этих оскорблениях, так как все время носил один и тот же потрепанный наряд и был полностью сосредоточен на том, чтобы выиграть.

И он выигрывал. До сегодняшнего вечера Олтенниус обыграл братьев Иглсфилд в кости, выиграл три разные карточные игры, дважды предсказал какая руна выпадет в вращающемся Колесе Года, и угадал какая из белых мышей или, сверкающих как драгоценные камни, ящериц победит на мини-ипподроме. В каждом забеге.

Элайт фыркнул. «Точно Благословенный Гондом! Даже улыбка Тиморы, богини удачи, не благоволит своим подданным с таким последовательным и прибыльным результатом».

Он перевел взгляд в сторону комнаты, где в тени, привезенных из джунглей, душистых экзотических растений стоял серокожий иллидид с длинными щупальцами, которыми он лениво играл с ветвями. Существо обратило свои белые глаза на хозяина и ответило на невысказанный вопрос.

– Нет, господин Кроулнобар, лантанец не имеет псионических способностей, и у него нет никакой магии, которую я могу воспринимать.

Эльф поморщился. «Что же тогда? Как удалось Олтенниусу обыграть так много жителей Глубоководья?»

– Отдайте мне его! – вдруг раздался громкий, негодующий мужской голос. – Вы хоть представляете, кто я?

Элайт взглянул на главный вход, где разыгрывалась уже знакомая сцена.

Хорошо одетый, чернобородый молодой человек размахивал пустыми ножнами перед распорядительницей «Прихоти Тиморы», вежливой лунной эльфийкой, которая также выполняла обязанности охранника заведения. Быстро угасающие

светящиеся огоньки кружились вокруг мужчины, словно стайка крошечных рыбок. Распорядительница встретила взглядом с Элайтом и закатила глаза вверх, потом снова повернулась к разгневанному посетителю.

– Или вы Лорд Мелшимбер, либо очень искусный доппельгенгер, – любезно ответила она. – Правила дома не изменились с тех пор, как вы были здесь прошлой ночью, милорд: никаких заклинаний, никаких магических предметов, никаких исключений.

Бородатый мужчина вновь тряхнул ногами.

– Вы хоть представляете, насколько ценен этот меч?

– *Был*, – напомнила ему распорядительница. – Как вы были предупреждены при входе – как все предупреждаются каждую ночь – «Прихоть Тиморы» предлагает справедливое и равное поле игры для всех. С этой целью все тайные магические предметы у нас распадаются.

Конечно же, это была ложь. Защитные заклинания Элайта срабатывали на все магические побрякушки, которые жители Глубоководья пытались тайно пронести сюда, немедленно перенося их в его кабинет, где они спокойно хранились в запертом сейфе.

Лорд Мелшимбер пожал плечами, смирившись с потерей, и, глуповато ухмыляясь, повернулся в сторону двух своих смеющихся товарищей. Это стало популярной игрой среди богатых бездельников Глубоководья: стремление обойти охранников Элайта Кроулнобара и попытка получить как можно больше у, пользующегося дурной славой, Змея. Элайт не имел ничего против этого, ведь такое отношение сделало «Прихоть Тиморы» одним из самых популярных и прибыльных игровых мест в городе.

Он снова повернулся в сторону Олтенниуса, который уже поставил крупную сумму на одного из рыцарей в поединке, который проходил в Заводном Замке. Кровавые битвы между живыми существами были незаконны в Глубоководье, поэтому Элайт купил несколько миниатюрных заводных рыцарей в доспехах. Двое из этих воинов высотой в фут били друг друга крошечными мечами, в то время, как толпа зрителей ликовала и делала ставки.

Древний гном в полном облачении клерика, жрец Гонда Чудотворца, нанятый для того, чтобы удостоверить равные шансы заводных противников и дальнейшего их ремонта после битв, стоял рядом. Что-то очень похожее на материнскую заботу было написано на морщинистом лице гнома, и он стоял, в ужасе заламывая руки, пока его металлические подопечные избивали друг друга на потеху богатых людей.

Элайт вспомнил любопытное приветствие, которое произошло между Олтенниусом и жрецом-гномом ранее, в один из таких вечеров. Гном почтил лантанца глубоким, витиеватым поклоном. Олтенниус ответил тем же, вдобавок опустившись на одно колено, чтобы прикоснуться к подолу церковного одеяния гнома и поцеловать вышитые на нем руны. По мнению Элайта, эти двое выглядели как пара дешевых уличных артистов, исполняющих сложное приветствие, которое могло происходить в давние времена между каким-нибудь принцем и высоким священнослужителем. На данный момент, однако, оба были поглощены небольшой драмой, происходящей на миниатюрной арене.

Маленький рыцарь в медных доспехах побеждал, и его золотой меч уже неоднократно блеснул, означая попадание, пока он отгонял серебряного рыцаря обратно к каменной стене, шаг за шагом. Шлем серебряного рыцаря был сбит и валялся сбоку, обнажив механизмы внутри головы. Наконец, бронзовый рыцарь попал в это уязвимое место. Победа – а, возможно, и поломка – казалось, обеспечена.

Элайт перехватил призывный взгляд гнома обращенный на Олтенниуса. Южанин открыл свою табакерку и глубоко вдохнул, что заметно напрягло швы на его потертом желтом жилете.

Не успел Олтенниус еще закрыть крышку табакерки, как серебряный рыцарь присел на корточки, а затем неожиданно проворно закрутился. Одна из прочных металлических ног зацепила лодыжку наступающего воина, сопровождая это действие жестяным скрежетом.

Медный рыцарь, дико размахивая механическими руками, пытался восстановить равновесие. Но серебряный рыцарь был уже на ногах и, толкнув в плечо, опрокинул своего неустойчивого противника. Медный рыцарь упал на пол и больше не поднялся, потому что меч победителя был у него в металлическом горле.

Элайт наложил простое заклинание, простое до безобразия, требующее немногим больше, чем щелчок его пальцев. Сразу же арену окружило слабое голубое свечение – общеизвестный признак магии.

По меньшей мере, половина зрителей застонала еще до того, как мастер арены объявил:

– Нет победителей. Магия – испорченный матч.

Но протестующие ворчания были недолговечными, и зал успокоился, когда люди начали озиаться, пытаясь понять, кому, наконец, удалось проскользнуть мимо охранников лунного эльфа. Они с недоумением наблюдали, как синее свечение исчезло с арены, задержавшись только вокруг жрецов и нанятых волшебников.

Элайт сделал еще один незаметный, легкий жест рукой, и табакерка южанина засветилась, как лазурная свеча.

Негодование отразилось на лице Олтенниуса, но у него хватило ума промолчать, когда двое охранников Элайта, высокие люди в черных плащах с глубокими капюшонами, повели его в черный кабинет. Эльф последовал за ними, отмечая с сардонической улыбкой, как шум, всегда заполняющий игровой зал, вновь возобновился. И добрые люди Глубоководья громко и мрачно делали ставки на судьбу лантанца.

Олтенниус Благословенный Гондом позволил двум мужчинам втолкнуть себя в богато обставленный кабинет. Как только дверь захлопнулась, он стряхнул руки стражников со своих, повернулся назад и столкнулся с лунным эльфом с волосами серебристого цвета.

– Я не нарушил ни городские законы, ни ваши правила, – произнес он с достоинством, которое бывает у отпрыска длинной, уважаемой династии. – В этой коробочке нет никакой магии. Ваше заклинание было скрытным, добрый господин, но оно все равно солгало!

– Конечно же, да, – с легкостью согласился Элайт Кроулнобар, либо не заметив, либо проигнорировав ироничное обращение лантанца. – Если бы табакерка была волшебной, она давно уже была бы в моих руках.

Это второе признание заставило Олтенниуса опешить. Лантанец ценил честность, и обвинение во лжи было смертельным оскорблением. Еще более худшим обвинением, кроме убийства, являлось воровство, и этот странный эльф только что, походя, признался в обоих!

– Могу я рассмотреть табакерку? – спросил Элайт.

Олтенниус колебался достаточно долго для того, чтобы получить удар локтем стражника по ребрам.

– Осторожно, – предупредил он, передавая коробочку. – Это очень хрупкая вещь.

Эльф открыл крышку и тщательно изучил содержимое.

– Я никогда раньше не видел таких крошечных, но в тоже время таких сложных механизмов. Впечатляет, но запах не особо ароматный. Могу ли я тогда спросить, почему вы так часто его нюхаете?

Олтенниус не ответил, получив при этом новый удар охранника, и сложил руки на груди в немом вызове.

Выждав мгновение, эльф осторожно положил коробочку на пол, выпрямился и небрежно поставил каблук ботинка на крышку. Он изогнул одну серебристую бровь, ожидая ответа.

Паника разгоралась, как яркое пламя, казалось, где-то глубоко внутри Олтенниуса.

– Не надо! – наконец, взвизгнул он. – Я расскажу вам все, только верните коробочку! Это единственное дело в моей жизни, так же, как и у моего отца до меня, и у его матери до него, и так далее, вплоть до того времени, как возникла Каменная Долина!

Эльф внимательно изучал его в тишине, не понимая, как одно дело может поглотить все внимание, боящихся гнева Гонда, ремесленников на протяжении более чем тринадцати веков.

Кем бы они ни были.

– Мой предок, первый Благословенный Гондом, был прозван так за его удивительное мастерство, – между тем, почти бормотал в спешке Олтенниус. – У него была сложная задача: изучить магию, чтобы потом иметь возможность обнаруживать, изменять и, в конечном итоге, самому создавать магические эффекты с помощью механических средств.

– Это невозможно, – резко отозвался охранник с острыми локтями. Он отбросил капюшон своего плаща, показав узкое угловатое лицо, покрытое крошечными серебристыми чешуйками.

Полудракон! Олтенниус в изумлении открыл рот, переводя дыхание, стараясь не потерять рассудок. Внезапно, вид этого страшного слуги напомнил ему все невероятные истории об Элайте Кроулнобаре, которые он слышал в разное время, и теперь они вдруг стали казаться ужасно правдоподобными.

– Этот человек лжет, или же он сумасшедший, – заявил полудракон.

– Не сомневаюсь, что ты прав, Тинхерон, но поскольку в данный момент нам все равно нечем заняться, полагаю мы могли бы его выслушать.

Олтенниус проглотил комок, образовавшийся у него в горле, и поспешил продолжить.

– Усадьба Благословенных Гондом, дом моих предков, расположена на плодородных землях. Мы сдаем ее в аренду, и доход с этого уже давно обеспечил безбедную жизнь для нашей семьи.

– И сколько этой земли у вас осталось сейчас? – спросил эльф, его взгляд блуждал по дряхлому, плохо сидящему на нем, одеянию Олтенниуса.

– Мало, – признался он, – и нападение морских существ в прошлом году нанесли огромный ущерб моим оставшимся жильцам. Это устройство дает мне шанс восстановить мое состояние.

– Обманывая в азартных играх?

– Просто изменяя магию, – твердо поправил он и начал длинное и подробное разъяснение принципа работы сложного механизма.

Эльф поднял руку, останавливая его.

– Хватит, – сказал он спокойно, и в звуке его голоса было что-то, охладившее Олтенниуса гораздо сильнее, чем вид дракона в теле человека. – Это пустая болтовня, ничего больше.

Олтенниус попробовал по другому.

– Может ли молния превратиться в огонь?

– Конечно, если она ударит в сухую листву или соломенную крышу, – нетерпеливо сказал Элайт.

– Значит одна сила может быть преобразована в другую, если позволяют условия. Возможно ли узнать, что молния ударила, если вы не видите ее, а ваши уши не услышали грома?

– Конечно, в воздухе появятся неуловимые изменения.

– Неуловимые изменения устоявшихся величин! – воскликнул Олтенниус. – Магическое Плетение – устоявшийся источник силы. Согласны вы с этим?

Эльф, уступая, кивнул.

– Так же, как ваши чувства могут воспринять появление молнии, малейшие изменения в Плетении – в магических предметах или заклинаниях, если хотите – могут восприниматься устройством с достаточной степенью чувствительности.

– Невозможно, – повторил полудракон.

– Почему же? – возразил Олтенниус. – Ведь может же простое заклинание обнаружить присутствие магии.

– Будем считать, лишь чтобы закончить спор, что с помощью вашего устройства можно обнаружить магию. Что тогда?

– Обнаружив магию, устройство поглотит часть ее силы и изменит ее по своему усмотрению. Подобно заклинанию, если хотите.

– Итак, оно воспринимает и изменяет магию. Для чего?

– Для всего, что нужно мне, – гордо ответил Олтенниус. – Я верю в то, что разум подобен молнии, но с тысячами отдельных вспышек, которые разгораются с постоянной быстротой. Устройство с достаточной сложностью может уловить, по крайней мере частично, эти вспышки. Попробую выразиться более упрощенно, я могу «разговаривать» с этим устройством, как волшебник со своим знакомым, один на один, советуя, как изменить магию, которую оно уловило.

Элайт молчал долгое время, обдумывая эти слова.

– Сколько людей знают об этой новой магии?

Мужчина раздраженно фыркнул.

– Это не магия. Только несколько гномов древнего возраста и высокого духовного звания знают о деле Благословенных Гондом. Я единственный живой человек который знает об этом.

Эльф перевел взгляд на полудракона, который быстро поднял капюшон и направился в игровой зал.

От вероятного смысла этого действия, у Олтенниуса словно пробежал мороз по коже. Он прижал коробочку к груди.

– От этого вы ничего не выиграете! Убейте меня, и у вас не останется ничего... но...

– Возиться с уродливым трупом? – словно бы размышляя, произнес Элайт. – Вряд ли это привлекательная перспектива. Скажите: если бы у вас было достаточно средств и материалов, спокойное место для работы и чтобы вас ничто не отвлекало, могли бы вы сделать одно из таких устройств для меня?

– Вы... вы станете моим покровителем? – запинаясь, произнес Олтенниус.

– Очень щедрым, – заверил его эльф.

Гордость сражалась с практичностью, но битва оказалась короткой и чья будет победа было ясно сразу.

Олтенниус неловко упал на одно колено и дал традиционную клятву.

– Мои руки, ваш дом, – твердо сказал он. – Возможно в будущем моя работа прославит Гонда Чудотворца, но и моего покровителя тоже.

Третий перезвон колокола после полуночи раздался раньше, чем у Элайта появилась возможность открыть сейф в кабинете. Он содержал в себе обычный ассортимент причудливых вещей – безделушек и побрякушек со всех уголков Фаэруна. Элайт отбросил их все в сторону, стараясь добраться до оружия, которое он украл у молодого лорда Мелшимбера. Оно, по крайней мере, имело реальную ценность. Ножны, которыми размахивал Мелшимбер, имели эльфийское происхождение, и даже владеть самым простым эльфийским клинком, было уже счастье.

Это был длинный меч, очень старый, но хорошо сохранившийся. Элайт поднял его и сделал несколько пробных взмахов, отмечая исключительный баланс оружия. Новый кожаный чехол на рукояти был топорно сделан и быстро снялся – Элайт остолбенел, когда чехол упал на пол, а он уставился на гладкий камень молочного цвета вставленный в рукоять меча. Смешение удивления и печали наполнило его, когда он понял, что во второй раз в своей жизни держит спящий лунный клинок.

Он перевернул клинок и изучил семь рун, расположенных по всей его длине. Он осторожно провел по ним пальцами, заметив, что они не испортили гладкость клинка; они не были вырезаны в металле, но, казалось, исходили из самой сердцевины меча. У него никогда не было времени как следует изучить клинок Кроулнобара, потому что был ошеломлен отказом меча.

Эльф осторожно отложил лунный клинок в сторону. Наступит утро, и он примет меры для того, чтобы отправить его в Эвермит. Мечи, которые сыграли свою роль в выборе королевской семьи – не для таких, как Элайт Кроулнобар.

Но и не для подобных Камарону Мелшимберу.

Волна ярости, чистой и праведной, быстро последовала за этой мыслью. Эльф отбросил свой меч и сунул лунный клинок в опустевшие ножны. Схватив свой плащ, он вышел в холодную осеннюю ночь.

Ему не потребовалось много времени, чтобы найти поместье Мелшимберов, и еще меньше времени он затратил для того, чтобы обойти всевозможные магические ловушки на богато украшенном железном заборе. Чтобы определить в какой спальне лежит пьяный, храпящий молодой лорд, потребовалось заклинание, которому Элайт научился еще в раннем детстве. Он все еще был охвачен гневом, когда вытащил Камарона Мелшимбера из постели и швырнул его к стене.

Эльф вытащил лунный клинок из ножен и поднял его с намерением убивать. Возможно, он и не достоин владеть живым клинком, но эльфийские традиции и законы однозначны в этом вопросе. Любой, кто сознательно воспользовался спящим лунным клинком, как обычным мечом, или каким-либо другим способом преднамеренно опозорил его, должен быть убит этим же оружием в честном бою.

– Вооружайся, – прорычал он напыщенному человеку.

Невероятно, но лишь лукавая усмешка изогнула губы молодого лорда. Он поднял руку, чтобы пригладить свою короткую черную бороду.

– Ага! – крикнул он. – Я знал, что вы храните побрякушки, принесенные нами!

Побрякушки!

– И что, это знание, – холодно спросил Элайт, – стоит того, чтобы умереть?

Ухмылка на лице молодого Мелшимбера на мгновение дрогнула, но затем на нем вновь появилось обычное высокомерное выражение. Даже сейчас, он считал себя неприкасаемым.

Элайт выхватил второй меч и бросил его в человека, который машинально схватился за него. Мелькнула эльфийская сталь, и выражение глубокого удивления отразилось на лице этого человека, когда кровь полилась из его перерезанного горла. Его рот раскрылся на мгновение, но он тут же захлебнулся, издавая булькающие звуки.

Эльф подождал, пока Мелшимбер не умер окончательно, затем, тщательно вычистив оба оружия, сунул их за пояс. Следующее действие требовало специальный черный нож, который Элайт припрятал в левом ботинке, специально для таких случаев. Он быстро работал, тихо напевая, вырезая руну некроманта на лбу человека, уродливую метку, которая помешает жрецу или магу расспросить труп о причинах его смерти.

Небо уже проглядывало в сапфировой дымке, когда Элайт покидал поместье Мелшимберов. Он не боялся быть обнаруженным; туннель, начинающийся в кладовой усадьбы, выходил в три дома на трех разных улицах. Знание этих скрытых путей было одним из самых ценных сокровищ Элайта.

Он быстро направился на юг, к одному из самых роскошных и безопасных своих владений, скрытой усадьбе в Замковом Районе, недалеко от дворца Пергейрона. Там

было самое большое его сокровище: дочь Азария, его единственная надежда на восстановление силы и репутации клана Кроулнобаров.

Ее воспитывали на Эвермите при королевском дворе, но недавнее нападение на островное королевство потрясло ее до глубины души. Королева Амларуил убедила Элайта забрать свою дочь на зиму к себе, дабы дать ей время успокоиться.

Элайт нашел свою дочь в комнате для занятий, скромно сидящей рядом с наставницей, с открытой книгой на коленях. Азария была красивым ребенком, не по возрасту высоким и длинноногим, как молодой жеребенок. Она напомнила ему ее мать, солнечную эльфийку, его любовницу, которой Элайт когда-то увлекся и потом забыл. Но Азария все равно была его законной наследницей, и наследовала также лунный клинок Кроулнобара.

Разумный меч отверг его однажды, выбрав сон вместо недостойного хозяина. По милости богов и с согласия предков Кроулнобара, лунный клинок был разбужен, но Элайт не имел никаких иллюзий насчет своей судьбы. Он никогда не будет его, и не должен был быть.

Он не рассчитывал также, что Азария будет владеть им. Никогда, ни разу, в длинной и жестокой истории лунных клинков не было такого, чтобы золотой эльф претендовал на меч. Но живой лунный клинок принес славу дому Кроулнобаров, и он мог бы быть привлекательным приданым. Со временем Азария выйдет замуж за лунного эльфа из знатной семьи, и если у нее появятся дети, то самый достойный из них унаследует меч.

– Вот оно что! – торжествующе вскричал ребенок, ударив по странице тонким пальцем. – Этот закон был написан Советом старейшин Эвермита, на второй год правления леди Миларлы Дуротил в качестве верховного советника.

Элайт в удивлении поднял брови. Это занятие больше пристало магистрату, чем девочке одиннадцати зим от роду.

– Интересный выбор, Деларита, – произнес он сухо, обращаясь к эльфийке-барду, нанятой для того, чтобы продолжить обучать его дочь арфе. – Я с нетерпением ожидаю, когда этот закон прозвучит как музыка.

Две пары женских глаз настороженно остановились на его лице.

– Леди Азария хочет побольше узнать о семейном лунном клинке, – объяснила бард.

– Им будут владеть ее дети. Что еще нужно знать?

Девочка поднялась на ноги, ее лицо было бледным, но решительным.

– Достигнув совершеннолетия, я получу лунный клинок.

Элайт уставился на нее, слишком ошеломленный, чтобы скрыть удивление.

– Что это за чушь?

– Это – закон. Это мое право, – прошептала она.

Его поразило странное и неприятное понимание: оказывается маленькая Азария была не просто его дочерью, но вполне сформировавшейся личностью, со своими мечтами и планами. Но так скоро? Неужели он надеялся видеть в ней покорного ребенка еще десятилетие или два?

– Знаешь ли ты о законах природы? – потребовал он ответа. – Эльфы – это не половина этого и половина того. Ты дочь своей матери, золотой эльф. Ни один золотой эльф никогда не владел и не будет владеть лунным клинком.

– А что же клинок Старима? – упорствовал ребенок.

Элайт послал барду взгляд, который должен был убить ее на месте.

– Это вы учили ее всему этому бреду, или есть еще кто-то, кто должен привести ее мысли в порядок до наступления ночи?

Девочка встала между отцом и учителем – странное защитное действие для такой крохи – и опустила в почтительном реверансе.

– В этом виновата только я. Во время морского путешествия я захотела узнать побольше о материке. Один попутчик одолжил мне несколько книг, большинство из которых были о путешествиях, написанные человеком по имени...

– Воло, – резко закончил Элайт. – Странствующий бродяга, который говорит правду лишь изредка, и обычно случайно. Запомни это, хорошо.

– Я запомню, – пообещала Азария. – Но разве это не правда, что полуэльф унаследовал клинок? И ей было тогда пятнадцать зим?

Маленькая девочка гордо подняла свой острый подбородок, и Элайт прочитал все невысказанные слова у нее на лице.

– Прежде чем ты скажешь что-нибудь о превосходстве эльфа благородных кровей над полукровками, – тихо сказал он. – Ты должна знать, что мать Лунного Клинка Амнестрия из Эвермита, которая была мне дороже всего. Ее дочь, хотя лишь наполовину эльфийка, является принцессой по крови, и я больше не услышу ни слова, сказанного против нее.

– Да, милорд, – покорно сказала девочка.

– Тогда давай не будем больше говорить об этих глупостях, – строго сказал он. – Вопрос исчерпан.

Азария побледнела. Однако она продолжала стоять на своем, положив одну руку на «Свод Эльфийских Законов», как будто хотела получить силу из древних законов.

– Со всем уважением, милорд, – прошептала она, – лунный клинок принадлежит мне, и никто не сможет меня убедить в обратном.

– Знаете ли, а ведь она права, – раздался насмешливый голос позади них.

Элайт со злостью повернулся, недовольный, что кто-то проскользнул за ним в комнату. Он увидел Тинхерона, прислонившегося к косяку, с улыбкой, выглядевшей странно на его рептильем лице.

Полудракон был его старым другом и дальним родственником, но Элайт не имел желаний обнародовать эту неудобную правду.

– Разве у меня итак не достаточно хлопот, еще ты лезешь? – вспыхнул он.

Улыбка сошла с лица Тинхерона.

– Амбиции Азарии беспокоят вас. Но я подумал...

– Ты подумал? – язвительно спросил Элайт.

Полудракон повернулся в коридор и втащил в дверной проем Олтенниуса Благословенного Гондом.

– Я понял, – тихо сказал Тинхерон, – что вы испытываете решимость своей дочери, и то, что имели ввиду именно это обстоятельство, когда предложили лантанцу покровительство.

Смысл сказанного начал доходить до Элайта, и его глаза расширились от внезапного осознания этой новой и удивительной возможности.

– Леди Азария, представляю вам Олтенниуса Благословенного Гондом, – тихо сказал Элайт. – Вы будете заниматься вместе с ним в течение многих лунных месяцев.

К чести Олтенниуса, он с большим энтузиазмом приступил к выполнению своей новой задачи, работая в течение долгой зимы, пытаясь приспособить свое устройство к магии лунного клинка Кроулнобара. В отличие от многих людей, он не тратил время впустую, сожалея о «несправедливости» в выборе владельцев эльфийских мечей. Элайт был рад этому, потому что он слышал эту сказку уже много раз. Если бы некоторые такие мудрецы нашли способ изменить это, любая «достойная душа» смогла бы тогда владеть лунным клинком, будь то солнечный или морской эльф, или, если уж на то пошло, куртизанка-полуорк с золотым сердцем и клыками. К тому времени, как повсюду начала пробуждаться природа, а тяжелые зимние снега сошли, Олтенниус объявил, что его устройство готово к испытанию.

Эльф этого не ожидал.

– Испытание? – спросил он. – Как именно вы предлагаете это сделать?

– Меч должен быть извлечен из ножен. Если его магию нельзя изменить, мы узнаем.

Брови эльфа поползли вверх.

– Да, довольно трудно пропустить опыт, представляемый почерневшим, дымящимся трупом. Впрочем вернемся к испытанию. Задумывались ли вы о том, что произойдет, если магия будет изменена?

Настала очередь Олтенниуса озадачиться.

– Разве не в этом весь смысл?

– Безусловно, – нетерпеливо ответил Элайт, – но совершенно очевидно, что нельзя допустить, чтобы Азария шла на такой риск. Кто-то другой должен пройти это испытание, но что, если тот, кто первый попытается вытащить меч, заявит о своих правах на него?

Лантанец несколько минут обдумывал эти слова.

– Ну, это немного похоже на загадку, не так ли?

Легкое шуршание металла по дереву привлекло внимание Элайта к рабочему столу, где покоился, вложенный в ножны, клинок Кроулнобара. То, что он увидел там, на мгновение, заставило его сердце сжаться.

Азария пробралась в комнату и медленно поворачивала металлические ножны, чтобы схватиться за рукоять. Девочка слышала, о чем они разговаривали, и в голове ребенка была лишь одна мысль: если ее лунный клинок был готов к обращению, он был готов для нее.

Она умрет, это было очевидно. Даже если искусство лантанца окажется эффективным – или даже если сама Азария в конечном итоге окажется достойной лунного клинка – она была еще ребенком, а ребенок слишком хрупкий сосуд для такой силы. И, так как здесь были два живых Кроулнобара, меч убьет непригодного владельца, прежде чем впадет в спячку в руках последнего из клана.

Все это промелькнуло в голове Элайта в одно мимолетное, охваченное ужасом мгновение. Потом он взревел и начал действовать. Он бросился через стол, выбивая меч из, хватающих его, рук ребенка.

Ножны с грохотом упали на пол, а обнаженный меч развернулся на столе, лезвием в сторону ошеломленного ребенка. Недолго думая, Элайт схватился за рукоять.

Лазурный свет окружил его, и он с удивлением уставился на меч в своей руке – живой меч – светящийся слабым серебристым светом, отмеченный странными знаками, которые сочетали шрифт Эспруар с чем-то похожим на драконьи руны.

Немного подумав, Элайт признал, что в этом был смысл. Некоторые из Кроулнобаров были драконьими всадниками – в этом отношении он и Тинхерон разделили какого-то общего предка.

– Мой, – взмолилась Азария, протягивая руки к мечу.

Гнев поднялся в Элайте внезапно, более зловещий и могущественный, чем тот, который когда-либо посещал его. Глупый ребенок! Даже сейчас, она не имела ни малейшего представления о силе, которую надеялась постичь!

Он повернулся, чтобы устроить ей выговор, который она заслужила, но оказался лицом к лицу с крошечной статуей. Азария стояла с дикими глазами и, застыв, глядела на него, как кролик, загипнотизированный взглядом хищника.

Прежде чем Элайт осознал это, топот приближающихся слуг и охранников, спешащих на крик хозяина, внезапно прекратился.

Эльф повернулся в сторону открытой двери. В зале за открывшейся дверью стояли десятки вооруженных людей, так же, как и ребенок, побледневшие и застывшие, словно статуи.

Один из охранников впрочем быстро очнулся и пробрался в комнату, на его чешуйчатом лице застыло выражение благоговения и опаски.

– Элайт? Кузен? Положите меч, прежде чем вы убьете их всех, – тихо произнес Тинхерон. – Они поражены ужасом при виде дракона, и это очень плохо.

Но Элайт не хотел убирать клинок. Он так хорошо подходил к его руке, словно был создан исключительно для его хватки. Ярость дракона тоже была ему знакома – это было естественное продолжение гнева, его постоянного спутника, обычно скрытого под хрупкой оболочкой власти, богатства и язвительного остроумия.

Эльф медленно повернулся к неподвижному Олтенниусу, на пухлом лице которого застыло выражение, обозначающее одновременно ужас и триумф. Олтенниус Благословенный Гондом вновь преуспел, а Элайт снова потерпел неудачу.

С большим трудом эльф успокоил свой гнев и освободил ярость дракона, которую вызвал. Когда лантанец стряхнул с себя последствия заклинания, Элайт вытащил свой второй меч и передал его человеку.

– Защищайся, – тихо сказал он, – и предстань перед судом, как и все те, кто позорит лунный клинок.

Суд закончился быстро. Элайт вырвал коробочку – результат тысячелетних неустанных усилий – из мертвой руки Олтенниуса Благословенного Гондом и швырнул ее к дальней стене. Устройство разбилось, осыпаясь на пол осколками дерева, фрагментами металла и проволоки.

Все еще сжимая лунный клинок в руке, он повернулся в сторону Эвермита, ожидая смерти. Конечно же, он умрет, ибо кто же еще опозорил этот меч, больше, чем он? Он пытался использовать древнюю эльфийскую магию, чтобы удовлетворить свою гордыню. Нелепые рассказы Воло, самонадеянность Мелшимбера – это всего лишь тени по сравнению с его преступлениями.

Да, даже сейчас, когда таинственный эффект устройства начал исчезать, Элайт почувствовал, как в мече собирается сила, и смертельный жар начал опалить его руки.

Сильная чешуйчатая рука опустилась на его плечо, и Тинхерон протянул металлические ножны. Он умоляюще смотрел на него золотистыми глазами.

– Лорд Кроулнобар, – сказал он просто, но эти слова имели особенные значения: честь, ответственность, семья.

Отчаяние ускользнуло в какое-то скрытое место в душе Элайта, где оно, без сомнения, будет с яростью ожидать своего часа и планировать следующее возвращение. Элайт опустил лунный клинок в ножны, где он будет ждать своего законного владельца.

Полудракон аккуратно убрал в сторону, вложенный в ножны, клинок и с сожалением посмотрел на разбитое устройство.

– Это точно было необходимо? Что насчет лунного клинка Кроулнобара и леди Азарии?

Действительно, что? Кто бы мог сказать точно, кроме самих богов, создавших эту смертельную игру?

Элайт одарил ребенка ободряющей улыбкой.

– Только, когда достигнет совершеннолетия, – тихо промолвил он, – она рискнет.

ДАНЬ

Публикуется впервые

Когда мы писали “Город Роскоши”, я и Эд Гринвуд обсуждали прошлое Глубоководья, не просто в ретроспективе, а через “истории героев”, рассказанные Таэросом Хоуквиндом. По сюжету, Таэрос, младший сын торговой элиты Глубоководья, секретно работал на Глубокие Воды, коллекционируя рассказы и легенды о героях Глубоководья, которые он намеревался преподнести в качестве подарка Азуну V, несовершеннолетнему королю Кормира.

Но время и обилие слов доказывали о смертности сего начинания. Хотя связь с Глубокими Водами в новелле была, но ни один рассказ Таэроса не был включен. Вот история, которую он написал, пока ждал своих друзей, прибывающих в их убежище в доках. Она рассказывает об истории знаменитой достопримечательности Глубоководья.

За много поколений до водружения людьми и эльфами первого камня в Долинах, с которого началось новое летоисчисление, маленькая банда варваров построила себе дом около глубоководной гавани. Это было хорошее место, с прекрасной охотой в окружающих лугах и лесах. Так много рыбы было в море, что вода не могла удержать ее. Так и было, на протяжении каждого летнего полнолуния, маленькие серебряные ранчионы выбирались на берег, чтобы отложить яйца. Сбор этих скользких и вертлявых рыб считался отличным спортом, поводом для песен и плясок. Никто так не наслаждался лунной охотой как Сима, одна из двух дочерей местного бондаря. Сима была восхитительной девушкой, — круглая как ягодка и смуглая как крапивник. Но ее сестра Эрлиэн не уступала ей в красоте, она была длинной и красивой, с волосами цвета красной пшеницы, и именно ей был предназначен взгляд вождя Броза. Горькими были его слезы, когда был проведен жребий для дани дракону, и камень краснее красной пшеницы упал рядом с алтарем для жертвоприношений.

В те времена земли от моря до моря были под властью драконов, и каждый год они прилетали за своей данью — одна дева, убитая на алтаре, чтобы соблазнить с расстояния небес короля дракона. Каждый год вождь бросал горстку камней на алтарь: красная и белая речная галька, смолисто-черный уголь, груды янтаря различных оттенков от бледного светлого до коричневого. Воля богов решала, какой камень упадет ближе к алтарю. Дева, чей цвет волос был ближе всего к цвету несчастливой камня, становилась летней жертвой.

Ничто в деревне не могло спасти Эрлиэн, так как только у нее были такие красные волосы.

Столь сильной была любовь вождя Броза к Эрлиэн, что он не мог отдать ее в жертву. С помощью угроз и уговоров он переманил на свою сторону деревенского бондаря. В день первого летнего полнолуния, в ночь бега ранчионов и пира драконов, Броз объявил пир. Бондарю было парой пустяков добавить в вино травы, из-за чего вся деревня впала в сон. Все выпили, но не бондарь и Броз, и когда Сима заснула, они втерли в ее волосы ягодный сок, пока волосы не стали краснее красной пшеницы, а затем привязали ее к алтарному камню.

Селяне пробудились в полнолуние от грома крыльев, как только два красных дракона прилетели за своей данью: воитель вирм известный как Хиста'киамарх и его помощница, жрица, чье имя не возможно было произнести человеческим языком. Они внушали ужас, и огромным был испуг Симы, когда она обнаружила себя привязанной вместо сестры.

- Я преданна! - завопила она. - Я не была выбрана в жертву! Другая должна умереть, но не я!

Воин вирм посмотрел на нее вниз и его могучий рот искривился в ужасающей кривой усмешке. - Я всегда находил, что мелкое вероломство в людях предает им пикантности. Назови предателей, громкая, закуска, — и ты будешь свободна.

- Поклянись, - настаивала Сима. - Поклянись самой священной присягой, что те, кто притащили меня сюда, умрут на моем месте.

- Четырьмя ветрами, дыханием Тиамат, так и будет, - ответил Хиста'киамарх.

Как только клятва была произнесена, дракон протянул коготь и перерезал веревки, что связывали руки Симы. Она подняла свою руку и обвиняющим жестом взмахнула в освещенной луной смертельный путь, который указывал в направлении жителей Глубоких Вод. Страх был написан на каждом знакомом лице, но ярче всего страх горел в глазах тех, кто предал ее.

Сима увидела, что было в глазах ее отца и вождя, и на мгновение она застыла, задрожала. Потом ее рука показала выше на большего дракона.

- Это был ты великий Хиста'киамарх, - выкрикнула она. - Это ты, кто потребовал эту дань, это ты, кто положил меня на этот алтарь! Людские руки завязали узлы, но веревка, связывающая всех нас, в твоей власти. Древними узами слова и ветра — это Хиста'киамарх, кто должен умереть на месте Симы!

Злобный пар ударил из драконьих ноздрей от этих слов, и вспыхнул и запрыгал огонь в желтых глазах Хиста'киамарха. Яростно шипя от дерзости девушки, он поднял свою лапу для убивающего удара.

Сразу же со стороны моря заревел ужасный ветер. Чудовищное облако, темное и имеющее форму дракона, направилось по направлению к прячущимся селянам, как убивающий шторм. Это несло прошлое Глубоких Вод, только для того, чтобы пройти кругом в небесах и вернуться обратно со смертельными намереньями.

Дракон-клятвопреступник смог оторвать глаза от ужасающего зрелища, чтобы послать вопрошающий взгляд своей компаньонке.

Его напарница наклонила свою рогатую голову в священном кивке. - Дыхание Тиамат, — подтвердила жрица. - Как ты клялся, так и будет. Словом и ветром, твоя жизнь — за жизнь девы.

И как только она это сказала, облако в форме дракона устремилось вниз и поглотило Хиста'киамарха. После дракон и облако взмыли в высь в направлении бдящей луны. Они исчезли вместе высоко над Глубокими Водами, в столкновении, которое разорвало небо звуком громче грома. Дождь из драконьих чешуек выпал прямо в грязь Глубоких Вод, пугая селян.

Но любопытный лунный свет скоро пробился сквозь клубы пыли, и люди стали потихоньку подходить ближе. Перед всеми предстало удивительное зрелище: драконьи чешуйки упали вокруг алтаря в виде круга, на котором стояла Сима, целая и невредимая. Драконица жрица поклонилась ей как будто дочери вождя.

- Соглашение выполнено, дань заплачена, - сказала драконица и ее могучий голос прокатился через мор и побережья. - Что не смог достигнуть силой воины Глубоких Вод, достигла одна девочка с помощью своей сообразительности и верности.

Тогда драконица взмыла в небо и пропала.

Селяне были поражены, и как один упали на колени перед девушкой, что спасла их.

Сима слезла с алтаря, с одной стороны, ей подал руку отец, а с другой Брог, суженый ее сестры. Поднятая ими вверх она радостно сказала: - Луна полна, и ранчионы скоро вернутся в море. Только потому, что драконы не могут поест, это не значит, что и мы не должны.

Весело шли люди Глубоких Вод по направлению к пескам. Они преследовали маленьких убегающих рыб с большим азартом и смехом, до тех пор, пока луна не

перешла в дневную дремоту к радостным песням и приятному запах тушеного мяса ранчиона.

В наши дни мозаику из чешуи дракона, которая тверже всякого камня, можно увидеть на Площади Девственницы. Благодаря Симе больше никогда драконы Севера не требовали кровавую дань с жителей Глубоководья.

УСЛЫШАННЫЕ МОЛИТВЫ

Публикуется впервые

Наверное, наиболее часто в письмах от читателей встречается вопрос: «Будет ли еще одна история о Лириэль?». «Крылья Ворона» завершили историю, которую я хотела поведать в трилогии «Звёздный свет и тени» и привели все темы и сюжетные линии к неизбежному финалу, но многие читатели всё ещё хотят знать, Что Произойдет Дальше. Этот рассказ для них.

События истории происходят почти через десять лет после заключительного сражения в «Крыльях Ворона», и заставляют читателей от всей души сопереживать перипетиям жизни Лириэль: приключениям, товарищам, достижениям – и искушениям. Искушения будут всегда, ведь, что бы ни случилось в жизни Лириэль, кем бы она не стала, она навсегда останется дроу.

Портовый город Хлэммэк не испытывал недостатка в тавернах, но немногие из них с готовностью обслужили бы дроу. Лириэль Бэнр и две её спутницы провели большую часть вечера, прокладывая себе дорогу через Улицу Таверн, прежде чем нашли себе столик в шумной портовой пивной.

Это был *хороший* столик, как раз напротив окна, и, как презрительно отметила Лириэль, с прекрасным видом на проходивших мимо моряков. Многие и не проходили вовсе, а останавливались поглазеть на необычную женскую троицу на показе: дроу с эбеново-чёрной кожей, златовласую звёздную эльфийку и высокую, гибкую красавицу, которая, не считая диковатых огоньков в её янтарных глазах, выглядела, как лунный эльф.

Лириэль пришлось признать, что это была достойная уважения выходка со стороны владельца. Она и её подруги были украшением витрины – экзотической приманкой для проходящих клиентов. Эльфы любых видов не были распространены в Импультуре, и три поразительно разные эльфийские женщины определённо обращали на себя внимание. Несколько девиц соблазнительно расположились на ближайшей кушетке, готовые предоставить альтернативу, когда хозяева объяснят, что эльфийки не для продажи.

Взрыв безумного хохота раздался со стороны соседнего стола, где трое подвыпивших торговцев любезно демонстрировали свои товары бойкой проститутке.

Шарларра Вендрет закатила глаза.

- Воровка, жрица Мистры и поборница Эйлистри забрели в бордель. Остановите меня, если вы слышали такое.

- Не *эту* старую остроту, - сухо ответила Лириэль. Она бросила взгляд на третью эльфийку. – Ты даже не прикоснулась к своему элю, Торн, после всех твоих жалоб о том, что от жажды выпила бы и морской воды.

Черноволосая воительница попробовала свой эль, скорчила гримасу и опустила кружку на место.

- *Трюмная* вода и то лучше. И ради Тёмной Девы, Шарларра, потише! Я знаю волков, чей вой был бы не так слышен.

- Торн права, - сказала Лириэль звёздной эльфийке. – Насколько это заботит добрых жителей Импильтура, ты не воровка, а *наёмница*. Лучше держись этого пути.

Шарларра потеряла цвет морской волны табард, показывающий её статус: наёмница, состоящая на военной службе Импильтура. Тоненький пальчик очертил три сцепленных вместе кольца, символ Совета Лордов, который правил страной от имени королевы Самбрил. Знак был вышит экстравагантными серебряными нитями, к вящей славе трёх богов – Тира, Торма и Ильматера – наиболее почитаемых в Импильтуре.

- Мы *все* наёмные клинки, - заметила звёздная эльфийка. – По сути, если бы не высокие почести, которыми Джаниндил из Рашемана осыпал *тебя*, советник не одобрил бы *никого* из нас. Так почему же только Торн и я носим тройные кольца?

Лириэль приподняла рукав сорочки и многозначительно продемонстрировала своё чёрное предплечье.

- *Дроу?* Помнишь этот маленький нюанс? Когда добрые жители Хлэммека видят двух наёмниц, сопровождающих на улице тёмного эльфа, то предполагают, что ты и Торн держите плохую ситуацию под контролем. Но если мы все трое носили бы цвета совета...

- Они скорее всего решили бы, что табарды украдены, - закончила Шарларра. – Это не приходило мне в голову.

Подобные мысли *всегда* посещали Лириэль. Даже сейчас, разделённая годами с родным Мензоберранзаном, она всё ещё думала, как дроу: ни одна тропа не ведёт прямо, ни один вопрос не бывает прост, никакой план не строится ради лишь одной цели. На её родине слово "лживый" было высокой похвалой. Её воспитывали на обмане и предательстве, учили видеть слои внутри слоёв. Тёмный эльф, который не видел множества возможностей в любой ситуации, едва ли прожил бы долго.

С такой тренировкой подозрение приходило легко. С дружбой было намного труднее. До того, как она покинула Подземье, самым ближайшим для Лириэль подобием дружбы был её союз с безумной двухголовой глубинной драконихой. С тех пор она была несомненно удачлива. Уже несколько лет она переживала приключение за приключением с Торн и Шарларрой. А до того...

- Наконец-то, вот наша еда. – Торн кивнула в сторону обслуживающей девки, которая в этот момент прокладывала себе путь сквозь строй цепких рук, неся над

головой тяжело нагруженный поднос, с сияющей решительной улыбкой, твёрдо застывшей на её лице.

Служанка выложила удивительно аппетитную на вид пищу: жирные тушёные морепродукты, поданные в хлебной корке, блюдо острых сыров и чаши с засахаренными ягодами.

Торн посмотрела на своё сочное блюдо с явным одобрением.

– Я чувствую запах жареной баранины. Принеси и мне тоже кусок потолще.

Девка сдула выющийся каштановый локон со своего лица и покачала головой.

– Кухарка только что положила её на огонь. Пройдёт некоторое время, прежде чем мясо будет готово.

Торн одарила служанку холодным янтарным взглядом.

– А овечья шерсть всё еще на мясе?

Девушка заморгала.

– Н-нет. Конечно нет.

– В таком случае, оно готово.

Лириэль захихикала от выражения лица служанки, и скорости, с которой та удрала на кухню. Аппетит Торн был чудовищным и не совсем культурным. Не столь удивительно, принимая во внимание то, что она провела очень много времени, бегая туда-сюда на четвереньках.

И, говоря об аппетитах, Шарларра не отставала от неё, хотя и в других смыслах. Звёздная эльфийка рассматривала других клиентов с интересом, прямо встречая их похотливые взгляды с дружеской, открытой улыбкой – не совсем приглашение, но и не далеко от этого, также.

Лириэль не винила Шарларру за любящую веселье натуру, поскольку она её хорошо понимала. Её годы в Подземье скрашивались многими красивыми мужчинами дроу. Взаимный предрассудок делал союз с поверхностным эльфом маловероятным, но время от времени, человеческий мужчина мог привлечь её внимание. Даже при этом, для неё не было никого после Фиодора из Рашемана. Иногда она задумывалась, а *смог ли* появиться когда-либо.

Её рука опустилась на символ Мистры, висевший над её сердцем. Вскоре после смерти Фиодора Лириэль нашла свое истинное призвание. Магия всегда была её страстью, но она также чувствовала призвание пойти по пути жреца. Когда она узнала о Мистре, Леди Магии и Тайн, всё встало на свои места. Её преданность богине магии была такой же искренней, а её амбиции такими же великими, как и у любой жрицы Ллос. Она добивалась расположения богини и просила силы с такими пылом и страстью, что даже её бабушка, ужасающая Матрона Бэнр, кивнула бы с одобрением. Но только недавно Лириэль осознала причину, заставлявшую её так стремительно продвигаться по службе у Мистры.

Могущественные жрецы могли воскрешать мёртвых.

Торн разрушила грёзы тёмной эльфийки, похлопав Шарларру по плечу. – Никаких ухаживаний, не здесь, – предупредила она. – Мы едим, мы уходим. Таков был уговор.

– Слишком поздно. – Звёздная эльфийка наклонила свою золотистую голову в сторону мужчины, с важным видом направляющегося к их столику.

Потенциальный поклонник Шарларры был крупным мужчиной, слишком молодым для его размеров. У него был немного затуманенный взгляд, какой приобретают некоторые авантюристы с большими мускулами, когда дни напряженной езды уступают долгим ночам, посвящённым игре в кости и выпивке. Тем не менее, его самоуверенная улыбка означала высокое мнение о себе, а одежда и снаряжение были яркими донельзя. Огромные перья птицы Рух, окрашенные в ярко-пурпурный цвет, свешивались с полей голубой шляпы. Его рубашка и штаны завершали эту игру цветов из бесчисленного множества синих, зеленых, желтых и оранжевых полос – и эдакая чересполосица завершалась блестящими красными сапогами из драконьей кожи. Короче говоря, он был ходячей радугой, принадлежал к числу недалёких хлыщей, которых большинство людей отвергало, с ухмылкой пожимая плечами.

Лириэль охватила это быстрым взглядом, прежде чем её глаза перешли к оружию мужчины. Оно было декоративным, да, но меч на его бедре находился в хорошем состоянии, и рукоять носила следы частого использования. Также, у него было и другое оружие; кинжалы и ножи, которые он, вероятно, считал умно скрытыми, включая пару кинжалов, запрятанных за слишком большие отвороты сапог. Его кошелек был тяжелым, а красный кнут для верховой езды, заткнутый за пояс, совершенно идеально сочетался с цветом упряжи прекрасного черного жеребца, ожидавшего хозяина в примыкающей конюшне. Лириэль бросила взгляд на стол, из-за которого он только что встал, отметив полудюжину мужчин, сидевших за ним. Они, в отличие от ходячей радуги, не пытались выдавать себя за кого-либо и были теми, кем на самом деле являлись: хорошо закалёнными бойцами. И также охотниками, судя по полным колчанам под их стульями и длинными луками, прислонёнными к стене. Все они носили пояса из ярко-красной кожи дракона – своего рода ливреи, свидетельствовавшие об их наёмном соглашении.

Чудесно, подумала Лириэль мрачно. Недотёпа мог драться, и у него были люди для поддержки.

Далее он удивил её, проигнорировав Шарларру и направившись напрямиком к Торн.

– Я знаю, что ты такое, – сказал он резко. – Ты, возможно, смогла бы провести всех остальных, но я узнаю литари, как только вижу одного из них.

Торн пожала плечами.

– Тогда ты не такой дурак, каким кажешься.

– Это самая неожиданная встреча, если не без иронии, – продолжил он, игнорируя её оскорбление. – Я охочусь за экзотическими шкурами волков для своего трофейного зала, и слухи про оборотней в Сером лесу привели меня в Импильтур. Но никто не хочет проводить меня в те леса, поэтому я промышляю охотой иного сорта в портовом борделе. И вот мы оба здесь.

Литари оглядела его сверху вниз. Её губы скривились.

– Тебе даже позволено спариваться?

Он отступил на шаг назад, нахмутив брови в замешательстве.

– Позволено? О чём это ты говоришь?

Торн с отвращением тряхнула головой и повернулась к своим компаньонкам. – Я всё время забываю, что люди не придерживаются законов стаи. Среди моего народа, право на размножение нужно заработать.

– Или купить? – подольстился он, поднимая большую золотую монету.

Торн фыркнула.

– Ни одна уважающая себя сучка не подняла бы хвост в твою сторону, даже за все монеты Импильтура.

Приятное выражение лица мужчины не дрогнуло.

– Тогда вернёмся к кровавому спорту. Без разницы – всё это охота, и для меня это одно и то же. В данный момент, один я знаю твою настоящую натуру. Но одно моё слово, и шестеро охотников начнут соперничать за награду, что принесет им твоя волчья шкура.

– Одно моё слово, – произнесла Лириэль таким же вежливым тоном, – и шестеро охотников будут поражены огненным шаром, достаточно большим, чтобы не оставить ничего, кроме пятна вонючего жира на полу таверны.

Наконец, внешний лоск мужчины улетучился, и он бросил злобный взгляд из-под полуприкрытых век в сторону Лириэль.

– Если используешь смертельную магию, дроу, ты никогда не покинешь город живой. Но, конечно, тебе всё это прекрасно известно.

Так и было. Её принятие в Импильтуре был крайне призрачной вещью, несмотря на ценные услуги, которые она оказывала. Близкое знакомство с подземными путями сделало её ценной находкой для отрядов Мечей, которые патрулировали туннели под Каменным Шпилем. Недавнее открытие храма Ладугуэра, злого бога дуэргаров, подняло вопрос о возможности торговли с поселением серых дварфов. Умение Лириэль говорить на нижне-общем пользовалось большим спросом среди предприимчивых торговцев. Даже при этом, должностные лица Импильтура дали ясно понять, что с неё не будут спускать глаз. Ей позволялось использовать целительные заклинания и другую полезную жреческую магию, но никакое «присущее дроу» поведение не допускалось.

И это, заметила Лириэль, было сложной проблемой. Если когда-либо мужчина и заслуживал полного внимания со стороны её темной натуры, то это был именно этот ухмыляющийся дурак.

Но кроме магии и стали, тёмные эльфы имели другое оружие, и не последним была их репутация. Женщины дроу обучались определённым умениям с малолетства: как обернуть клинок сарказма шелковыми речами, как выпустить искру злобы и порока столь же естественно, как масляные лампы отбрасывают свой свет, как пообещать смерть, не вынимая оружия.

Лириэль заставила свои глаза злобно вспыхнуть и изогнула губы в холодной, жестокой усмешке.

– Ты кажешься хорошо сведущим в законах Импильтура, – сказала она чётким, звонким голосом. – Ты не похож на большинство охотников, но совет, возможно, нанял бы тебя как клерка или писца.

Натянутая улыбка мужчины исчезла.

– Вам стоит знать, что эти ботинки – трофей.

– Красный дракон. Впечатляет, – промурлыкала Лириэль. – Скажи мне, птицу Рух ты тоже убил? Или одна услужливо сбросила несколько перьев в твоём направлении?

К тому времени таверна сделалась опасно тихой, и настороженные выражения лиц постоянных посетителей показали, что их приятные тёмные фантазии о Лириэль сменились куда более тёмными мыслями – историями, которые они слышали о дроу.

Владелец поспешил к столу, едва не ломая руки в отчаянии.

– Я не хочу здесь никаких проблем.

– А кто хочет? – холодно ответила Торн. Она взглянула на Лириэль, мельком отметив тонкие чёрные пальцы, обвинившие жреческий символ, и постучала своей ногой по сапогу подруги. Дроу ответила тонкой, опасной улыбкой. Торн закрепила их негласное соглашение кивком и снова повернулась к трактирщику.

– Я заплатила за эту еду, и намереваюсь доесть ее. После, этот человек и я сможем уладить наши разногласия снаружи.

К щёголю вернулась самодовольная улыбка, и его правая рука опустилась на эфес оружия.

– Поединок – ещё один вид охоты. Условия вполне приемлемы. Я жду вашего соизволения. – Он насмешливо поклонился литари и пошел обратно к своему столу.

Шарларра перевела взволнованный пристальный взгляд с Лириэль на Торн.

– Вы что-то замышляете. Могу ли я узнать, что?

Литари проигнорировала её.

– Сколько времени тебе нужно для подготовки заклинания, дроу?

– Не более четверти часа. – Лириэль взглянула на луну. Большой полумесяц уже начал свой спуск, и, казалось, рисковал нанизать себя на мачту большого корабля. Это было удачей – судно могло бы послужить точкой отсчета и помочь ей отмерять интервалы уходящего времени. Торн не нуждалась в подобной помощи, но Лириэль ещё только предстояло освоиться с искусством измерения времени по движению луны и звёзд.

К тому моменту, как Торн очистила от последней крошки хлеба свою миску и жадно съела кусок плохо прожаренной баранины, месяц почти касался гика корабля. Лириэль предполагала, что это задержка была продиктована планом настолько же, насколько и голодом; к тому времени, когда Торн закончила прием пищи, улицы были почти пусты.

Наконец Торн поднялась, чтобы выйти. Вызывающе одетый охотник почти вытолкнул её к двери в своём нетерпении.

Они вышли на середину улицы, стали друг против друга и вытащили мечи. Первое столкновение клинков эхом разнеслось по пустой улице. Сталь засвистела, стоило только клинкам скользнуть свободнее, а затем снова разразилась тремя отрывистыми, звенящими нотами.

Противники кружили, проверяя друг друга короткими ложными выпадами, быстрыми ударами и ловкими парированиями. Они были почти одного роста, так что никто не имел преимущества досягаемости. Торн была быстрее, но мужчина сильнее. Оба производили впечатление равных по силе противников, и конечно же являли яркий контраст. Торн сняла свой синий табард, чтобы показать, что этот бой

не имел официального характера, так что в ней почти не осталось цветов. Торн предпочитала одежду беспросветного черного цвета, поскольку это был цвет её шкуры в волчьем облики. Длинные чёрные волосы обрамляли ее бледное лицо, распущенные, но с единственной полосой белого – знаком благосклонности Эйлистри – заплетенной в тонкую косичку.

К тому времени большинство постоянных клиентов и некоторые из девиц толпились вокруг окна, наблюдая за сражением на улице. Шарларра наклонилась близко к Лириэль. – Разве мы не должны выйти наружу?

Дроу покачала головой и продолжила свою молитву. Она была права, когда решила остаться в таверне — в окружении людей, которые ожидали, что дроу нападёт с мечом или заклинанием. Но они не заметили бы никаких жестов и не слышали бы никаких слов.

Сейчас, если бы только *Мистра* услышала...

Тепло присутствия Леди пробралось в сердце Лириэль, и она поняла, что её молитва нашла ответ.

Слабо светящийся красный туман поднялся с грязной мостовой. Подобные усики тумана неслись из таверны и из открытого окна, сливаясь с увеличивавшимся красным облаком.

Шум пари и шуток, окружавший Лириэль, уступил тяжелой тишине. Она поднялась и протолкнулась к окну, чтобы посмотреть на результат своей молитвы.

Туман начал кружиться как будто бы в беспокойстве. Затем, слишком быстро, чтобы уследить человеческим глазом, он принял безошибочную форму. Облаченный в радугу воитель отступил от всё еще туманного облика молодого красного дракона и споткнулся о грубо вымощенную булыжниками мостовую ногами, которые вдруг, неожиданно стали босыми.

В мгновение ока туман исчез. Теперь уже твёрдое существо покачало рогатой головой. Дрожь прошла по его массивному телу, делая его странно похожим на собаку, отряхивающуюся от воды. Его глаза приняли сосредоточенный вид и оглядели мрачную улочку и спящую гавань за ней. Потом он заревел, и посетители борделя бросились в укрытие под столы. Шарларра разумно последовала их примеру, оставив Лириэль одну стоять у раскрытого окна.

Большинство гуляк, услышав рёв дракона, и не думали собирать дополнительную информацию, но Лириэль, с её разумом, всё еще открытым для богини, услышала нечто другое: острое сожаление о каком бы то ни было небесном мире, которое это существо было вынуждено покинуть.

На мгновение память ярко вспыхнула, и Лириэль снова почувствовала тихое умиротворение родного края, которое промелькнуло, когда она отпускала дух Фиодора в загробную жизнь.

Слёзы заполнили её глаза, а стыд – сердце. Как она могла подумать, даже на одно мгновение, разрушить такое блаженство?

Воскресший дракон приспособлялся к жизни с удивительной скоростью. Его крылья раскрылись, подняв с земли для короткого, быстрого удара. Клыкастые челюсти схватили изумленного охотника. Дракон завертелся, прыгнул на крышу низкого, каменного склада на другой стороне улицы, и унёсся в небо. Он улетел

прочь, и на мгновение контуры дракона и его всё ещё живой добычи, дико пинавшейся босыми ногами, появились на фоне заходившей луны.

Шесть охотников внезапно бросились к конюшням. Они повскакивали на лошадей и пустились в погоню, громко обещая спасение или месть.

Шарларра отреагировала следующей. Она выскочила из таверны и побежала по узкому проулку. Лириэль и Торн последовали за ней, зная по опыту умение звёздной эльфийки ускользать от преследователей.

Они бежали до тех пор, пока не убедились, что за ними нет никакой погони. К тому времени уже началась предрассветная суета, и улицы быстро заполнялись телегами, перевозившими товары на рынок.

Утро начиналось точно так же, как и в любом городе. Дымоходы кашляли дымом в ответ на разжигаемый в каминах огонь. Запах выпекаемого хлеба доносился из большой общественной печи. Двери таверн начинали распахиваться, а уличные торговцы катили свои телеги по булыжной мостовой. Лириэль покорно повернулась к Торн, ожидая, что литари будет готова к утреннему приёму пищи.

Она застала свою подругу рассматривавшей её с мрачным состраданием.

– Значит, ты *можешь* сделать это.

Смысл сказанного был совершенно очевидным, но скрытое в нём значение Лириэль не могла постичь до конца. Она сделала круговой жест рукой, призывая к дальнейшим комментариям.

– Воскрешение – сильное заклинание, но мне оно всегда казалось бессмысленным. Разумное существо, возвращённое к жизни, вероятно, будет искать справедливости в уничтожении своего убийцы, который, в свою очередь, отомстил. Смерть следует за смертью, и таким образом, цикл продолжается.

– Если воскрешённые люди действительно захотят найти справедливость, – сказала Лириэль тихо, – они оставят своих убийц в покое и убьют вместо этого людей, которые вернули их к жизни.

Литари кивнула.

– Это не совсем то, что я имела в виду, но тем не менее это истина.

Тихий шёпот озарения слетел с губ Шарларры, которая слушала этот разговор с нехарактерной ей серьёзностью.

– Значит, полагаю, ты получила ответ на свою молитву, – отметила она. – И я не говорю о том, что ты воскресила дракона, использовав сапоги из драконьей кожи в качестве необходимой части тела. Между тем, мне нравится ход твоих мыслей.

Лириэль взглянула на нее озадаченно.

– А о чём говоришь ты?

– Мне может потребоваться некоторое время, чтобы понять, что происходит, но, в конце концов, я уловила суть. Мы не собираемся в Рашемен, чтобы посетить могилу определённого воина, в ближайшее время.

– Нет. – Тон тёмной эльфийки отрицал дальнейший разговор.

Шарларра улыбнулась с симпатией и восхищением.

– Я пытаюсь избегать религии всегда, когда это возможно, но мне кажется, что большинство людей молятся о том, чтобы что-то произошло, не переставая обдумывать, *стоит ли* этому происходить. Мистра знала, что творилось в твоём сердце, и ответила на оба вопроса сразу.

– Ещё одна истина, – подметила Торн немного удивлённым голосом. – Есть ли у тебя в запасе какая-нибудь другая мудрость, которой стоит поделиться?

Звёздная эльфийка вместо ответа подмигнула и улыбнулась ей.

– Конечно, но ты можешь и не увидеть её как таковую. Я думаю, нам стоит покинуть город на несколько дней, чтобы немного поохотиться. Хорошая пробежка мне бы не помешала, и кроме того, в местных тавернах ужасно готовят мясо.

Торн ответила на поддразнивание ироничным фырканьем, но её глаза заблестели в предвкушении приключений.

– Ты не смогла бы догнать даже спящего кролика.

Улыбка появилась на лице Лириэль, когда она слушала привычное добродушное подшучивание своих подруг. Их всех связывали странные сестринские отношения, возможно, но они облегчали грусть, которая, казалось, никогда всецело не уходила.

Пока они шли, Лириэль обдумывала то, что сказала Шарларра. А что, если причудливые фразы звёздной эльфийки несли истину? Что, если боги прислушивались к негласным молитвам? Заботило ли их то, что скрыто в сердцах их последователей? *Могли* ли они знать?

Как бы неправдоподобно это ни звучало, но было похоже на то. Та жизнь, которую Лириэль знала последние десять лет, была за пределами всего, что дроу из Подземья мог даже представить. Как она могла молить о дружбе и любви, когда она не понимала ни того, ни другого? Возможно, Мистра знала, чего она желает больше всего, и начала отвечать на молитвы прежде, чем они приняли словесную форму.

Лириэль была глубоко благодарна за это, но мысль также не давала ей покоя. Много тьмы было у нее в душе, и молитв, которые лучше остались бы невысказанными и без ответа.

– Леди Тайн, – прошептала она. – Я буду любить тебя и служить тебе так же преданно, как любая из живущих жриц. В ответ, я только прошу тебя никогда не забывать, даже на мгновение, что я дроу.

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» — этого будет достаточно. ;-)

